

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**
САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**
OF SAMARA UNIVERSITY

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ТОМ 9 • №3 • 2023 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 9 • № 3 • 2023 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2023, Т. 9, № 3

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
ул. Академика Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3379963, 3379936
E-mail: Jjournal@inbox.ru
www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 29.09.2023. Дата выхода в свет 12.10.2023

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 14,75.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)

А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, доц. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ)

С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Савинов, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юнин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2023

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

JURIDICHESKIY VESTNIK

SAMARSKOGO UNIVERSITETA

Vol. 9 • № 3 • 2023

JURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: **LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF KIBERLENINKA**

*The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 30.11.2017*

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2023, V. 9, no. 3

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public Law (State Law) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal Sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФЦ № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue of Internet 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФЦ № 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 29.09.2023.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 14,75.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)

A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, associate professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

S. V. Lipen, Dr. of Law, associate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

<i>Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы обеспечения прав и свобод личности в процессе доказывания по уголовному делу, посвященная юбилею доктора юридических наук, профессора Валентины Александровны Лазаревой»</i>	7
Лазарева В. А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство	11
Вершинина С. И. О чрезмерности применения заключения под стражу	18
Гладышева О. В. Процессуальные права адвоката в уголовном судопроизводстве и средства их обеспечения	25
Зайцева Е. А. Прокурор и суд: стратегический баланс	34
Россинский С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве	40
Шадрин В. С. Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве	49

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Волков В. Э. Публично-правовое регулирование технологий виртуальной (дополненной) реальности	56
Диканова Т. А. О некоторых тенденциях развития законодательства о воздушном транспорте	63

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Процевский В. А., Киселев Д. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений в период проведения частичной мобилизации	75
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Фарахиев Д. М. Деятельность органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере криптовалютных активов)	81
---	----

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кривокапич Борис Дж. Права человека: наименование, концепция, правовые и иные аспекты	91
--	----

Трибуна молодого ученого

Леонова Е. В. Возвращение дополнительного расследования	99
Перина А. С. «Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки	106
<i>Требования к оформлению статей</i>	116

CONTENTS

EVENTS

<i>All-Russian research and practical conference with international participation «Problems of ensuring the rights and freedoms of an individual in the process of proving in a criminal case, dedicated to the anniversary of Doctor of Laws, professor Valentina Aleksandrovna Lazareva»</i>	7
Lazareva V. A. Criminal procedure ≠ criminal justice	11
Vershinina S. I. On the excessive use of detention	18
Gladysheva O. V. Procedural rights of a lawyer in criminal proceedings and means of ensuring them	25
Zaitseva E. A. Prosecutor and court: strategic balance	34
Rossinskiy S. B. Paratus evidences in the criminal proceedings	40
Shadrin V. S. Topical issues of proof in criminal cases with a pre-trial cooperation agreement	49

PUBLIC-LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Volkov V. E. Public legal regulation of technologies of virtual (augmented) reality	56
Dikanova T. A. About some trends in the development of air transport legislation	63

PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Protsevskiy V. A., Kiselev D. V. Specificity of legal regulation of labor relations during partial mobilization	75
--	----

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Farakhiev D. M. Activities of internal affairs bodies in the process of detection and investigation of crimes committed with the use of information and communication technologies (on the example of cryptocurrency assets)	81
---	----

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Krivokapich B. D. Human rights: term, concept, legal and other aspects	91
---	----

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Leonova E. V. Return of supplementary investigation	99
Perina A. S. Digital crimes: concept, typology, signs	106

<i>Requirements to the design of articles</i>	116
---	-----

СОБЫТИЯ

EVENTS

**Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием
«Проблемы обеспечения прав и свобод личности в процессе доказывания
по уголовному делу, посвященная юбилею доктора юридических наук, профессора
Валентины Александровны Лазаревой»**

**All-Russian research and practical conference with international participation
«Problems of ensuring individual rights and freedoms in the process of proof
in a criminal case, dedicated to the anniversary of Doctor of Laws, Professor
Valentina Aleksandrovna Lazareva»**

21–22 апреля 2023 г. в Самарском университете состоялась организованная кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического института Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы обеспечения прав и свобод личности в процессе доказывания по уголовному делу», посвященная юбилею доктора юридических наук, профессора Валентины Александровны Лазаревой.

Конференция имела успех в профессиональном сообществе России и зарубежных стран не случайно, в первую очередь благодаря масштабу личности юбиляра, ее выдающемуся вкладу в уголовно-процессуальную науку и активной педагогической деятельности.

Валентина Александровна Лазарева в 1975 году окончила Куйбышевский государственный университет по специальности «Правоведение», после чего продолжила обучение в аспирантуре ВЮЗИ (ныне – Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина), где без отрыва от работы в прокуратуре Куйбышевской области в 1980 году защитила кандидатскую диссертацию. В 1981 году она перешла на педагогическую работу в качестве старшего преподавателя кафедры уголовного права и процесса Куйбышевского государственного университета, а с 1986 года – доцента указанной кафедры.

С 2000 года после защиты докторской диссертации, посвященной судебной защите в уголовном процессе РФ, и по сей день Валентина Александровна является профессором кафедры уголовного процесса и криминалистики. В период с 2005 по 2017 г. занимала должность заведующего указанной кафедры.

Валентина Александровна является автором множества научных статей, учебников, учебных пособий и монографий, посвященных проблемам доказывания и защиты прав личности в уголовном процессе. Ее работы традиционно вызывают интерес в российском юридическом сообществе и активно используются в процессе обучения студентов и аспирантов не только Самарского университета, но и других высших учебных заведений России.

Под руководством профессора В. А. Лазаревой успешно защитили кандидатские диссертации 15 аспирантов, которые в настоящее время обучают студентов в качестве преподавателей или работают в органах следствия, прокуратуры и судах на территории различных регионов, так же, как и многие выпускники юридического института, к профессиональной подготовке которых она имела непосредственное отношение на протяжении более чем 40 лет.

За высокие заслуги в научной, образовательной и общественной деятельности Валентина

Александровна не раз отмечена благодарностями и грамотами.

Сегодня В. А. Лазарева по праву является одним из самых известных ученых-процессуалистов в России. Валентина Александровна активно участвует в повышении квалификации адвокатов, судей и прокуроров, считается одним из лучших и наиболее востребованных лекторов юридического института.

В. А. Лазарева много лет на общественных началах участвует в работе диссертационного совета при Самарском университете по защите кандидатских и докторских диссертаций в качестве его члена, а в настоящее время – заместителя председателя совета, является членом научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Много внимания уделяет экспертизе законопроектов, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, значимых решений и обзоров правоприменительной практики.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы обеспечения прав и свобод личности в процессе доказывания по уголовному делу» прошла в смешанном (очно-дистанционном) формате, при этом многие уважаемые участники, в том числе иногородние, лично посетили Самарский университет для выступления и непосредственного поздравления Валентины Александровны. В работе конференции приняли активное участие ученые ведущих научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Открыл конференцию и пожелал участникам конференции плодотворной работы проректор по воспитательной работе и молодежной политике Самарского университета, доктор исторических наук, доцент **Леонов Михаил Михайлович**. Далее с приветственными словами к участникам конференции обратились **Безверхов Артур Геннадьевич**, директор юридического института Самарского университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; **Лошкарев Вадим Вадимович**,

начальник уголовно-судебного управления прокуратуры Самарской области, кандидат юридических наук, доцент; **Иванова Татьяна Дмитриевна**, член совета Палаты адвокатов Самарской области, кандидат юридических наук; **Кленова Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Самарского университета. Высокий теоретический уровень конференции был задан докладом профессора **Валентины Александровны Лазаревой**, в котором с нестандартных для уголовного процесс принципов процессного подхода СМК (системы менеджмента качества) анализировались недостатки и пути возможного совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В рамках научной дискуссии, в которой принимали участие известные ученые из разных городов России и представители правоохранительных органов, были заслушаны доклады, а также получены материалы для опубликования **Вершининой Светланы Ивановны**, доктора юридических наук, доцента, директора института права Тольяттинского государственного университета; **Гаврилова Бориса Яковлевича**, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России; **Зайцевой Елены Александровны**, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России; **Кирилловой Наталии Павловны**, доктора юридических наук, доцента, профессора кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета; **Масленниковой Ларисы Николаевны**, доктора юридических наук, профессора, профессора Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА); **Машовец Асии Океановны**, доктора юридических наук, доцента, профессора кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им В. Ф. Яковлева; **Мельниковой Ксении Юрьевны**, председателя судебного состава судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда; **Полянского Виктора Владимировича**, кандидата юридических наук, профессора, заведующего кафедрой государственного и административного права Самарского университета; **Россинского Сергея Борисовича**, доктора юридических наук, доцента, главного научного сотрудника сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, профессора кафедры управления

органами расследования преступлений Академии управления МВД России; **Рябининой Татьяны Кимовны**, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета; **Тарасова Александра Алексеевича**, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий; **Ткачевой Натальи Викторовны**, кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета (НИУ); **Шадрина Виктора Сергеевича**, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры управления следственной деятельности (высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ; **Ряполовой Ярославы Петровны**, кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета; **Цыкуновой Ирины Николаевны**, кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; **Чистилиной Дарьи Олеговны**, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, и **Чикулиной Алины Радиковны**, старшего преподавателя кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (НИУ).

Особое место в ходе конференции заняло поздравление учеников Валентины Александровны Лазаревой разных лет, объединившихся для этого мероприятия и, невзирая на прошедшее время, благодарных за свою профессиональную и человеческую реализацию своему Учителю.

В ходе содержательных дискуссий участники конференции обсудили наиболее острые вопросы теории доказывания в уголовном судопроизводстве, защиты прав граждан, осуществления судеб-

ной власти. Этим вопросам на протяжении многих десятилетий профессор В. А. Лазарева посвящала свои многочисленные работы, ставшие визитной карточкой самарской школы уголовного процесса. Свойственным трудам Валентины Александровны требование правильного установления всех обстоятельств уголовного дела органически совмещается с неуклонным соблюдением прав участников судопроизводства, что позволяет установить правильный баланс государственных и общественных интересов.

В своих выступлениях участники конференции отметили не только научные заслуги юбиляра – родоначальника оригинального направления теории доказывания, но и ее вклад в воспитание новых поколений специалистов в этой области. Подготовка популярных в России учебников «Уголовного процесса» для всех уровней подготовки, выдержавших уже по 8 изданий, защита кандидатских диссертаций ее многочисленных аспирантов позволили инкорпорировать теоретические представления В. А. Лазаревой в практическую деятельность правоохранительных органов.

Работа конференции позволила сформулировать основанные на анализе теории уголовного процесса России и правоприменительной практики предложения по совершенствованию работы органов предварительного расследования и судов.

Всероссийская конференция завершилась общим поздравлением доктора юридических наук, профессора Валентины Александровны Лазаревой с юбилейной датой, пожеланием ей профессиональных успехов в научной и педаго-

гической деятельности, в том числе за счет новых талантливых учеников-продолжателей самарской школы уголовного процесса, а также всем участникам конференции – крепкого здоровья и благополучия!

А. Г. Безверхов,
директор юридического института Самарского университета,
доктор юридических наук, профессор

A. G. Bezverkhov,
head of the Law Institute of the Samara National Research University, Doctor of Laws, professor

А. В. Юдин,
директор департамента управления научно-исследовательской работой юридического института Самарского университета, доктор юридических наук, профессор

A. V. Yudin,
head of the Department of Research Management, Law Institute of Samara National Research University,
Doctor of Laws, professor

К. А. Савельев,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

K. A. Savelyev,
head of the Department of Criminal Procedure and Criminology,
Candidate of Legal Sciences, associate professor

О. В. Климанова,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук

O. V. Klimanova,
associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Candidate of Legal Sciences

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

Дата поступления статьи: 20.04.2023
рецензирования: 21.05.2023
принятия: 25.07.2023

Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство

В. А. Лазарева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы и возможные варианты дальнейшего развития уголовно-процессуального права на основе анализа единства, различий и соотношения досудебного и судебного этапов производства по делу о преступлении – уголовному делу. Исследуя в историческом контексте такие категории, как цель, задачи и назначение уголовно-процессуальной деятельности, автор приходит к убеждению об ошибочности ставшего привычным отождествления понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Исходя из функционального назначения основных (властных) субъектов уголовно-процессуальной деятельности, определяются формы их взаимодействия, соотношение досудебного и судебного производств. Формулируется вывод о необходимости перехода к дифференцированному регулированию досудебного этапа уголовного процесса как сферы деятельности органов обвинительной власти (предварительного расследования) и судебных стадий как области функционирования судебной власти. Осознание разности целей и задач, решаемых в ходе производства по уголовному делу субъектами обвинительной и судебной властей, позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости дифференциации принципов уголовно-процессуальной деятельности применительно к каждой из двух ее частей. Предлагаемое должно способствовать решению наиболее существенных проблем уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; досудебное производство; предварительное расследование; состязательность; цели и задачи уголовного процесса.

Цитирование. Лазарева В. А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лазарева В. А., 2023

Валентина Александровна Лазарева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.04.2023
Revised: 21.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Criminal procedure ≠ criminal justice

V. A. Lazareva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Abstract: The article deals with current problems and possible options for the further development of criminal procedure law on the basis of an analysis of unity, differences and the ratio of pretrial and judicial stages of proceedings in a criminal case. Examining in historical context such categories as the purpose, tasks and destination of criminal procedure, the author comes to the conviction of the fallacy of the identification of the concepts of criminal procedure and criminal justice that has become familiar. Based on the functional purpose of the main (authority) subjects of criminal procedure, the forms of their interaction, the ratio of pretrial and judicial proceedings are determined. The conclusion is formulated on the need to move to differentiated regulation of the pretrial stage of the criminal process as a sphere of activity of

the bodies of accusatory power (preliminary investigation) and judicial stages as an area of functioning of the judiciary. Awareness of the difference in goals and objectives solved during criminal proceedings by subjects of the prosecution and judicial authorities allows us to hypothesize about the need to differentiate the principles of criminal procedure in relation to each of its two parts. The proposed idea should help to solve the most significant problems of criminal procedure law.

Key words: criminal procedure; criminal justice; pretrial proceedings; preliminary investigation; adversarial; goals and objectives of criminal procedure.

Citation. Lazareva V. A. Ugolovnyi protsess ≠ ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal procedure ≠ criminal justice]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Lazareva V. A., 2023

Valentina A. Lazareva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Не секрет, что уголовно-процессуальное право в РФ по-прежнему вызывает много нареканий; на наш взгляд, сегодня даже больше, чем до принятия в 2001 году нового УПК. УПК РСФСР, не претендовавший на состязательность в качестве принципа уголовного процесса, до определенного времени не вызывал столь острых, как сегодня, дискуссий ни по вопросу об уровне гарантий прав личности, ни по набору и последовательности процедурных операций, и в целом был для того времени достаточно сбалансирован, логичен и понятен правоприменителю. После масштабной реформы, проведенной вследствие бурных социально-экономических и политических преобразований в стране в конце XX века, мы получили Уголовно-процессуальный кодекс, который соответствовал духу нового времени, представлял собой состязательную, в целом, модель уголовного процесса и закреплял соответствующую ей систему демократических принципов, направленных на обеспечение прав и свобод личности. Однако множественные, порой бессистемные и противоречивые изменения и дополнения, регулярно вносимые в уголовно-процессуальный закон, лишили его целостности. Сегодня правовые нормы зачастую дублируют друг друга, местами – и достаточно часто – излишне многословны, а потому сложны для целостного восприятия. Но что важнее, Уголовно-процессуальный кодекс утратил важнейшие положения своей первоначальной редакции, а состязательность из системообразующего принципа уголовного процесса низведена до прежнего уровня равноправия сторон как одного из общих условий судебного разбирательства. Можно утверждать, что попытка создания нового уголовного процесса провалилась, фактически мы вернулись к дореформенным правилам уголовного судопроизводства. Однако учитывая значительное усложнение за это время структуры уголовного процесса, прежние правила уже не обеспечивают его эффективного правового регулирования. Новый уголовный процесс не вписывается в старые рамки, но он и «не дотягивает» до замысла реформаторов, если считать в качестве такового идеи, сконцентри-

рованные в Концепции судебной реформы в РФ, утвержденной Президиумом Верховного Совета РСФСР в 1992 году.

Несовершенство правового регулирования – не единственная, но серьезная причина недостаточно эффективной и потому вызывающей нарекания работы дознавателей, следователей, прокуроров и судей. Следователи и дознаватели зачастую руководствуются некритически воспринимаемыми ими стихийно сформировавшимися стандартами практики и указаниями своих процессуальных руководителей, судьи же в большей степени ориентированы на руководящие постановления Пленума Верховного Суда РФ, которыми в целях формирования единообразного понимания и применения закона объясняются неоднозначно воспринимаемые практиками положения УПК. При этом в постановлениях Пленума, как правило, дословно воспроизводятся и правовые нормы, чем усиливается ориентация судей именно на постановления Пленума, а не на закон.

Не способствует повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности отсутствие единообразного понимания уголовно-процессуального закона и перспектив его развития среди теоретиков, воспитывающих новые поколения юристов и формулирующих предложения *de lege ferenda*. В каком направлении уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения должны совершенствоваться, если формулируемые теорией предложения разнонаправлены? Каким все-таки мы хотим видеть уголовный процесс – состязательным или нацеленным на установление объективной истины? В чем корень его проблем? Поиск ответов на эти вопросы и составляет цель настоящего исследования.

Исследовательская часть

Взятая за основу и отраженная в названии статьи рабочая гипотеза основана на разности понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство», хотя действующий закон, что очевидно, исходит из их тождества. Достаточно вспомнить положения ст. 5 УПК РФ, согласно п. 5б которой уголовное судопроизводство – это и досудебное, и судебное производство по уголовному делу,

а участники уголовного судопроизводства в п. 57 той же статьи определены как лица, участвующие в уголовном процессе. Однако проблема, которую мы поднимаем, отнюдь не терминологическая.

Отождествление уголовного процесса с уголовным судопроизводством, имеющее в своей основе идею целостности и единства досудебной и судебной частей уголовного процесса, объединенных общими целями и задачами, основанных на общей системе принципов, произошло не сегодня. Достаточно, не погружаясь в более отдаленные исторические времена, вспомнить статьи 2, 3, 20 УПК РСФСР, которыми на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание (ныне дознавателя), возлагались общие цели и общие задачи:

- быстро и полно раскрыть преступление,
- изобличить виновного,
- обеспечить правильное применение закона,

с тем чтобы

– каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство должно было способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию населения в духе неуклонного исполнения законов и соблюдения правил социалистического (помним о времени принятия этого закона) общежития.

Вопрос о том, что считать целью, а что задачами уголовного процесса, не имел и в то время единого понимания: чаще всего эти понятия просто не разграничивались [1, с. 29; 2, с. 40–41]. Закон не содержал определения цели уголовного процесса, хотя ряд его положений позволял считать таковой установление или раскрытие истины (см., например, ч. 1 ст. 89, ч. 2 ст. 257 УПК РСФСР), однако для настоящего исследования не это является значимым. Значение здесь имеет то, что для выполнения общих для всех перечисленных выше субъектов (следователя, прокурора и суда) задач на них возлагалась общая же обязанность – в каждом случае обнаружения признаков преступления возбудить уголовное дело и принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в его совершении и к их наказанию (ст. 3 УПК РСФСР). В этих целях суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны были принять все предусмотренные законом меры для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств совершенного преступления, выявить как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его обстоятельства (ст. 20 УПК РСФСР). В целом же советский уголовный процесс все еще рассматривался как орудие борьбы с преступностью [3, с. 73], как совокупность действий, направленных к осуществлению карательной обязанности (всех) государственных органов юстиции [4, с. 12]. При этом досудебному производству формально

отводилась подчиненная роль, поскольку обоснованно считалось, что возбуждение и предварительное расследование производится «вне суда, до суда и для суда» [5, с. 8], то есть для того, чтобы представить в распоряжение суда все данные, необходимые для того, чтобы он мог осуществить правосудие [6, с. 114], рассмотреть и разрешить уголовное дело [2, с. 9–10]. Отсюда и название общесоюзного нормативного правового акта – Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.)¹. Спустя 40 лет эту абсолютно правильную, по нашему мнению, мысль повторяют многие современные авторы: деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры на досудебных стадиях уголовного процесса важна не сама по себе – она по-прежнему осуществляется до суда и для суда, создает необходимые предпосылки для осуществления правосудия [7, с. 28]. Однако фактически досудебное производство в уголовном процессе и в то время играло, и сегодня продолжает играть доминирующую роль, подчиняя себе судебное разбирательство. Постановление судом приговора, расходящегося с результатами расследования и позицией государственного обвинителя, рассматривалось тогда и рассматривается сейчас почти как недопустимое, оценивается как брак работы органов расследования или суда, а в последнем случае и как основание для оспаривания приговора. Ликвидированный было вначале институт возвращения уголовного дела для доследования достаточно быстро занял привычное место в системе ординарных способов исправления следственных ошибок, как в объеме обвинения, квалификации преступления, так и в доказательственном материале. Расследование, являющееся по отношению к судопроизводству предварительным, фактически продолжает доминировать над судебной деятельностью. Вместо того, чтобы подчинить расследование высоким стандартам правосудия, на что фактически и указывает включение досудебного производства в состав судопроизводства, именно суд, связанный результатами расследования, по-прежнему подчинен его интересам, снижает уровень требований к его качеству. Отождествление уголовного процесса с уголовным судопроизводством при таких обстоятельствах стало чем-то само собой разумеющимся.

Определенную роль в этом вопросе играет и естественная аналогия уголовного процесса с процессами гражданским, арбитражным и административным, которые «на законных основаниях» именуется также и как соответствующие виды (формы) судопроизводства. При этом упускается из вида, что отождествление понятий «процесс» и «судопроизводство» в каждом из этих случаев в отличие от уголовного процесса обусловлено

¹ Очевидно, по этой же логике, основной закон об уголовном процессе XIX века назывался Устав уголовного судопроизводства (1864), однако надо учитывать, что и следователь, и прокурор тогда входили в состав органов судебной власти.

отсутствием досудебной части. Двойная терминология, уместная и естественная для гражданского, арбитражного и административного, хотя и с оговорками, процесса, к уголовному процессу не применима. Так, может быть, пришло время откровенно и честно констатировать очевидное – понятиями «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» обозначаются нетождественные виды деятельности?

Размежевание понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» предполагает осознание коренных различий между досудебным и судебным производством, в первую очередь, по стоящим перед ними целям и решаемым на том или ином этапе задачам. Признание этого факта влечет потребность рассмотрения вопроса о единстве и/или дифференциации принципов, подчиняющих себе процессуальную деятельность органов предварительного расследования, и принципов, лежащих в основе правил осуществления правосудия. Только разобравшись в этих вопросах, мы сможем понять причины наиболее существенных проблем уголовного процесса России, природу недостатков уголовно-процессуальной деятельности, а значит, попытаться определить пути исправления ситуации, повышения качества правового регулирования и эффективности правоприменительной деятельности как следователей, прокуроров, так и судей.

Подготовка ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса происходила в условиях критического пересмотра советского (социалистического) концепта уголовного процесса. Провозглашение в Конституции РФ, а затем и в УПК РФ состязательности в качестве альтернативной формы и основы уголовно-процессуальной деятельности, как казалось, должно было изменить принципы организации и взаимодействия органов уголовного преследования и суда, однако, насколько кардинальными, достаточными и последовательными оказались эти изменения?

Уголовный процесс, как вид государственной деятельности, не утратил и не мог утратить своей публично-правовой природы вследствие введения в него принципа состязательности. Публичное начало, не доведенное до абсурда, не исключает диспозитивности в уголовном процессе [8, с. 20, 35]. Переориентация на защиту прав и свобод личности не придает уголовному процессу частно-искового характера, поскольку согласно ст. 2 Конституции РФ, служить интересам человека есть основное предназначение и смысл функционирования государственной власти. В ходе производства по уголовному делу, как и прежде, должны были быть решены задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных, обеспечения правильного применения уголовного закона, справедливого наказания виновного, но... эти задачи уже не могут возлагаться в равной мере на суд, следователя и прокурора – в силу принципа состязательности, основанного на разделении и распределении между ними процессуальных

функций, каждый из властных субъектов должен решать свои собственные задачи, не совпадающие с задачами других лиц. Раскрывать преступления, изобличать виновных – задача органов расследования, правильно применять уголовный закон, обеспечивать справедливое наказание виновных – задача суда. Прокурор обязан обеспечить законность досудебного производства и, пользуясь его результатами, доказывать в суде виновность обвиняемого, добиваясь как правильного разрешения дела по существу обвинения, так и правильного применения уголовного закона в части квалификации деяния и наказания виновного. Задачи, как видим, остаются прежними, но в условиях разделения процессуальных функций их решение распределяется между субъектами, эти функции реализующими. Функциональный подход, лежащий в основе принципа состязательности, и должен был, по законодательной логике, привести к формированию уголовного процесса нового типа. К сожалению, все годы действия УПК РФ закон шаг за шагом развивается в обратном направлении.

Для иллюстрации возьмем упраздненный в 2001 году институт дополнительного расследования. Начиная с 2008 года в ст. 237 УПК РФ (возвращение судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению на этапе назначения судебного заседания, а постарому – предания суду) вносились изменения, последовательно возрождающие в уголовном процессе институт возвращения судом уголовного дела для организации производства дополнительного расследования, несмотря на то, что еще постановлением Конституционного суда РФ от 20.04.1999 №7-П его (института) существенная часть была признана несоответствующей конституционному принципу состязательности уголовного судопроизводства. Возвращая уголовное дело прокурору, суд инициирует продолжение следственной деятельности, направленной на обоснование обвинения, а значит, выполняет не свойственную ему в состязательном процессе обвинительную функцию, поскольку при недоказанности или сомнительности обвинения подсудимый вправе рассчитывать на вынесение оправдательного приговора или на исключение из обвинения квалифицирующих признаков и не подтвердившихся эпизодов преступления. Конституционный суд РФ указал, что даже при наличии соответствующего ходатайства государственного обвинителя суд не обязан следовать ему – он должен принимать решение исходя из конституционных положений о толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого². Под влиянием этого Постановления,

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижнего Новгорода» // СПС «КонсультантПлюс».

принятого еще в период действия УПК РСФСР, ст. 237 УПК РФ в первоначальной редакции не допускала возможности использования института возвращения уголовного дела прокурору в качестве средства восполнения неполноты предварительного расследования³. Однако постепенно законодатель не только возвратил в практику именно дополнительное расследование, то есть производство следственных действий, восполняющих недостатки доказательственного материала, но и возможность ухудшения при этом положения обвиняемого путем предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. И если первоначально еще сохранялось в качестве обязательного условия наличие инициативы стороны обвинения⁴, то начиная с 2014 года суд вправе принять такое решение и по собственной инициативе, если фактические данные, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении или постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, признаков более тяжкого преступления, общественно опасного деяния или если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства он установит фактические данные, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого или лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния (п. 6 ч. 1 ст. 237). Фактически произошел возврат к прежней концепции активной роли в уголовном процессе суда, не связанного позицией сторон и действующего в общественных (публичных) интересах. Сам по себе такой поворот не имеет негативной коннотации, однако явно ставит под сомнение принцип состязательности, который выступает и как процедурная предпосылка независимости суда от органов уголовного преследования [9, с. 33]. Уголовно-процессуальное законодательство медленно, но верно дрейфует от обозначившейся на рубеже веков перспективы развития в направлении состязательного уголовного процесса в сторону усиления его публичного начала.

Мы не ставим здесь своей задачей обоснование преимуществ той или иной системы организации

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

уголовного процесса, задача иная – найти в уголовном процессе правильное место реализации каждого из начал – публичного и состязательного. Учитывая исторически сложившийся смешанный характер российского уголовного процесса, поставленная задача не представляется теоретически слишком сложной. Давно – и справедливо – отмечено, что состязательность имеет возможности для реализации исключительно в судебных процедурах, при осуществлении процессуальных функций разными участниками процесса [5, с. 97]. Досудебное производство – сфера преимущественно публичного интереса, хотя состязательность оказывает и на него свое влияние, поскольку ожидается, что результаты расследования будут подвергнуты придирчивому анализу и оценке независимого от органов уголовного преследования суда. Однако в рассматриваемой ситуации мы имеем дело со смешением процессуальных функций, ведущим к утрате судом объективности, поскольку, выражая мнение о необходимости квалификации преступления как более тяжкого, чем то, которое исходит от органа уголовного преследования, суд вопреки требованиям ст. 15 УПК не просто выступает в качестве обвинителя, но занимает более строгую, чем сам обвинитель, позицию.

Таким образом, уголовный процесс в России нуждается в более последовательном размежевании компетенций его властных субъектов, чем то, что мы имеем сегодня, а досудебное и судебное производства требуют дифференцированного подхода к правовому регулированию, включая определение стоящих перед его субъектами целей, решаемых ими задач и – возможно – принципов, на коих основана эта деятельность.

Цель, стоящая перед органами предварительного расследования, а значит и перед самим расследованием, ясна – оно, расследование, производится для того, чтобы обеспечить реализацию уголовного закона, возможность применения к нарушителю этого закона предусмотренной им санкции. Какие для достижения этой цели должны быть решены задачи? И на этот вопрос ответ представляется очевидным – задачами предварительного расследования являются установление события преступления, выявление и изобличение лица, его совершившего.

Цель судебной деятельности состоит в том, чтобы справедливо разрешить уголовно-правовой конфликт, дать ответ на поставленный перед судом вопрос о виновности или невиновности обвиняемого. Для ее достижения суд должен создать справедливые условия выполнения сторонами возложенных на них обязанностей и реализации принадлежащих им прав; объективно и беспристрастно рассмотреть, проверить и оценить представляемые сторонами доказательства, правильно применить уголовный закон, как в части юридической квалификации деяния, так и в части наказания, мотивировать принимаемое решение. Несовпадение целей и задач досудебного и судебного производств обусловлено очевидной

и принципиальной разностью функций, реализуемых органами предварительного расследования и судом, на взаимную связь которых указывает Н. С. Манова [10, с. 20]. Отсюда следует и разное отношение органов предварительного расследования и суда к назначению уголовного судопроизводства. Если деятельность по расследованию преступления объективно *способствует* защите прав и законных интересов потерпевших при условии недопущения нарушения прав подозреваемых, обвиняемых, то в процессе осуществления правосудия это назначение уголовного судопроизводства *реализуется*. Попытки распространить положения ст. 6 УПК РФ на досудебное производство точно так же противоречат логике состязательного процесса, как в прежние времена ей противоречило возложение на суд обязанности быстро и полно раскрывать преступления и изобличать виновных. Самое время вспомнить слова И. Я. Фойницкого: задача правосудия состоит «в *судебном* ограждении прав, законом дарованных, против всех нарушений» [11, с. 8], в том числе со стороны органов уголовного преследования. Возможно, чувствуя это, разработчики УПК РФ в названии ст. 6 УПК интуитивно использовали именно это понятие – уголовное судопроизводство, но учитывая вышеизложенное, трудно отрицать, что понятие «уголовное судопроизводство» не аналогично понятию «уголовный процесс», как не аналогичны и сами эти виды деятельности. Судопроизводство (судебное производство, производство в суде) есть составляющая уголовного процесса, включающего в себя и досудебное производство. В этой логике п. 56 ст. 5 УПК РФ правильно было бы сформулировать так: «уголовный процесс – досудебное и судебное производство по уголовному делу», то есть привести формулировку этого пункта в соответствие со структурой УПК.

Осознав принципиальное различие между понятиями «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство», мы получаем основания для совершенствования как каждой из частей уголовного процесса, так и в целом уголовно-процессуальной деятельности. Ее неполная разделенность, препятствующая развитию состязательности, тормозит становление самостоятельной и независимой судебной власти как средства самоограничения государства, признавшего приоритет прав и свобод человека [12, с. 7]. Сохранение общих для всех властных субъектов уголовного процесса

обязанностей продолжает порождать в судебной деятельности пресловутый обвинительный уклон, а в работе следователей и прокуроров – «иждивенческие» тенденции.

Сохранению этих тенденций способствует и ряд положений современного доказательственного права, активно поддерживаемых наукой. Нельзя не указать на содержание главы 11 УПК, однозначно «привязывающее» суд к участникам уголовного процесса, выполняющим функцию уголовного преследования, через общие полномочия по сбору, проверке и оценке доказательств и общую цель – установление обстоятельств, подлежащих согласно ст. 73 УПК РФ *доказыванию*. В качестве естественного, «идеологически выверенного» основания этого тезиса до сих пор используется концепция объективной истины, к установлению которой обязываются все представляющие в уголовном процессе государственную власть должностные лица и органы. Ст. 85 УПК РФ, очевидно отражающая «овладевшие массами» представления о доказывании, сложившиеся в теории доказательств в не состязательный период развития уголовно-процессуального законодательства, противоречит принципам как состязательности, так и презумпции невиновности, тормозит обретение судебной властью независимости (прежде всего от одной из сторон) и препятствует осознанию ответственности за процесс и результат доказывания теми субъектами, на которых она в силу ч. 2 ст. 14 УПК возложена.

Выводы

Проблем вследствие смешения понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» значительно больше, чем было показано, но осознав причину, мы получаем возможность выработать стратегию их преодоления, определить этапы этого пути и рассмотреть варианты законодательных изменений. Не менее важным может быть и преодоление хотя бы некоторых, пусть и не самых принципиальных, из множества теоретических разногласий. В первую очередь, кроме отмены дополнительного расследования, мы видим актуальным решение вопроса о допустимости отмены вступившего в законную силу оправдательного приговора, исключение возможности использования в качестве доказательств показаний и заключений, полученных в не состязательной процедуре в ходе досудебного производства.

Библиографический список

1. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1976. 142 с.
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука. 1968. 468 с.
3. Советский уголовный процесс. Часть общая: учебник для вузов МВД СССР / отв. ред. Б. А. Викторов, В. Е. Чугунов. Москва: ВШ МВД СССР. 1973. 253 с.
4. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Вып. II (1929). Цит. по: Чельцов (Чельцов-Бебутов) М. А. Избранное. Т. 2: сборник научных трудов / сост. Т. Ю. Вилкова, М. И. Воронин; отв. ред. Л. А. Воскобитова. Москва: Проспект, 2017. 736 с.

5. Савицкий В. М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. Москва: Госюриздат, 1959. 262 с.
6. Государственный обвинитель в советском суде / под общ. ред. зам. Генерального прокурора СССР В. А. Болдырева. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1954. 307 с.
7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. Москва: Норма, 2013. 767 с. ISBN 978-5-91768-324-9.
8. Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начало в уголовном судопроизводстве России: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 47 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30211363>. EDN: <https://elibrary.ru/zlczqz>.
9. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость: монография. Москва: ООО «Проспект», 2019. 128 с. ISBN 978-5-392-30102-7. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39543202>. EDN: <https://elibrary.ru/pitoaj>.
10. Манова Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм: монография / под ред. В. М. Корнукова. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2003. ISBN 5-7924-0254-X. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20003932>. EDN: <https://elibrary.ru/qvtkdz>.
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 552 с.
12. Морщакова Т. Г. Предисловие «Кризис правосудия?» // Открытые глаза российской Фемиды. Краснов М. А., Мишина Е. А.; под общ. ред. Т. Г. Морщаковой; Фонд «Либеральная миссия». Москва: Либеральная миссия, 2007. ISBN 978-5-903135-02-8. URL: <https://publications.hse.ru/books/82225690>.

References

1. Elkind P. S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugolovno-protsessual'nom prave* [Goals and means of achieving them in Soviet criminal procedure law]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1976, 142 p. [in Russian].
2. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsesssa. T. 1* [Course of the Soviet criminal process. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1968, 468 p. [in Russian].
3. *Sovetskii ugolovnyi protsess. Chast' obshchaya: uchebnik dlya vuzov MVD SSSR. Otv. red. B. A. Viktorov, V. E. Chugunov* [Viktorov B. A., Chugunov V. E. (Eds.) Soviet criminal trial. The general part: textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: VSh MVD SSSR, 1973, 253 p. [in Russian].
4. Cheltsov M. A. *Sovetskii ugolovnyi protsess. Vyp. II (1929)* [Soviet criminal process Issue P. (1929). Cited by: Cheltsov (Cheltsov-Bebutov) M. A. *Izbrannoe. T. 2: sbornik nauchnykh trudov; sost. T. Yu. Vil'kova, M. I. Voronin; otv. red. L. A. Voskobitova* [Selections. Volume 2: collection of scientific works. Compiled by Vil'kova T. Yu., Voronin M. I.; Voskobitova L. A. (Ed.)]. Moscow: ООО «Проспект», 2017, 736 p. [in Russian].
5. Savitsky V. M. *Prokurorskii nadzor za doznaniem i predvaritel'nym sledstviem* [Prosecutor's supervision of the inquiry and preliminary investigation]. Moscow: Gosyurizdat, 1959, 262 p. [in Russian].
6. *Gosudarstvennyi obvinitel' v sovetskom sude. Pod obshch. red. zam. General'nogo prokurora SSSR V. A. Boldyreva* [Boldyrev V. A. (Ed.) State prosecutor in Soviet court]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1954, 307 p. [in Russian].
7. Sмирнов А. В., Калиновский К. Б. *Уголовный процесс: учебник для вузов по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция». 5-е изд., перераб.* [Criminal process: textbook for universities in the specialty and direction of training «Jurisprudence». 5th edition, revised]. Moscow: Norma, 2013, 767 p. ISBN 978-5-91768-324-9 [in Russian].
8. Maslennikova L. N. *Publichnoe i dispozitivnoe nachalo v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: spetsial'nost' 12.00.09 «Ugolovnyi protsess»: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Public and dispositive principle in criminal proceedings in Russia: specialty 12.00.09 «Criminal process»: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 2000, 47 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30211363>. EDN: <https://elibrary.ru/zlczqz> [in Russian].
9. Mikhailovskaya I. B. *Sudy i sud'i: nezavisimost' i upravlyaemost': monografiya* [Courts and judges: independence and manageability: monograph]. Moscow: ООО «Проспект», 2019, 128 p. ISBN 978-5-392-30102-7. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39543202>. EDN: <https://elibrary.ru/pitoaj> [in Russian].
10. Manova N. S. *Dosudebnoe i sudebnoe proizvodstvo: sushchnost' i problemy differentsiatsii protsessual'nykh form: monografiya. Pod red. V. M. Kornukova* [Pretrial and judicial proceedings: essence and problems of differentiation of procedural forms: monograph; Kornukov V. M. (Ed.)]. Saratov: Sarat. gos. akad. prava, 2003. ISBN 5-7924-0254-X. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20003932>. EDN: <https://elibrary.ru/qvtkdz> [in Russian].
11. Foinitskiy I. Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 1* [Course of criminal proceedings. Vol. 1]. Saint Petersburg: Alfa, 1996, 552 p. [In Russian].
12. Morshchakova T. G. *Predislovie «Krizis pravosudiya?»* [Preface «Crisis of justice?»]. In: *Otkrytye glaza rossiiskoi Femidy. Krasnov M. A., Mishina E. A.; pod obshch. red. T. G. Morshchakovoi; Fond «Liberal'naya missiya»* [Krasnov M. A., Mishina E. A. Open eyes of Russian Themis; Morshchakova T. G. (Ed.)]. Moscow: Liberal'naya missiya, 2007. ISBN 978-5-903135-02-8. Available at: <https://publications.hse.ru/books/82225690> [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-18-24

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 17.04.2023
рецензирования: 19.05.2023
принятия: 25.07.2023

О чрезмерности применения заключения под стражу

С. И. Вершинина

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Аннотация: На основе статистических данных о применении мер пресечения, представленных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в статье подвергнута проверке достоверность утверждений о чрезмерном применении заключения под стражу и недостаточном использовании мер пресечения, не связанных с изоляцией. Путем сопоставления показателей, раскрывающих общее количество обвиняемых, уголовные дела по которым направлены в суд первой инстанции, и количество применения «судебных» мер пресечения на досудебном и судебном производстве, устанавливается число лиц, в отношении которых применялись меры пресечения, не связанные с изоляцией, и делается вывод о достаточном использовании мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. Обсуждая тезис о чрезмерности применения заключения под стражу, автор ориентируется на соотношение количества осужденных к реальному лишению свободы и количества обвиняемых, заключенных под стражу. Утверждения о чрезмерности применения заключения под стражу достоверны только в тех случаях, когда количество обвиняемых, в отношении которых применялась мера пресечения, превышает количество лиц, осужденных к реальному лишению свободы.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение; меры пресечения; заключение под стражу; чрезмерное применение заключения под стражу; применение меры пресечения.

Цитирование. Вершинина С. И. О чрезмерности применения заключения под стражу // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-18-24>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Вершинина С. И., 2023

Светлана Ивановна Вершинина – доктор юридических наук, доцент, директор института права, Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2023
Revised: 19.05.2023
Accepted: 25.07.2023

On the excessive use of detention

S. I. Vershinina

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: svetlana-vershinina@ya.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Abstract: Based on the statistical data on the use of preventive measures presented on the website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, the article examines the reliability of allegations of excessive use of detention and insufficient use of non-isolation preventive measures. By comparing the indicators that reveal the total number of defendants whose criminal cases were sent to the court of first instance and the number of application of “judicial” preventive measures in pre-trial and trial proceedings, the number of persons against whom preventive measures not related to isolation were applied is determined and a conclusion is made on the sufficient use of preventive measures alternative to detention. Discussing the thesis about the excessive use of detention, the author focuses on the ratio of the number of convicts to actual imprisonment and the number of accused in custody. Allegations about the excessive use of detention are reliable only in cases where the number of accused in respect of whom a measure of restraint was applied exceeds the number of persons sentenced to real imprisonment.

Key words: criminal procedural coercion; preventive measure; detention; excessive use of detention; application of a measure of restraint.

Citation. Vershinina S. I. *O chrezmernosti primeneniya zaklyucheniya pod strazhu* [On the excessive use of detention]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-18-24> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Vershinina S. I., 2023

Svetlana I. Vershinina – Doctor of Laws, associate professor, head of the Institute of Law, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Введение

В каждом случае привлечения лица в качестве обвиняемого и последующем решении вопроса о применении к нему меры пресечения перед органом расследования возникает дилемма – оставить обвиняемого на свободе либо заключить его под стражу. По мнению представителей адвокатского сообщества, достаточно часто и не всегда обоснованно принимается последнее решение: «в суды поступает внушительное количество ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу по категориям дел, которые относятся к экономическим и должностным преступлениям или в отношении подозреваемых (обвиняемых), не нуждающихся в изоляции от общества на время расследования дела» [1].

О чрезмерном применении к обвиняемым, подозреваемым заключения под стражу и недостаточном использовании мер пресечения, не связанных с изоляцией, говорят не только адвокаты, но и ученые процессуалисты [2–5]. Официальное признание данного факта находим и в выступлениях председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева на совещаниях разного уровня [6–8], где он указывает на необходимость расширения применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу [9].

Несмотря на широкое распространение тезиса о необходимости сокращения заключения под стражу и, как следствие, недостаточном применении мер пресечения, не связанных с изоляцией, считать его достоверным возможно только при подтверждении конкретными эмпирическими данными, показывающими соотношение между обозначенными мерами пресечения. Получить такие данные о количестве примененных заключений под стражу и домашнего ареста не составляет труда, т. к. это предмет официальной статистики, осуществляемой Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и размещаемой на его официальном сайте¹. Что же касается информации о применении мер пресечения, не связанных с изоляцией, то такие данные в масштабе Российской Федерации трудно найти, за исключением так называемых «судебных» мер пресечения – залога и запрета определенных действий (ЗОД), избираемых в ходе досудебного производства на основании судебного решения. Проблема в том, что соотношение между заключением под стражу, домашним арестом с одной стороны, и залогом с ЗОД – с другой, не позволяет получить ответ на вопрос о чрезмерности ограничения обвиняемых в свободе, т. к. помимо залога и ЗОД

органы расследования самостоятельно применяют еще ряд мер, не связанных с изоляцией обвиняемого, которые в судебной статистике не представлены. Не представлены, к сожалению, такие данные и в других официальных ведомственных статистических данных.

В рамках данного исследования поставлена задача на основе имеющейся официальной информации, находящейся в открытом доступе в сети Интернет, ответить на вопрос, является ли применение заключения под стражу в России чрезмерным, а также определить соотношение заключения под стражу с мерами пресечения, не связанными с изоляцией, применяемыми в ходе досудебного производства к обвиняемым и подозреваемым на основании решения органа расследования и суда. Для решения поставленных задач будут проанализированы и обобщены данные о количестве примененных в досудебном производстве заключения под стражу и домашнего ареста, о количестве «судебных» мер пресечения, не связанных с изоляцией – залоге и запрете определенных действий, а также данные о количестве обвиняемых по уголовным делам, направляемым в суд первой инстанции. Для обеспечения достоверности результатов исследования подвергнутся сведения за последние пять лет.

Целью исследования является проверка утверждений о чрезмерном применении в России к обвиняемым и подозреваемым заключения под стражу и недостаточном использовании в ходе досудебного производства мер пресечения, не связанных с изоляцией. Имеющаяся корреляционная связь между обозначенными утверждениями обусловила постановку следующих задач: 1) выявить общее количество примененных мер пресечения, не связанных с изоляцией, по всем обвиняемым, уголовные дела по которым направлены в суд первой инстанции; 2) определить количество примененного в ходе предварительного расследования заключения под стражу и соотнести данный показатель с количеством заключений под стражу, примененных в ходе досудебного производства; 3) определить «меру», т. е. количественную норму примененного заключения под стражу, превышение которой в масштабе страны будет справедливо оцениваться как «чрезмерное применение заключения под стражу».

Исследовательская часть

Применение мер пресечения, не связанных с изоляцией

В качестве отправной точки исследования взято количество обвиняемых по уголовным делам, поступившим в суд первой инстанции в календарном

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: <http://cdep.ru/?id=79>.

году. Указанные данные официально представлены на сайте Судебного департамента в Отчетах о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции² (таблица 1).

Изначально, после придания лицу статуса обвиняемого или подозреваемого, орган расследования решает вопрос о необходимости применения к нему меры пресечения. Если основания для изоляции обвиняемого отсутствуют, то применяются меры пресечения, перечисленные в ст. 98 УПК РФ, за исключением домашнего ареста и заключения под стражу. При наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ, применяется заключение под стражу или домашний арест, основное различие между которыми в большей или меньшей степени стеснения гражданских прав обвиняемого, подозреваемого.

Учитывая многочисленность мер пресечения, не связанных с изоляцией, их можно разделить на несколько групп по наиболее значимым критериям.

² Здесь и далее статистические данные взяты из Отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: <http://cdcr.ru/index.php?id=79&item=7645>.

В рамках нашего исследования в качестве критерия рассмотрим различия в порядке применения мер пресечения. По этому критерию можно выделить меры, применяемые исключительно на основании судебного решения – залог и запрет определенных действий (ЗОД), и меры пресечения, применяемые органами расследования самостоятельно – подписка о невыезде, личное поручительство и две так называемые специальные меры пресечения – наблюдение командования и присмотр за несовершеннолетним. В целях проводимого исследования в рамках второй группы целесообразно рассматривать и обязательство о явке, которое на основании ст. 112 УПК РФ может применяться в качестве альтернативы меры пресечения. Из всех обозначенных мер только в отношении залога и ЗОД имеются статистические данные о количестве их применения в досудебном производстве. В таблице 2 такие данные представлены за последние пять лет.

Следующие показатели, фиксируемые в Российской Федерации и относящиеся к предмету исследования, показывают количество обвиняемых, в отношении которых применялось заключение под стражу (ЗПС) и домашний арест (таблица 3).

Таблица 1 – Количество обвиняемых по уголовным делам, поступившим в суд первой инстанции с 2018 по 2022 год

Table 1 – Number of defendants in criminal cases brought to the court of the first instance from 2018–2022

№ п/п	Критерий выборки	2018	2019	2020	2021	2022
1	Поступило в суд уголовных дел	883 993	820 414	778 092	782 354	776 269
2	Число лиц по поступившим уголовным делам	956 429	887 471	839 969	842 311	835 246

Таблица 2 – Применение залога и запрета определенных действий в досудебном производстве

Table 2 – Application of bail and prohibition of certain actions in pre-trial proceedings

Мера пресечения	2018		2019		2020		2021		2022	
	Рассмотрено ходатайств	Удовлетворено								
Залог	122	108	90	77	269	244	41	25	96	71
ЗОД	347	301	1417	1246	2111	1849	2918	2565	3466	3085

Таблица 3 – Применение домашнего ареста и заключения под стражу в досудебном производстве

Table 3 – Application of house arrest and detention in pre-trial proceedings

Мера пресечения	2018		2019		2020		2021		2022	
	Рассмотрено ходатайств	Удовлетворено								
ЗПС	113141	102165	106046	94633	96663	84917	99298	87905	98481	87687
Домашний арест	7170	6329	6966	6037	8060	6948	7879	6828	8544	7407

Учитывая, что вопрос об обеспечении надлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого рассматривается в каждом случае придания лицу процессуального статуса, закономерен вывод, что в отношении обвиняемых, к которым не применялись «судебные» меры пресечения, орган расследования либо самостоятельно избирал меру пресечения, либо применял обязательство о явке. Названные принудительные меры обозначим как «несудебные» меры пресечения.

Проиллюстрируем сказанное на следующем примере: из 835 246 обвиняемых по уголовным делам, поступившим в российские суды в 2022 году, 95 094 были арестованы (87 687 заключены под стражу + 7 407 находились на домашнем аресте), к 3 156 обвиняемым применялся залог (71) и ЗОД (3 085). Суммировав показатели применения так называемых «судебных» мер пресечения и вычтя их из общего количества лиц по поступившим в суд уголовным делам, получаем количество обвиняемых, к которым орган расследования самостоятельно применял «несудебные» меры. Соответственно, в 2022 году «несудебные» меры применялись в отношении 736 996 обвиняемых:

$$835\ 246 - (95\ 094 + 3\ 156) = 736\ 996$$

Определяя соотношение ареста (95 094) с количеством «судебных» и «несудебных» мер пресечения, не связанных с изоляцией (3 156 + 736 996), получаем следующие данные: на каждый примененный арест приходится около 7 мер пресечения, не связанных с изоляцией:

$$(736\ 996 + 3\ 156) : 95\ 094 = 7,78$$

Учитывая длительность производства по уголовному делу, сроки которого могут выходить за пределы календарного года, анализу подвергнуты аналогичные сведения за предыдущие четыре года. Установлено, что соотношение ареста с «судебными» и «несудебными» мерами за последние пять лет примерно одинаковое – один к семи, что подтверждает репрезентативность выборки и полученных результатов.

Полученные результаты ставят под сомнение утверждения о недостаточном количестве применяемых в ходе досудебного производства мер пресечения, не связанных с изоляцией: только каждый восьмой обвиняемый в ходе предварительного расследования заключается под стражу, остальные обвиняемые в ходе предварительного расследования остаются на свободе. Полагаем, такое количественное соотношение можно охарактеризовать скорее как положительное, чем отрицательное. Однако полученные результаты никак не влияют

на обоснование или опровержение тезиса о чрезмерности применения заключения под стражу.

Заключение под стражу и «мера» его применения

Выявленное соотношение между заключением под стражу и мерами пресечения, не связанными с изоляцией, не отвечает на вопрос – является ли применение заключения под стражу чрезмерным? Ответ на этот вопрос зависит в первую очередь от установления «меры», т. е. такого показателя применения ЗПС, превышение которого, с точки зрения ученых и практиков, считается недопустимым и будет рассматриваться как «чрезмерное». В целях установления данного показателя обратимся к статистике применения ЗПС в досудебном и судебном производстве.

Как показано в таблице 3, в ходе предварительного расследования в 2022 году заключено под стражу в качестве меры пресечения 87 687 обвиняемых. За этот же год 182 348 лиц осуждено к наказанию в виде реального лишения свободы на определенный срок, и еще 58 – к пожизненному лишению свободы³. Из этого следует, что более половины осужденных, подвергнутых реальному лишению свободы по приговору суда, в период предварительного расследования находились на свободе, хотя могли быть заключены под стражу на основании ч. 2 ст. 97 УПК РФ, в целях исполнения приговора суда. И хотя в уголовно-процессуальной науке данная норма подвергается обоснованной критике [7], в практической деятельности она позволяет применять заключение под стражу ко всем обвиняемым в преступлениях, наказание за которые предусмотрено в виде лишения свободы. Представленные показатели свидетельствуют об избирательном подходе органов расследования и суда к решению вопроса о применении к обвиняемому, подозреваемому заключению под стражу и опровергают утверждения о чрезмерности применения заключения под стражу в ходе предварительного расследования.

После направления уголовного дела в суд вопрос о заключении под стражу не менее актуален. По статистике, представленной в таблице 5, в период нахождения уголовного дела в судебном производстве в 2022 году заключены под стражу 18 453 подсудимых; еще 76 079 человек были взяты под стражу после вынесения судом обвинительного приговора.

³ Осужденных к пожизненному лишению свободы в данной выборке не учитываем ввиду их незначительного количества, составляющего статистическую погрешность.

Таблица 4 – Соотношение количества «судебных» и «несудебных» мер пресечения
Table 4 – The ratio of the number of judicial and non-judicial measures of restraint

№ п/п	Критерий выборки	2018	2019	2020	2021	2022
1	Число лиц по поступившим уголовным делам	956 429	887 471	839 969	842 311	835 246
2	Применение ЗПС и домашнего ареста	108 494	100 670	91 864	94 733	95 094
3	Применение ЗОД и залога	409	1 323	2 093	2 590	3 156
4	«Несудебные» меры пресечения	847 526	785 478	746 012	744 988	736 996

Таблица 5 – Количество примененного заключения под стражу на досудебном и судебном производстве в 2022 году

Table 5 – Number of detentions applied in pre-trial and trial proceedings in 2022

№ п/п	Критерий выборки	2022 год
1	Об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в досудебном производстве (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; ст. 108 УПК РФ)	87 687
2	Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве	18 453
3	Взято под стражу судом (мировым судьей) по приговору с реальным лишением свободы	76 079
4	Всего применялось ЗПС на досудебном и судебном производстве (сумма пунктов 1–3)	182 219
5	Из них – к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок / пожизненное	182 348 / 58
6	Осуждено лиц	614 726

Таблица 6 – Количество примененного заключения под стражу на досудебном и судебном производстве за пять лет

Table 6 – Number of applied detentions in pre-trial and trial proceedings over five years

№ п/п	Критерий выборки	2018	2019	2020	2021	2022
1	Об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в досудебном производстве (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; ст. 108 УПК РФ)	102165	94633	84917	87 905	87687
2	Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве	13 965	14 573	14 866	17 537	18 453
3	Взято под стражу судом (мировым судьей) по приговору с реальным лишением свободы	88 304	80 784	70 328	75 045	76 079
4	Всего применялось ЗПС на досудебном и судебном производстве (сумма пунктов 1–3)	204 434	189 990	170 111	180 487	182 219
5	Из них – к наказанию в виде лишения свободы на определенный срок / пожизненное	197 189 / 59	181 833 / 49	161 492 / 66	174 156 / 47	182 348 / 58
6	Осуждено лиц	681 789	620 054	562 906	601 148	614 726

В совокупности за 2022 год в ходе досудебного и судебного производства заключение под стражу применялось к 182 219 лицам, при том что большая часть решений о заключении под стражу принята именно в судебном производстве при вынесении обвинительного приговора, когда виновность лица в совершенном преступлении установлена и ему грозит наказание в виде реального лишения свободы. Это еще раз подтверждает достаточно осторожный, взвешенный подход к выбору самой строгой меры пресечения со стороны органа расследования на досудебном производстве, и со стороны суда – в судебном производстве, в том числе при постановлении приговора.

Итак, соотнося общее количество примененных в 2022 году ЗПС на досудебном и судебном производстве – 182 219, с количеством осужденных к реальному лишению свободы – 182 348, получаем соотношение примерно 1 к 1, что в целом говорит о соразмерности примененного заключения под стражу, т. к. количество обвиняемых, к которым на разных этапах процессуальной деятельности применялось заключение под стражу, не превышает количество лиц, осужденных к реальному лишению

свободы. Однако такой вывод основан лишь на показателях 2022 года и произведенная выборка не является репрезентативной. Для достоверности полученных результатов рассмотрим аналогичные показатели за пятилетний период (таблица 6).

Как видно, в предшествующих годах количество примененных ЗПС в ходе уголовного судопроизводства несколько больше количества осужденных к реальному лишению свободы. Разница составляет от 2 до 5 процентов. Например, в 2021 году в ходе предварительного расследования применено 87 905 заключений под стражу. После направления уголовного дела в суд и до вынесения приговора суды применили к подсудимым 17 537 заключений под стражу. Еще 75 045 решений о заключении под стражу суды вынесли при постановлении приговора с реальным лишением свободы. Соответственно в сумме за 2021 год применено в досудебном и судебном производстве 180 487 заключений под стражу в качестве меры пресечения, в то время как осуждено к реальному лишению свободы за этот год 174 156 человек. Аналогичная ситуация в 2018–2020 годах, где количество примененных ЗПС превышает на 6–8 тысяч количе-

ство лиц, осужденных к лишению свободы. И это при том, что в данной выборке не учитывается домашний арест. Полагаем, что такое соотношение не является соразмерным и допустимым, оно не может восприниматься положительно как со стороны гражданского общества, так и со стороны юридического сообщества. Это, на наш взгляд, и породило рассуждения о чрезмерности применения заключения под стражу.

Вышесказанное позволяет обозначить «меру» или критерий, на основании которого можно определить максимально допустимый показатель применения заключения под стражу в масштабе страны. Таким критерием выступает количество лиц, осужденных к реальному лишению свободы за определенный календарный период в рамках досудебного и судебного производства. Применение ЗПС не чрезмерно, если количество заключенных под стражу в качестве меры пресечения не превышает количество осужденных к лишению свободы за этот же период. Если же заключений под стражу больше, чем осужденных к лишению свободы, то налицо проблема необоснованного, и значит несправедливого и чрезмерного применения заключения под стражу.

Представленные в таблице 6 показатели объясняют, почему в научном и профессиональном сообществе сформировано мнение о чрезмерном применении ЗПС, а также инициативу Верховного Суда РФ, взявшего курс на расширение мер пресечения, не связанных с изоляцией. Первые результаты уже проявились в прошедшем 2022 году: количество заключений под стражу сравнялось с количеством осужденных.

Библиографический список

1. Зарбян М. Общее состояние дел или отдельные показатели преступлений и наказаний: что показывает анализ судебной статистики? // Адвокатская газета. 07.06.2023. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/obshchee-sostoyanie-del-ili-otdelnye-pokazateli-prestupleniy-i-nakazaniy> (дата обращения: 10.06.2023).
2. Арсентьева С. С. Ограничить применение меры пресечения в виде заключения под стражу под силу законодателю // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5, вып. 3. С. 36–39. DOI: <http://doi.org/10.47475/2618-8236-2020-15306>.
3. Поколова О. И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019–2022) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26–31. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-6-26-31>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ptxxyo>.
4. Петрухина А. Н. Проблемы совершенствования нормативного регулирования и практики применения залога как меры пресечения // Российский судья. 2020. № 4. С. 40–43. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-4-40-43>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ujcpol>.
5. Кутуев Э. К., Тучина О. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в отношении несовершеннолетних, не связанные с изоляцией от общества: вопросы совершенствования законодательства // Российский следователь. 2020. № 7. С. 35–39. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-7-35-39>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wvysxh>.
6. Вячеслав Лебедев принял участие в совещании председателей Верховных судов государств-членов ШОС // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/31459 (дата обращения: 10.06.2023).
7. Выступление Председателя ВС РФ на X Всероссийском съезде судей // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/files/31800> (дата обращения: 10.06.2023).
8. Председатель Верховного Суда России провел совещание с делегатами съезда судей ПФО // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/31255 (дата обращения: 10.06.2023).
9. Верховный Суд РФ требует реже заключать обвиняемых под стражу // Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220818/308211798.html (дата обращения: 10.06.2023).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать два важных вывода. Во-первых, утверждения о чрезмерном применении в ходе предварительного расследования к обвиняемым и подозреваемым заключения под стражу и недостаточном использовании мер пресечения, не связанных с изоляцией, нельзя считать обоснованными, если рассматривать соотношение между данными группами мер пресечения в количественном измерении. Согласно официальной статистике меры пресечения, ограничивающие физическую свободу лица в досудебном производстве, применяются лишь в отношении каждого восьмого обвиняемого, подозреваемого, в то время как к остальным обвиняемым применяются меры, не связанные с изоляцией.

Во-вторых, превышение количества заключений под стражу, примененных в ходе досудебного и судебного судопроизводства, над количеством лиц, осужденных к реальному лишению свободы, наблюдаемое до 2021 года включительно, объясняет сформированные в профессиональных и научных кругах воззрения о чрезмерном применении заключения под стражу. Решения Верховного Суда РФ, направленные на устранение обозначенной проблемы, позволили уже в 2022 году снизить количество применений заключения под стражу и вывести данный показатель из «чрезмерной» зоны. Полагаем, в последующих годах следует ожидать дальнейшего снижения применений заключения под стражу, прежде всего при производстве предварительного расследования и в период нахождения уголовного дела в судебном производстве, тем более что в уголовно-процессуальном законодательстве более чем достаточно мер, альтернативных заключению под стражу.

10. Зайцев А. О. Разрешение судом вопроса о наличии (отсутствии) оснований для избрания меры пресечения заключения под стражу в ходе предварительного расследования (международные стандарты и российская практика) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3 (21). С. 34–44.

References

1. Zarbanyan M. *Obshchee sostoyanie del ili ot del'nye pokazateli prestupleniy i nakazanii: chto pokazyvaet analiz sudebnoi statistiki?* [General state of affairs or individual indicators of crimes and punishments: what does the analysis of judicial statistics show?]. *Advokatskaya gazeta*, 07.06.2023. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/obshchee-sostoyanie-del-ili-otdelnye-pokazateli-prestupleniy-i-nakazaniy> (accessed 10.06.2023) [in Russian].
2. Arsentieva S. S. *Ogranichit' primeneniye mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu pod silu zakonodatel'yu* [Limit the use of preventive measures in the form of detention in force of the legislator]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law], 2020, vol. 5, issue 3, pp. 36–39. DOI: <http://doi.org/10.47475/2618-8236-2020-15306> [in Russian].
3. Tsokolova O. I. *Mery presecheniya: problemy i tendentsii (2019-2022)* [Preventive measures: issues and tendencies (2019–2022)]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2020, no. 6, pp. 26–31. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-6-26-31>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ptxxoy> [in Russian].
4. Petrukhina A. N. *Problemy sovershenstvovaniya normativnogo regulirovaniya i praktiki primeneniya zaloga kak mery presecheniya* [Issues of improvement of the statutory regulation and the practice of application of pledge as a restriction measure]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2020, no. 4, pp. 40–43. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-4-40-43>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ujcpol> [in Russian].
5. Kutuev E. K., Tuchina O. A. *Ugolovno-protsessual'nye mery presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh, ne svyazannye s izolyatsiei ot obshchestva: voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva* [Criminal procedure restrictive measures in respect of minors not related to the isolation from the society: law improvement issues]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2020, no. 7, pp. 35–39. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-7-35-39>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wvysxh> [in Russian].
6. *Vyacheslav Lebedev prinyal uchastie v soveshchanii predsedatelei Verkhovnykh sudov gosudarstv-chlenov ShOS* [Vyacheslav Lebedev took part in the meeting of chairmen of the Supreme Courts of the SCO member states]. Retrieved from the official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: https://www.vsrp.ru/press_center/news/31459 (accessed 10.06.2023) [in Russian].
7. *Vystuplenie Predsedatelya VS RF na Kh Vserossiiskom s'ezde sudei* [Speech by the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation at the X All-Russian Congress of Judges]. Retrieved from the official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.supcourt.ru/files/31800> (accessed 10.06.2023) [in Russian].
8. *Predsedatel' Verkhovnogo Suda Rossii provel soveshchanie s delegatami s'ezda sudei PFO* [Chairman of the Supreme Court of Russia held a meeting with delegates of the Congress of Judges of the Volga Federal District]. Retrieved from the official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: http://www.supcourt.ru/press_center/news/31255 (accessed 10.06.2023) [in Russian].
9. *Verkhovnyi Sud RF trebuetsya rezhe zaklyuchat' obvinyaemykh pod strazhu* [The Supreme Court of the Russian Federation requires less frequent detention of the accused]. Retrieved from the official website of the Russian Agency for Legal and Judicial Information. Available at: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220818/308211798.html (accessed 10.06.2023) [in Russian].
10. Zaitsev A. O. *Razresheniye sudom voprosa o nalichii (otsutstvii) osnovanii dlya izbraniya mery presecheniya zaklyucheniya pod strazhu v khode predvaritel'nogo rassledovaniya (mezhdunarodnye standarty i rossiiskaya praktika)* [Adjudication of the issue of existence (absence) of grounds for detention in the course of preliminary investigation (international standards and Russian practice)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Tomsk State University Journal of Law], 2016, no. 3 (21), pp. 34–44. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/21/5> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-25--33

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.12

Дата поступления: 12.05.2023
рецензирования: 24.06.2023
принятия: 25.07.2023

Процессуальные права адвоката в уголовном судопроизводстве и средства их обеспечения

О. В. Гладышева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail: volkolup@yandex.ru

Аннотация: Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства составляет важнейшее направление науки уголовного процесса и в литературе уделяется внимание самым разным аспектам. Цель настоящего исследования заключается в обосновании гипотезы о необходимости включения адвокатов в число участников уголовного судопроизводства, чьи права нуждаются в неменьшей степени обеспечения, чем права и законные интересы лиц, непосредственно заинтересованных в исходе уголовного дела. Не менее важным, чем обеспечение прав, является обеспечение условий для надлежащего исполнения обязанностей, что и продемонстрировано на примере выполнения функций адвоката по осуществлению защиты доверителя от уголовного преследования. Проведенное исследование направлено на решение таких задач, как раскрытие сущности и демонстрация правовой и социальной значимости права на оказание квалифицированной юридической помощи, определение процессуальных проблем, сопровождающих право на получение этой помощи, предложение отдельных способов решения этих проблем. Методология исследования включает традиционные научные способы получения и обработки данных: диалектический, аналитический, синтезированный, сравнительно-правовой, системный и системно-функциональный. В результате проведенного исследования сформулированы выводы теоретического характера о закономерной взаимосвязи права на оказание квалифицированной юридической помощи и права на ее получение, уточнены содержание и характер процессуальных возможностей адвоката и обоснована позиция о расширении сферы процессуального обеспечения без ограничений прав участников уголовного судопроизводства, а при распространении ее на условия исполнения ими возложенных на них обязанностей, также предлагаются практические шаги по оптимизации средств обеспечения процессуальных прав и обязанностей адвоката в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; обеспечение прав; квалифицированная юридическая помощь; участники уголовного судопроизводства; адвокат; право на оказание квалифицированной юридической помощи; право на получение квалифицированной юридической помощи; обязанности.

Цитирование. Гладышева О. В. Процессуальные права адвоката в уголовном судопроизводстве и средства их обеспечения // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-25-33>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гладышева О. В., 2023

Ольга Владимировна Гладышева – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса, Кубанский государственный университет, 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.05.2023
Reviewed: 24.06.2023
Accepted: 25.07.2023

Procedural rights of a lawyer in criminal proceedings and means of ensuring them

O. V. Gladysheva

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
E-mail: volkolup@yandex.ru

Abstract: Ensuring the rights of participants in criminal proceedings is the most important direction of the science of criminal procedure and the literature pays attention to a variety of aspects. The purpose of this study is to substantiate the hypothesis of the need to include lawyers in the number of participants in criminal proceedings, whose rights need no less degree of security than the rights and legitimate interests of persons directly interested in the outcome of the criminal case. No less important than ensuring rights is ensuring conditions for the proper performance of duties, which is demonstrated by the example of performing the functions of a lawyer to protect the principal from criminal prosecution. The conducted research is aimed at solving such tasks as revealing the essence and demonstrating the legal and social significance of the right to provide qualified legal assistance, identifying procedural problems accompanying the right to receive this assistance, and proposing individual ways to solve these problems. The research methodology includes traditional scientific methods of obtaining and processing data: dialectical, analytical, synthesized, comparative legal, systemic and

system-functional. As a result of the study, theoretical conclusions were formulated about the natural relationship between the right to provide qualified legal assistance and the right to receive it, the content and nature of the lawyer's procedural capabilities were clarified and the position on expanding the scope of procedural support was substantiated, not limited to the rights of participants in criminal proceedings, but extending it to the conditions of execution their assigned duties. Practical steps are also proposed to optimize the means of ensuring the procedural rights and duties of a lawyer in criminal proceedings.

Key words: criminal proceedings; provision; qualified legal assistance; participants in criminal proceedings; lawyer; right to provide qualified legal assistance; right to receive qualified legal assistance; duties.

Citation. Gladysheva O. V. *Protsessual'nye prava advokata v ugovnom sudoproizvodstve i sredstva ikh obespecheniya* [Procedural rights of a lawyer in criminal proceedings and means of ensuring them]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-25-33> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Gladysheva O. V., 2023

Olga V. Gladysheva – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Procedure, Kuban State University, 149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040, Russian Federation.

Проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства стали предметом многолетней дискуссии в науке уголовного процесса. Причинами столь активного и долгого обсуждения является множество спорных ситуаций – это пробелы и неточности в законодательстве, способы его истолкования, неоднозначность смыслового наполнения законодательных положений и возможности применять их в соответствии с выявленным смыслом, и многое иное.

Отметим научные работы, посвященные этой теме, и те результаты, которыми в настоящее время располагает наука уголовного процесса. Разработаны теоретические основы правообеспечения [1; 2], в том числе понятия «участник уголовного судопроизводства» и его правовой статус, «обеспечение прав», «средства обеспечения прав». В отечественной и зарубежной науке уголовного процесса выделяются законодательные и теоретические основы для отдельных средств правообеспечения [3–5], разрабатываются особенности их процессуального применения в отдельных стадиях [6], проводятся сравнительно-правовые исследования в части сопоставления процессуального положения и статуса участников [7; 8], изучается обеспечение отдельных прав участников уголовного судопроизводства [9], права на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи [10], право не быть судимым дважды за одно преступление в процессуальном аспекте [11], права потерпевшего [12] и многое другое.

Результаты имеющихся научных разработок позволяют конструктивно решать многие практические и теоретические вопросы, эффективно защищая и охраняя отдельные права участников уголовного судопроизводства. В теоретическом аспекте вся сфера обеспечения прав участников уголовного судопроизводства стала весьма разнообразной по содержанию и позволяет говорить о сформировавшихся отдельных направлениях научных исследований, продвигающихся самостоятельно по пути поиска оптимальных средств и способов реализации, защиты, охраны, восстановления прав участников уголовного судопроизводства.

Однако не менее важно и то, что наука в этой сфере продолжает развиваться за счет выявления и формулирования новых проблем, которые чаще всего проявляются благодаря практике. Одному из таких проблемных аспектов посвящается данная работа.

Предмет нашего научного интереса – обеспечение процессуальных прав адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве.

Адвокат в уголовном судопроизводстве выполняет важную в правовом и социальном отношении миссию – оказывает квалифицированную юридическую помощь. Оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве и науке уголовного процесса является понятием привычным. К аспектам, обсуждаемым на научных площадках, относятся процедуры вступления адвоката в уголовное судопроизводство, содержание и совокупность полномочий защитников и способы их процессуальной реализации, степень и уровень доверия, как со стороны органов государственной власти и должностных лиц, так и со стороны доверителей [13–15], гарантии конфиденциальности общения адвоката с подзащитным и многие иные.

В последние несколько лет возникли новые ситуации, которые в правоприменительной плоскости привели к необходимости проведения не только целевых научных дискуссий, но и диктуют настоятельную потребность в масштабных комплексных монографических исследованиях по проблемам обеспечения выполнения адвокатом указанной миссии. Этот аспект актуализировался благодаря сформировавшейся и, подчеркнем, негативной тенденции в виде неправомерных ограничений процессуальных прав адвоката, выражающихся, в том числе, в отказе в доступе к участию в уголовном деле; в вызове адвоката-защитника на допрос в качестве свидетеля; в проведении в отношении адвоката таких следственных действий, как обыск помещения, и др. Помимо такого рода нарушений встречаются и менее выраженные, но существенные факты, отрицательно характеризующие процессуальное взаимодействие адвоката и следователя, дознавателя.

Из адвокатской практики можно привести случаи, когда «терялись» дополнения и замечания к протоколу следственных действий, защитнику предлагался нереально краткий срок для ознакомления с материалами уголовного дела, выдвигались требования неоднократного получения ордеров адвокатского образования для встреч с подзащитным, находящимся в следственном изоляторе, грубость в общении, многочасовые ожидания следственных действий и т. п. Добавим к этому перечню и отсутствие четко урегулированного законом свидетельского иммунитета сотрудников адвокатских образований, что влечет проблему привлечения их в качестве свидетелей и, как следствие, угрозу раскрытия информации конфиденциального характера.

Перечисленные ситуации приобрели характер масштабного явления и привели законодателя к необходимости принятия мер по обеспечению процессуальных прав адвокатов. В этом направлении отметим один, почти что единственный за последнее время, шаг – это введение нового участника – представителя Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (ст. 450.1 УПК РФ). Применительно к этому участнику и его обеспечительным возможностям отметим следующее: полномочия представителя Адвокатской палаты ограничены. Он допускается к участию только в некоторых следственных действиях с весьма небольшим функционалом и кругом полномочий. Обеспечительная функция реализуется исключительно в указанном сегменте уголовно-процессуальной деятельности (производство отдельных следственных действий).

О проблемах, сопряженных с участием представителя Адвокатской палаты, возможных способах их решения в настоящее время имеется ряд научных разработок. Р. В. Хмыров в числе недостатков законодательного регулирования отмечает его непоследовательность и существенную противоречивость. Сопоставляя функцию представителя Адвокатской палаты и те возможности, которые приданы ему для ее реализации, Р. В. Хмыров пишет: «представителю Адвокатской палаты предписано обеспечивать неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну: в практическом аспекте это означает необходимость знать, какие именно предметы и документы могут содержать соответствующие категории сведений; чтобы это знать, нужно знакомиться с предметами и документами, обнаруженными при обыске (в ином следственном действии). В свою очередь, отмеченные обстоятельства влекут необходимость предъявления представителю этих объектов. Но ни одного из указанных прав УПК РФ не предусматривает по следующим причинам:

– реализовать эту функцию, очевидно, возможно путем воспрепятствования в ознакомлении следователя, иного должностного лица с предметами и документами, содержащими сведения, отнесенные к адвокатской тайне. Иными словами, пред-

ставитель должен совершать какие-то активные действия: забрать эти объекты, запретить их осматривать, скрыть от должностных лиц и т. д.;

– в ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ законодатель использовал глагол «присутствует», который однозначно свидетельствует только о такой форме участия, как наблюдение, что, очевидно, не позволяет активно вмешиваться в процесс производства следственных действий для воспрепятствования нарушениям адвокатской тайны» [16, с. 13].

Приведенные доводы и аргументы представляются заслуживающими внимания и учета при совершенствовании процессуального статуса представителя Адвокатской палаты.

Наряду с введением в уголовное судопроизводство представителя Адвокатской палаты отметим еще один шаг законодателя – это внесение изменений в формулировку ст. 49 УПК РФ, с заменой слова «допускаются» словом «участвуют» [17], что, однако, не решило всех затруднений со вступлением адвокатов в уголовное судопроизводство.

Соглашаясь с критической оценкой имеющегося средства правообеспечения для адвоката, дополнительно укажем, что отмеченные ранее затруднения возникают перед адвокатом на протяжении всего участия, а иногда и до вступления в уголовное судопроизводство. Поэтому указанные меры законодателя выступают важными, нужными и актуальными, но, во-первых, их явно недостаточно, а во-вторых, правообеспечительные средства должны иметь системный, а не фрагментарный характер. Потребность в разработке соответствующей системы обеспечения прав адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, является весьма насущной, злободневной в силу многочисленных вопросов, не имеющих до настоящего времени научно обоснованных ответов.

Приведем некоторые вопросы, отражающие проблему обеспечения прав адвоката в уголовном судопроизводстве:

1. Является ли адвокат (в любом уголовно-процессуальном статусе) субъектом прав, в отношении которых уголовно-процессуальный закон предписывает необходимость их обеспечения?

2. Какие именно права адвоката нуждаются в обеспечении уголовно-процессуальными средствами?

3. Какие процессуальные средства могут быть использованы или применены в отношении адвоката для обеспечения его прав?

Разработка ответов на поставленные вопросы требует обращения к исходному положению уголовного судопроизводства, принципу «назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ). Его формулировка распространяется на лиц, потерпевших от преступления, привлекаемых к уголовной ответственности, а также лиц, в отношении которых могут быть предприняты правоограничительные меры личного характера. Как представляется, только третья из указанных категорий лиц может *обсуждаться применительно к адвокату*.

И тут же может быть задан следующий вопрос: могут ли уголовно-процессуальные средства правоограничения распространяться на адвоката?

Не менее важным является и следующий вопрос, имеющий, как представляется, фундаментальный характер: оказание квалифицированной юридической помощи – это право, обязанность или функция?

Ответы на поставленные вопросы могут быть даны с учетом следующих обстоятельств.

1. Аксиомой является высокая правовая и социальная ценность *получения* (здесь и далее курсив мой. – О. Г.) квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Из нее следует, что надлежащая обеспеченность ее *оказания* имеет столь же высокую значимость, поскольку если нет гарантий, то нет и квалифицированной помощи. Продолжая рассуждения, логически приходим к заключению, что обеспечение *оказания* квалифицированной юридической помощи является основой для обеспечения ее (помощи) *получения*.

Получение квалифицированной юридической помощи с терминологической точки зрения представляет интерес и определенную практическую значимость для определения подхода к законодательному определению соответствующих гарантий. Обращает на себя внимание следующий аспект: применительно к получению квалифицированной юридической помощи традиционно применяется формулировка «право на получение» [18, с. 27].

Можно взглянуть на этот аспект и так: если есть *право на получение*, то логично предположить, что есть и *право на оказание* квалифицированной юридической помощи. При этом в уголовном судопроизводстве к оказанию квалифицированной юридической помощи можно относиться и как к обязанности. Для этого существуют объективные предпосылки, в виде положений ч. 7 ст. 49 УПК РФ, в соответствии с которыми адвокат не может отказаться от принятой на себя защиты. Однако здесь можно высказать и контраргументы: осуществление защиты – только один из возможных способов оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. И прямой запрет законодателем установлен только в его отношении. Соответственно, в иных случаях адвокат, оказывающий квалифицированную юридическую помощь, не ограничен в своих возможностях и вправе решать этот вопрос по своему усмотрению.

Дополнительным аргументом, подтверждающим возможность рассматривать оказание квалифицированной юридической помощи, как право, выступает формат организации уголовно-процессуальных правоотношений, при котором обязанность выстраиваются только между частными и должностными лицами либо государственными органами. Уголовно-процессуальные отношения «частное лицо – частное лицо» имеют скорее исключительный характер, и их содержание складывается своеобразно.

На этом основании мы считаем возможным сделать следующий вывод: оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве следует трактовать как право, а как обязанность только в случаях, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Формулировка «право на оказание квалифицированной юридической помощи» активно используется в научных источниках и правоприменительной практике. Причем смысл этого выражения не однозначен. Например, «право на оказание квалифицированной юридической помощи, включающее в себя право на свидание с осужденным, принадлежит лицам, имеющим высшее юридическое образование, а при его отсутствии лицам, оказывающим юридическую помощь» [19]. В этом случае речь идет о субъекте, *оказывающем* юридическую помощь.

Об этом праве (оказание юридической помощи) и в указанном контексте пишут некоторые исследователи, рассматривая исключительную компетенцию адвокатов [14, с. 43]. Но имеется и другой смысл. Например: «разъяснить права привлекаемым к уголовной ответственности лицам (например, право на оказание квалифицированной юридической помощи защитником)» [20, с. 16]. Или еще: «конституционное право на оказание квалифицированной юридической помощи» [21, с. 18]. Очевидно, что в этих научных работах подменяется субъект и речь идет о лице, *имеющем право на получение* юридической помощи. Такого рода высказывания имеются и в официальных документах: «права на государственную защиту и оказание квалифицированной юридической помощи» [22].

На наш взгляд, приведенные формулировки имеют не только теоретический, но и вполне практический характер. Приведем ссылку на закон: «Целями настоящего Федерального закона являются: 1) создание условий для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан *на получение квалифицированной юридической помощи*» [23]. И, наконец, как наиболее весомый аргумент в этом вопросе, сошлемся на ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации: «Каждому гарантируется право на *получение* квалифицированной юридической помощи». Соответственно, заменять «получение» на «оказание» является неверным ни с правовой, ни с лингвистической (смысловой) точки зрения.

Считаем, что необходимо придерживаться терминологии, используемой в Конституции РФ и федеральном законодательстве. Применительно к участникам уголовного судопроизводства – это право на получение квалифицированной юридической помощи. К лицам, оказывающим такую помощь – это право на ее оказание.

С учетом того факта, что оказание квалифицированной юридической помощи может в отдельных случаях рассматриваться как обязанность, выскажем и следующее суждение.

Система обеспечения в настоящее время выстраивается в отношении прав участников уголовного су-

допроизводства. Однако не менее значимым видится обеспечение возможности исполнять свои процессуальные обязанности. И в этом отношении считаем необходимым выйти за рамки привычной концепции обеспечения прав и добавить еще одно важное направление – обеспечение необходимых условий для исполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ провозглашенному в ст. 48 Конституции Российской Федерации праву каждого на квалифицированную юридическую помощь соответствует обязанность «предоставить достаточные гарантии ее оказания» [24]. Логичным является предположить, что такого рода гарантией выступает право адвоката в уголовном судопроизводстве на оказание квалифицированной юридической помощи. И в таком контексте закономерным выглядит его взаимосвязь с правом на получение этой помощи.

Наличие права требует его гарантий. Учитывая, что в уголовном судопроизводстве оказание юридической помощи должно обеспечиваться уголовно-процессуальными гарантиями, полагаем, что адвокат должен располагать системными средствами, позволяющими ему реализовать, защитить и приостановить в случае необходимости свое право на оказание юридической помощи.

Подводя промежуточный итог, отметим: фундаментальное для уголовного судопроизводства право на получение квалифицированной юридической помощи может быть надлежаще гарантировано только при наличии столь же фундаментальных гарантий для права оказывать юридическую помощь.

2. Право адвоката оказывать квалифицированную юридическую помощь не рассматривается в качестве элемента статуса, который подлежит самостоятельному обеспечению. Причина в том, что оказание квалифицированной юридической помощи не существует само по себе, а проявляется в различных процессуальных возможностях, реализуемых адвокатом. Например, «адвокат в целях оказания квалифицированной юридической помощи вправе знакомиться с результатами инициированных по его заявлению контрольно-надзорных мероприятий, осуществленных уполномоченным органом» [25]; «федеральный законодатель различает, с одной стороны, свидания, которые предоставляются им в целях сохранения социально полезных связей с родственниками и иными лицами, и с другой – свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи» [26].

Очевидно, что данные случаи свидетельствуют об обеспечении конкретных процессуальных прав адвоката, что в конечном итоге позволяет оказывать квалифицированную юридическую помощь. При этом речь идет о частных случаях проявления права на оказание квалифицированной юридической помощи. Учитывая, что обобщенным для всех уголовно-процессуальных прав выступает именно право на оказание квалифицированной юридической помощи, то и обеспечение его может

складываться из элементов обеспечения составляющих его содержание процессуальных прав.

Однако адвокат располагает двумя группами прав – профессиональными и процессуальными. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. [27] гласит: адвокат может создать свое адвокатское образование или войти в уже созданное, может быть избран в органы управления адвокатским сообществом, использовать иной потенциал своего положения. Соответственно, эти права составляют основу его профессионального положения и относятся к числу профессиональных (корпоративных). В то же время оказание квалифицированной юридической помощи – это профессиональная деятельность адвоката. Ее осуществление составляет суть адвокатской деятельности. Логичным будет предположить, что оказание квалифицированной юридической помощи – это основа профессионального правового статуса адвоката. Реализация профессионального статуса в той или иной сфере судопроизводства позволяет сформировать процессуальный (в том числе и в уголовном судопроизводстве) статус, т. е. определить совокупность процессуальных прав, обязанностей и ответственности адвоката.

Наш вывод о процессуальных и профессиональных правах адвоката в определенной степени подкрепляется мнением и иных ученых, усматривающих их взаимосвязь [28]. Соответственно, процессуальные права, обязанности и ответственность адвоката представляют собой основанный на его профессиональном статусе вторичный или производный уголовно-процессуальный статус. Подчеркнем, что на профессиональном статусе может быть основан и иной процессуальный статус адвоката, как участника гражданского, арбитражного и иного судопроизводства, а также и участника иной правовой деятельности: представление интересов доверителя в органах исполнительной власти, в нотариальной деятельности и др.

Процессуальный статус адвоката – специфическая совокупность процессуальных прав, обязанностей и ответственности, приобретаемая определенным лицом, обладающим профессиональным статусом. Получается, что *право на оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве зависит не только от уголовно-процессуальных, но и профессиональных средств обеспечения.*

Возвращаясь к ранее сформулированным вопросам, отметим, что неправомерное воздействие на любое право адвоката, направленное к защите прав доверителя, или реализуемое в сфере оказания квалифицированной юридической помощи, закономерно вызывает столь же неправомерное воздействие на права доверителя и его право на получение указанной помощи. Соответственно, выражать свое несогласие с ограничениями может не только адвокат, но и его доверитель. Поэтому в качестве одного из средств обеспечения права на оказание квалифицированной юридической помо-

щи может вступать обжалование процессуальных действий (бездействия) или решений, ограничивающих права адвокатов, как самими адвокатами, так и их доверителями по основанию ограничения права на получение квалифицированной юридической помощи.

Отдельные предметы исследования составляют обязанность адвоката оказывать квалифицированную помощь путем защиты интересов подозреваемого, обвиняемого, а также ответственность за ненадлежащее оказание этой помощи. Как представляется, в этом отношении необходимо провести дополнительные научные изыскания в части разработки концепции уголовно-процессуального обеспечения исполнения процессуальных обязанностей в целом и обязанностей адвокатов в рамках оказания квалифицированной юридической помощи в частности.

Ответственность адвокатов представляет достаточно малоизученный сегмент уголовно-процессуальной науки. Как правило, ответственность адвоката выступает вне рамок уголовного судопроизводства даже в тех случаях, когда правонарушение связано с уголовным судопроизводством. На наш взгляд, это обстоятельство выглядит нелогично и нуждается в изучении.

Высказанные суждения позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Положение адвоката дает ему возможность обладать как профессиональным статусом, так и иным, связанным с непосредственной сферой деятельности, в том числе статусом участника уголовного судопроизводства.

Оказание квалифицированной юридической помощи является основой для осуществления ад-

вокатом различных направлений деятельности, проявляясь в приобретении специфической совокупности отраслевых (например, уголовно-процессуальных) прав, обязанностей.

2. Оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве имеет сложную составную структуру, находится в неразрывной правовой и логической взаимосвязи с правом на получение этой помощи лицами, вовлекаемыми в сферу уголовного судопроизводства. Полагаем, что установление этой взаимосвязи позволяет систематизировать как средства обеспечения прав адвоката, так и его доверителя в уголовном судопроизводстве, выстроить целостный и эффективно функционирующий правовой механизм.

3. Как и любое право в сфере уголовного судопроизводства, право на оказание квалифицированной юридической помощи может подвергаться негативному воздействию (неправомерное ограничение, нарушение и др.). Соответственно, необходимы уголовно-процессуальные средства его обеспечения.

4. Обеспечение права на оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве может осуществляться только системой уголовно-процессуальных средств, направленных на обеспечение права на получение этой помощи.

5. Важными сегментами научного исследования выступают обязанность адвоката оказывать квалифицированную юридическую помощь путем защиты прав и интересов лица, против которого ведется уголовное преследование, и ответственность за ненадлежащее исполнение этой обязанности.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // *Lex Russica* (Русский закон). 2010. Т. 69, № 3. С. 540–550. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15189931>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mukldd>.
2. Лазарева В. А. О совмещении процессуальных статусов участников уголовного процесса // *Уголовное право*. 2022. № 3 (139). С. 68–79. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2022_3_68. EDN: <https://www.elibrary.ru/hiizcr>.
3. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе: монография. Москва: Наука, 1989. 256 с.
4. Гаврилов Б. Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства // *Публичное и частное право*. 2010. № 4 (8). С. 110–162. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16335526>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntmfup>.
5. Лазарева В. А., Кувалдина Ю. В., Марьяна Е. В. О презумпции невиновности, освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела: вопросы согласования // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2023. Т. 18, № 1. С. 136–153. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-1-lazareva-kuvaldina-marina>.
6. Раззорова И. Н. Проблемы обеспечения прав участников в ходе проверки сообщения о преступлении // *Российский следователь*. 2019. № 11. С. 35–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41281477>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ognnbz>.
7. Алонцева Е. Ю. Участники уголовного судопроизводства: понятие и классификация по УПК Российской Федерации и УПК Кыргызской Республики (сравнительно-правовой анализ) // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2020. № 5. С. 23–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43839691>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nknymx>.
8. Черкасова Ю. А. Сравнительный анализ УПК РФ и УПК Республики Хорватия на предмет правового положения участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // *Уголовное судопроизводство*. 2022. № 1. С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2022-1-41-45>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qelbek>.

9. Аширбекова М. Т. Права и законные интересы потерпевшего: общее и особенное в нормативном обеспечении // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография / М. Т. Аширбекова, В. М. Быков, И. С. Дикарев [и др.] / под ред. Н. С. Мановой. Москва: Проспект, 2016. 192 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24905002>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyzxeh>.
10. Ревина И. В., Пашутина О. С., Чеботарева И. Н. Способы реализации отказа от права на юридическую помощь в сфере уголовного судопроизводства // Адвокатская практика. 2022. № 1. С. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2022-1-24-29>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xnsgjv>.
11. Tarallo A. About Disorder in the «*cuisine interne*» of *Mihalache* Grand Chamber Judgment: Some Reasons for a Radical Change of Approach *in ne bis in idem* Issues // Criminal Law Forum. 2021. Vol. 32. P. 317–335. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10609-021-09416-2>.
12. Dearing A., Huxtable H. Doing justice for victims of violent crime in the European Union – Reflections on findings from a research project conducted by the European Union Agency for Fundamental Rights // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 2021. Vol. 45, issue 1. P. 39–66. DOI: <https://doi.org/10.1080/01924036.2020.1762233>.
13. Татьянанина Л. Г. Право на защиту или право на оказание квалифицированной юридической помощи как принципы уголовного судопроизводства // Юго-Западный юридический форум: сб. науч. тр. Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск: Юго-Западный гос. ун-т. 2021. Вып. 1. С. 505–508. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47223092>. EDN: <https://elibrary.ru/yuqjiw>.
14. Карпушов М. А. О проблеме оказания квалифицированной и иной юридической помощи представителями по соглашению в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 41–45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42433138>. EDN: <https://elibrary.ru/jmwyao>.
15. Аблабекова Н. Оказание правовой (юридической) помощи лицу, потерпевшему от преступления, как составной элемент в механизме защиты прав и законных интересов потерпевшего // Alatoo Academic Studies. 2018. № 1. С. 94–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35392476>. EDN: <https://elibrary.ru/xvplwp>.
16. Хмыров Р. В. Полномочия представителя Адвокатской палаты в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2022. № 2. С. 12–15. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2022-2-12-15>. EDN: <https://elibrary.ru/zvdzgp>.
17. Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2455. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002017017000&page=1&sort=position&limit=50&docid=7&valid=1002017017000>.
18. Ендольцева А. В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 25–30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41438271>. EDN: <https://elibrary.ru/aieqgv>.
19. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018). (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.) (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019 (начало). № 5; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019 (окончание). № 6. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/27317/>.
20. Александров А. И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8. С. 15–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39243236>. EDN: <https://elibrary.ru/ggogze>.
21. Орлова Ю. Р. Право подозреваемого, обвиняемого на защиту и проблемы его реализации в современных условиях российской действительности // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 16–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36461208>. EDN: <https://elibrary.ru/yohxpf>.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2022 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 25 части 1 статьи 13 Федерального закона “О полиции” в связи с жалобой гражданина И. Н. Фролова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417910.
23. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34292>.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384181.
25. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2020 г. № 4-КА19-30. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoikollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17012020-n-4-ka19-30>.
26. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 2021 г. № 58-КАД21-8-К9. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoikollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18082021-n-58-kad21-8-k9>.
27. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945.
28. Стародумов С. В., Шмарева Т. А., Шмарев А. И. О гарантиях профессиональных прав адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 233–239. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-233-239>. EDN: <https://elibrary.ru/vngkqk>.

References

1. Lazareva V. A. *Ugolovnyi protsess kak sposob zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina (naznachenie ugolovno sudoproizvodstva)* [The criminal procedure as a method of defence of rights and freedoms of person and citizen (the purpose of criminal procedure)]. *Lex Russica (Russkii zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 2010, vol. 69, no. 3, pp. 540–550. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15189931>. EDN: <https://www.elibrary.ru/muklkd> [in Russian].
2. Lazareva V. A. *O sovmeshchenii protsessual'nykh statusov uchastnikov ugolovno protsessa* [On the combination of procedural statuses of participants in criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo*, 2022, no. 3 (139), pp. 68–79. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2022_3_68. EDN: <https://www.elibrary.ru/hiizer> [in Russian].
3. Petrukhin I. L. *Neprikosновенность личности и принуждение в уголовном процессе: монография* [Inviolability of a person and coercion in the criminal process: monograph]. Moscow: Nauka, 1989, 256 p. [in Russian].
4. Gavrilov B. Ya. *Pravovoe regulirovanie zashchity konstitutsionnykh prav i svobod uchastnikov ugolovno sudoproizvodstva* [Legal regulation of criminal procedure participant's constitutional rights and freedoms protection]. *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2010, no. 4 (8), pp. 110–162. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16335526>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntmfup> [in Russian].
5. Lazareva V. A., Kuvaldina Ju. V., Marina E. V. *O prezumptsii nevinovnosti, osvobozhdenii ot ugolovnoi otvetstvennosti i prekrashchenii ugolovno delo: voprosy soglasovaniya* [On the presumption of innocence, release from criminal liability and termination of the criminal case: issues of agreement]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2023, vol. 18, no. 1, p. 136–153. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-1-lazareva-kuvaldina-marina> [in Russian].
6. Razzorenova I. N. *Problemy obespecheniya prav uchastnikov v khode proverki soobshcheniya o prestuplenii* [Issues of protection of participants' rights in the course of verification of a crime notification]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2019, no. 11, pp. 35–39. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41281477>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ognnbz> [in Russian].
7. Alontseva E. Y. *Uchastniki ugolovno sudoproizvodstva: ponyatie i klassifikatsiya po UPK Rossiiskoi Federatsii i UPK Kyrgyzskoi Respubliki (sravnitel'no-pravovoi analiz)* [Parties to criminal proceedings: the concept and classification under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic (a comparative legal analysis)]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International Criminal Law and International Justice], 2020, no. 5, pp. 23–26. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43839691>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nknyxm> [in Russian].
8. Cherkasova Yu. A. *Sravnitel'nyi analiz UPK RF i UPK Respubliki Khorvatiya na predmet pravovogo polozheniya uchastnikov ugolovno sudoproizvodstva s neopredelennym protsessual'nym statusom* [A comparative analysis of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Republic of Croatia as to the legal position of parties to criminal proceedings with an undefined procedural status]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2022, no. 1, pp. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2022-1-41-45>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qelbek> [in Russian].
9. Ashirbekova M. T. *Prava i zakonnye interesy poterpevshego: obshchee i osobennoe v normativnom obespechenii* [Rights and legitimate interests of the victim: general and special in regulatory support]. In: *Aktual'nye problemy obespecheniya prav uchastnikov ugolovno sudoproizvodstva: monografiya. M. T. Ashirbekova, V. M. Bykov, I. S. Dikarev [i dr.]. Pod red. N. S. Manovoi* [Ashirbekova M. T., Bykov V. M., Dikarev I. S. [et al.] Topical issues of ensuring the rights of participants in criminal proceedings: monograph; Manova N. S. (Ed.)]. Moscow: Prospekt, 2016, 192 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24905002>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyzxex> [in Russian].
10. Revina I. V., Pashutina O. S., Chebotareva I. N. *Sposoby realizatsii otkaza ot prava na yuridicheskuyu pomoshch' v sfere ugolovno sudoproizvodstva* [Means of the implementation of waiver of the right to legal assistance in criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], 2022, no. 1, pp. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2022-1-24-29>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xnsgjv> [in Russian].
11. Tarallo A. About Disorder in the «cuisine interne» of Mihalache Grand Chamber Judgment: Some Reasons for a Radical Change of Approach *in ne bis in idem* Issues. *Criminal Law Forum*, 2021, vol. 32, pp. 317–335. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10609-021-09416-2>.
12. Dearing A., Huxtable, H. Doing justice for victims of violent crime in the European Union – Reflections on findings from a research project conducted by the European Union Agency for Fundamental Rights. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2021, vol. 45, issue 1, pp. 39–66. DOI: <https://doi.org/10.1080/01924036.2020.1762233>.
13. Tatianina L. G. *Pravo na zashchitu ili pravo na okazanie kvalifitsirovannoi yuridicheskoi pomoshchi kak printsipy ugolovno sudoproizvodstva* [The right to defense or the right to provide qualified legal assistance as principles of criminal proceedings]. *Yugo-Zapadnyi yuridicheskii forum: sb. nauch. tr. Yugo-Zapadnogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo 30-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Southwestern Legal Forum: collection of scientific works of the Southwestern Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law of the Southwestern State University]. Kursk: Yugo-Zapadnyi gos. un-t, 2021, issue 1, pp. 505–508. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47223092>. EDN: <https://elibrary.ru/yuqjiw> [in Russian].
14. Karpushov M. A. *O probleme okazaniya kvalifitsirovannoi i inoi yuridicheskoi pomoshchi predstavitel'yami po soglasheniyu v ugolovnom sudoproizvodstve* [On the issue of rendering qualified and other legal assistance by representatives under an agreement in criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], 2020, no. 1, pp. 41–45. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42433138>. EDN: <https://elibrary.ru/jmwyao> [in Russian].
15. Ablabekova N. *Okazanie pravovoi (yuridicheskoi) pomoshchi litsu, poterpevshemu ot prestupleniya, kak sostavnoi element v mekhanizme zashchity prav i zakonnykh interesov poterpevshego* [Legal (juridical) assistance to a person who suffered from a crime as the main element in the mechanism for protecting the rights and legal interests of the complainant]. *Alatoo Academic Studies*, 2018, no. 1, pp. 94–102. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35392476>. EDN: <https://elibrary.ru/xvplwp> [in Russian].

16. Khmyrov R. V. *Polnomochiya predstavatelya Advokatskoi palaty v ugolovnom sudoproizvodstve* [Authorities of a representative of a chamber of lawyers in criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], 2022, no. 2, pp. 12–15. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4826-2022-2-12-15>. EDN: <https://elibrary.ru/zvdzgp> [in Russian].
17. *Federal'nyi zakon ot 17 aprelya 2017 g. № 73-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law № 73-FZ as of April 17, 2017 «On Amendments Being Made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2017, no. 17, Article 2455. Available at: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=&volume=1002017017000&page=1&sort=position&limit=50&docid=7&volid=1002017017000> [in Russian].
18. Endoltseva A. V. *Realizatsiya konstitutsionnogo prava na poluchenie kvalifitsirovannoi yuridicheskoi pomoshchi v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [Exercising of the constitutional right to receive qualified legal assistance in Russian criminal proceedings]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2019, no. 4, pp. 25–30. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41438271>. EDN: <https://elibrary.ru/aieqgv> [in Russian].
19. *Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 3 (2018). (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 14 noyabrya 2018 g.) (red. ot 26.12.2018)* [Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 14, 2018) (last updated 26.12.2018)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 2019, no. 5 (beginning); *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 2019, no. 6 (end). Available at: <https://www.vsr.ru/documents/practice/27317> [in Russian].
20. Aleksandrov A. I. *Obespechenie prava obvinyaemogo (podozrevaemogo) na zashchitu v ugolovnom protsesse Rossii: aktual'nye problemy* [Enforcement of the right of the convicted (suspect) to defense in the Russian criminal procedure: relevant issues]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2019, no. 8, pp. 15–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39243236>. EDN: <https://elibrary.ru/ggogze> [in Russian].
21. Orlova Yu. R. *Pravo podozrevaemogo, obvinyaemogo na zashchitu i problemy ego realizatsii v sovremennykh usloviyakh rossiiskoi deistvitel'nosti* [The right of a suspect, an accused to protection and the issues of its exercising in modern conditions of the Russian reality]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], 2018, no. 6, pp. 16–22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36461208>. EDN: <https://elibrary.ru/yohxpf> [in Russian].
22. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 26 maya 2022 g. № 21-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 25 chasti 1 stat'i 13 Federal'nogo zakona "O politsii" v svyazi s zhaloboi grazhdanina I. N. Frolova»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 21-P dated May 26, 2022 «With regard to case of checking the constitutionality of Paragraph 25 of Part 1 of Article 13 of the Federal Law “On Police” in connection with the complaint of citizen I. N. Frolov»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417910 [in Russian].
23. *Federal'nyi zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 324-FZ (red. ot 28.06.2022) «O besplatnoi yuridicheskoi pomoshchi v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law № 324-FZ as of November 21, 2011 (as amended on 28.06.2022) «On free legal assistance in the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34292> [in Russian].
24. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13 maya 2021 g. № 18-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti tret'ei stat'i 131 i stat'i 132 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, a takzhe punkta 30 Polozheniya o vozmeshchenii protsessual'nykh izderzhkek, svyazannykh s proizvodstvom po ugolovnomu delu, izderzhkek v svyazi s rassmotreniem dela arbitrazhnym sudom, grazhdanskogo dela, administrativnogo dela, a takzhe raskhodov v svyazi s vypolnieniem trebovaniy Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina E.R. Yurovskikh»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 18-P dated May 13, 2021 «With regard to case of checking the constitutionality of Part Three of Article 131 and Article 132 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as Paragraph 30 of the Regulation on compensation of procedural costs associated with criminal proceedings, costs in connection with the consideration of the case by the arbitration court, civil case, administrative case, as well as expenses in connection with the fulfillment of the requirements of the Constitutional Court of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.R. Yurovsky»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384181 [in Russian].
25. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17 yanvarya 2020 g. № 4-KA19-30* [Cassation ruling of the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 2020 № 4-KA19-30]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17012020-n-4-ka19-30> [in Russian].
26. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 18 avgusta 2021 g. № 58-KAD21-8-K9* [Cassation ruling of the Judicial Board on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 18, 2021 № 58-KAD21-8-K9]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18082021-n-58-kad21-8-k9> [in Russian].
27. *Federal'nyi zakon ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ (red. ot 31.07.2020, s izm. ot 10.11.2022) «Ob advokatskoi deyateli'nosti i advokature v Rossiiskoi Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2022)* [Federal Law № 63-FZ as of May 31, 2002 (as amended on 31.07.2020, as revised in 10.11.2022) «On legal profession and advocacy in the Russian Federation» (as amended effective of 01.03.2022)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945 [in Russian].
28. Starodumov S. V., Shmareva T. A., Shmarev A. I. *O garantiyakh professional'nykh prav advokatov-zashchitnikov v ugolovnom sudoproizvodstve* [On guarantees of professional rights of defense lawyers in criminal proceedings]. [Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow], 2021, no. 3 (19), pp. 233–239. DOI: <https://doi.org/10.24412/2587-9820-2021-3-233-239>. EDN: <https://elibrary.ru/vngkqk> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-34-39

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

Дата поступления: 17.04.2023
рецензирования: 19.05.2023
принятия: 25.07.2023

Прокурор и суд: стратегический баланс

Е. А. Зайцева

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматривается дискуссионный вопрос о роли прокурора в судебно-контрольных производствах сквозь призму принципа состязательности сторон и основных полномочий прокуратуры в правовом государстве. Делается вывод о противоречивости нормативного регулирования надзорных полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия и органов дознания, что влечет разный формат моделей поведения прокуроров в судебно-контрольных производствах. Критически оценивается двойственная ситуация, когда прокурор не поддерживает в суде ходатайство органов предварительного следствия. Автор анализирует пути выхода из данной ситуации, предлагает переформатировать отношения прокурора с дознавателем, передав полномочия по процессуальному руководству дознанием от прокурора – начальнику подразделения дознания. Это позволит прокурорам сосредоточить все свои усилия на надзоре за соблюдением законности в досудебном производстве по уголовным делам, изменить роль прокурора в судебно-контрольных процедурах.

Ключевые слова: прокурор; суд; судебно-контрольные производства; прокурорский надзор; предварительное следствие; дознание.

Цитирование. Зайцева Е. А. Прокурор и суд: стратегический баланс // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-34-39>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Зайцева Е. А., 2023

Елена Александровна Зайцева – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД, Волгоградская академия МВД России, 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130; профессор кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2023
Revised: 19.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Prosecutor and court: strategic balance

Е. А. Zaitseva

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
E-mail: zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract: The article deals with the discussion issue of the role of the prosecutor in judicial proceedings through the prism of the principle of adversarial parties and the main powers of the prosecutor's office in the legal state. The conclusion is made about the inconsistency of the regulatory regulation of the supervisory powers of the prosecutor in relation to the preliminary investigation and inquiry bodies, which entails a different format of the behavior of prosecutors in forensic proceedings. The dual situation is critically assessed, when the prosecutor does not support the petition of the preliminary investigation authorities in court. The author analyzes the ways out of this situation, proposes to reformat the relationship of the prosecutor with the investigator, transferring the authority for procedural management of the inquiry from the prosecutor - the head of the inquiry unit. It will allow prosecutors to concentrate all the efforts on supervision of respecting the rule of law in pre-judicial criminal cases production, to change a role of the prosecutor in judicial and control procedures.

Key words: prosecutor; court; judicial and control productions; public prosecutor's supervision; preliminary investigation; inquiry.

Citation. Zaitseva E. A. *Prokuror i sud: strategicheskii balans* [Prosecutor and court: strategic balance]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-34-39> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Zaitseva E. A., 2023

Elena A. Zaitseva – Doctor of Laws, professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Depart-

ment of Internal Affairs, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 130, Istoricheskaya Street, Volgograd, 400075, Russian Federation; professor of the Department of Criminal Process, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Street, Saratov, 410056, Russian Federation.

Научное творчество Валентины Александровны Лазаревой как поле для продуктивной уголовно-процессуальной дискуссии представляет собой весьма благодатную почву пытливому исследователю. Разнообразие научных интересов уважаемой Валентины Александровны, глубина проработки актуальных проблем уголовно-процессуальной теории, законодательства, правоприменительной практики – это те сильные стороны ее творческой деятельности, которые вдохновляли и будут вдохновлять других авторов обращаться к актуальным аспектам уголовного судопроизводства, ярко высвеченным в работах уважаемого профессора. Текущая конференция – тому живое свидетельство. Доклады видных ученых-процессуалистов на этом форуме, посвященные анализу научных взглядов Валентины Александровны, касались многих ключевых проблем современного российского уголовного процесса, в том числе – сущности судебной власти в системе состязательного судопроизводства, взаимоотношений суда с другими властными участниками уголовного процесса.

В этом ракурсе мне хотелось бы затронуть вопросы соотношения полномочий суда и прокурора сквозь призму баланса таких непреходящих ценностей, как независимость суда и обеспечение законности при производстве по уголовным делам. То, что данный баланс должен выдерживаться, что он носит стратегическое значение в уголовном процессе – факт непреложный. Степень выраженности в законе и последовательность воплощения в живой правоприменительной практике верного соотношения таких, казалось бы, разнопорядковых явлений, как независимость суда и реализация прокурором надзорных полномочий, напрямую влияет на решение вопроса о том, насколько «состязателен» современный российский уголовный процесс, насколько он соответствует выстроенным в учении о типологии уголовного судопроизводства моделям.

Следует подчеркнуть, что инициированная «тихой революцией» Конституционного Суда РФ [1, с. 9] погоня за насаждением в отечественном процессе всеобъемлющей идеи состязательности, поглощающей и досудебное производство в том числе¹, встречала такое же «тихое сопротивление» на практике со стороны правоприменителей, а в ряде случаев – критическую оценку достойных и

¹ Чего, к примеру, стоит тезис Конституционного Суда РФ о том, что «принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии уголовного судопроизводства»! (см.: П. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Муштафина и А. А. Стубайло» // СЗ РФ. 2000. № 8. Ст. 991).

уважаемых представителей научного сообщества [2, с. 3–6; 3, с. 16–18; 4, с. 52]. Постепенно накапливались изменения и дополнения в действующий УПК РФ, которые достигли масштаба, позволяющего с определенной условностью говорить о «качественном скачке» в нормативном регулировании, приведшем к окончательной констатации смешанного характера российского уголовного процесса. Валентина Александровна Лазарева точно подметила, что «в качестве безусловного постулата принимаем тезис о смешанном характере нашего уголовного процесса, переформатировать который в процесс состязательный не только невозможно, но и не нужно» [5, с. 90].

Данный справедливый тезис предопределяет «расстановку сил» в судебном и досудебном производстве, включая так называемые судебные-контрольные производства, где независимый суд взаимодействует с участниками со стороны защиты и обвинения, реализуя судебную-контрольную и разрешительную функции². Именно в этих производствах в рамках досудебного расследования и проявляет себя принцип состязательности сторон, поле реализации которого на данном этапе существенно «сужено» и ограничено именно данными производствами, где работает конструкция с трех-субъектными правоотношениями³, заложенная в ст. 15 УПК РФ.

Какое место в этой модели занимает прокурор, выступающий в связи с заявленным органами уголовного преследования ходатайством об ограничении конституционных прав граждан, в случае отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении годичного срока (ст. 214.1 УПК РФ), а также в связи с рассмотрением судом иных вопросов, предусмотренных ст. ст. 125, 125.1, ч. 5 ст. 165 УПК РФ?

Ответ на данный вопрос не однозначен ввиду неоднозначности самой роли прокурора в системе действующего нормативного регулирования. На эту специфику обоснованно обращали внимание В. А. Лазарева и С. И. Вершинина, отмечая, что «относительно роли прокурора как субъекта уголовного преследования и соотношения в его деятельности уголовного преследования с надзорными полномочиями четко выраженной законодательной позиции нет» [8, с. 53], что еще усугубляется существенным различием в объеме полномочий прокурора при осуществлении расследования в форме предварительного следствия и в форме дознания.

Согласно концепции состязательного построения процесса прокурор вместе с рядом других властных субъектов отнесен к участникам со стороны обвинения. Однако в ст. 37 УПК РФ вместе с функцией

² См. об этих функциях подробнее нашу позицию: [6].

³ См. об этих специфических отношениях: [7, с. 23–24].

уголовного преследования (для реализации которой, откровенно говоря, в досудебном производстве у прокурора нет надлежащего уголовно-процессуального инструментария в виде соответствующих полномочий⁴), на прокурора возложена и функция надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Это логично, исходя из посыла ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», где среди функций прокуратуры (реализуемых отдельными должностными лицами этих органов) выделены «надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также ... иные функции»⁵.

Если предположить, что прокурор в судебно-контрольных производствах реализует функцию уголовного преследования, то это означает, что он всегда должен поддерживать перед судом соответствующие ходатайства органов предварительного следствия и дознания. Однако практика свидетельствует о том, что позиция прокурора по ходатайствам представителей следственных подразделений далеко не всегда совпадает с их генеральной линией, изложенной в постановлении о возбуждении ходатайства перед судом. Следовательно, вряд ли можно говорить о консолидированной позиции органов предварительного следствия и прокурора при рассмотрении ходатайств в судебно-контрольных производствах. Это обусловлено в первую очередь различием в процедуре и субъекте согласования данных ходатайств при проведении предварительного следствия и дознания. Дознаватель входит в суд с ходатайством, согласованным с прокурором, что, по логике, исключает конфликт с таковым по существу ходатайства во время его рассмотрения в судебно-контрольном производстве. Иначе обстоит дело с ходатайством следователя, согласованным с руководителем следственного органа, когда прокурор не разделяет их позицию⁶. Здесь возмож-

⁴ Учитывая, что уголовное преследование проявляется в акте возбуждения уголовного дела, его расследовании с целью установления и изобличения причастных к совершению преступления лиц, в современной регламентации системы полномочий прокурора прослеживается явный пробел. «Прокурор сегодня лишен полномочий как лично производить следственные действия, так и принимать участие в их проведении», констатируют В. А. Лазарева и К. Н. Николаева [9, с. 27]. Тем не менее некоторые авторы видят проявление функции уголовного преследования у прокурора в «опосредованном варианте»: «прокурор посредством процессуального руководства дознанием опосредованно осуществляет уголовное преследование» [10, с. 115].

⁵ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; СЗ РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 28.

⁶ Так, СК РФ констатировал по итогам 2017 г., что «В судебных заседаниях прокуроры не всегда занимают солидарную со следственными органами позицию. Как и суды зачастую не соглашаются с мнением прокурора. В первом полугодии 2017 года судом удовлетворено

но реальное противостояние между участниками, формально реализующими функцию уголовного преследования, что превращает судебное заседание в рамках судебно-контрольного производства в «поле битвы», создает затруднения в деятельности суда, вынужденного принимать решение в условиях «настоящей состязательности» (порожденной противоречиями в позициях представителей одной процессуальной стороны), а не «состязательности сторон» в формате ст. 15 УПК РФ.

Насколько оправдано такое различие в комплексе полномочий прокурора при осуществлении дознания и предварительного следствия, проявляющееся в виде подобных последствий при рассмотрении ходатайств органов уголовного преследования в суде? Способствует ли это обеспечению законности и гарантирует ли такая ситуация высокую степень защищенности интересов лиц, чьи конституционные права затрагиваются данными ходатайствами? Для эффективного осуществления судебной деятельности в судебно-контрольных производствах оптимальным было бы рассмотрение ходатайств, прошедших через «сито» текущего прокурорского надзора, согласованных с прокурором (как ходатайств дознавателя, так и следователя). Однако такая ситуация реально возможна только в случае изменения надзорных полномочий прокурора в отношениях со следователем⁷ (фактически – «контрреформа» предварительного расследования с отказом от идей, закрепленных в УПК РФ Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ⁸. Тогда придется отказаться от такого «завоевания» реформы, как независимость органов предварительного следствия, а прокурору необходимо будет вернуть полномочия по процессуальному руководству органами предварительного следствия с существенной корректировкой статуса руководителя следственного органа. Естественно, такой вариант развития событий не удовлетворит Следственный комитет РФ, да и другие ведомства, наделенные «следственной властью».

Другой сценарий по устранению анализируемого противоречия возможен путем кардинального

почти 6% ходатайств предварительного следствия об аресте обвиняемых и продлении срока их содержания под стражей, не поддержанных прокурором» (В СК России проанализирована практика избрания меры пресечения заключения под стражу. 06.12.2017. [Электронный ресурс]. Заглавие с экрана. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1184953> (дата обращения: 02.04.2023).

⁷ Справедливости ради следует отметить, что некоторые авторы предлагают вариант с «половинчатым решением» указанной проблемы, ограничиваясь требованием достижения консенсуса только по вопросу избрания меры пресечения: «обязать следователя согласовывать постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения не только с руководителем следственного органа, но и прокурором» [11, с. 13, 25].

⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

изменения роли прокурора в судебно-контрольных производствах, что потребует реформирования его отношений с органами дознания. Сохранение в ходе реформы предварительного расследования 2007 г. за прокурором процессуального руководства органами дознания было обусловлено, как отмечает Н. А. Колоколов, двухэтапной реализацией изъятия полномочий прокурора по руководству органами дознания: «сразу отказаться от процессуального руководства дознанием со стороны прокуроров не удалось, так как дознаватели в массе своей не только не профессиональны, но и официально не были объединены в какие-либо подразделения. Поэтому изъятие у прокуроров функции процессуального руководства дознанием решили осуществлять в два этапа. Первый – создание “крепких” подразделений дознания, подготовка их начальников, которые в будущем смогут взять на себя функцию процессуального управления, уточнение перечня дел, подведомственных дознавателям. Второй – по уже апробированной схеме выведение дознавателей из сферы процессуального руководства со стороны прокуроров» [12, с. 186–203]. Однако первым этапом все преобразование и ... закончилось, что привело к противоречивому регулированию в целом объема полномочий прокурора при осуществлении руководства уголовным преследованием. Тем не менее, полагаем, задачи первого этапа были успешно решены, создана четкая система подразделений дознания в ключевом для этого вида деятельности ведомстве – МВД России. Пора реализовывать второй этап. Безусловно, права Валентина Александровна, говоря о том, что «мелочная опека прокурором дознавателя при невозможности прямого вмешательства в предварительное следствие принижает и роль прокурора в уголовном процессе» [13, с. 24]. «Настало время передачи этого объема полномочий по процессуальному руководству дознанием непосредственному руководителю дознавателя – начальнику подразделения дознания в тех государственных органах, где созданы специализированные подразделения дознания» [14, с. 92].

К чему приведет воплощение в жизнь данных положений, направленных, в том числе, на последовательное осуществление идей, заложенных в Концепции судебной реформы⁹? К полному, кардинальному реформированию модели деятельности прокурора в досудебном производстве, в том числе при участии в судебно-контрольных процедурах. На первый план в деятельности

надзирающего (в прямом смысле этого слова) прокурора выйдет функция надзора за исполнением законов в деятельности органов предварительного расследования. Прокурор, участвуя в заседаниях судов в порядке ст. ст. 108, 109, 115.1, 118, 125, 165 УПК РФ, будет давать заключение по существу юридического спора, породившего соответствующее судебно-контрольное производство, будет реагировать на незаконные, по его мнению, решения суда по итогам рассмотрения данного спора.

Сосредоточение сил и средств прокуратуры на реализации закрепленной в ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» функции надзора за исполнением закона в широком ее смысле («надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина») – это верный путь к укреплению законности в сфере уголовного судопроизводства.

Но здесь меня могут упрекнуть в том, что подобные предложения «посягают на святая святых» в демократичном состязательном процессе: надзор прокурора за соблюдением законов во всех процедурах (в том числе – судебно-контрольных) и на всех стадиях уголовного судопроизводства (в том числе судебных) чреват покушением на независимость судей. Даже в той самой Концепции судебной реформы жестко критиковался существовавший «судебный надзор» прокуратуры: «Между тем суд совершенно не нуждается в процессуальном надзирателе, поскольку способен лучше, беспристрастнее и точнее, чем кто бы то ни было, соблюсти все правила судопроизводства»¹⁰. Разработчики Концепции видели роль прокурора в состязательном процессе исключительно как равноправной стороны. Но мы призываем не к реанимации «судебного надзора» в худших его проявлениях. Нет, мы ратуем за верховенство закона, ибо даже судебная власть должна четко и неукоснительно исполнять предписания Конституции РФ и законов нашего государства. И здесь уместно сослаться на авторитетное мнение Л. М. Володиной: «Никто не оспаривает приоритеты судебной власти, но почему прокурор в ходе рассмотрения уголовного дела в рамках предоставленных ему полномочий не вправе дать заключение о нарушении закона? Суд вправе не согласиться с позицией прокурора и принять соответствующее решение, но содержание заключения может стать предметом рассмотрения вышестоящей судебной инстанции и даже основанием отмены судебного решения» [15, с. 84]. Такой подход позволяет сохранить тот самый «стратегический баланс» в состязательном процессе, обеспечить соблюдение закона в деятельности и судебной, и исполнительной ветвей власти.

⁹ «Соединение в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за ним противоречит требованиям системного подхода, вызывает опасные перекосы в досудебных стадиях уголовного судопроизводства» (О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435).

¹⁰ О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Библиографический список

1. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6608>.
2. Божьев В. П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3–6.
3. Давлетов А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 16–18. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/3795>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39191088>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dniuwp>.
4. Орлов Ю. К. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 52–53. URL: <https://lataska.ru/printsip-sostyazatel-nosti-v-ugolovnom-protsesse-znachenie-i-predely-deystviya-yu-orlov-quot-rossiyskaya-yustitsiya/>.
5. Лазарева В. А. Доказывание судебное и досудебное // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 89–94. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-89-94>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zyqlgb>.
6. Зайцева Е. А., Костерина Н. В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 145 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19768265>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qpphyv>.
7. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. Санкт-Петербург: «Наука», ООО «Издательство «Альфа», 2000. 224 с. URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/smirnov_modeli/smirnov_modeli.pdf.
8. Лазарева В. А., Вершинина С. И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7>.
9. Лазарева В. А., Николаева К. Н. Разграничение компетенции органов предварительного расследования, прокурора и суда по проверке доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-25-30>.
10. Митькова Ю. С. Дознание в органах внутренних дел как сфера реализации контрольно-надзорных полномочий в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 273 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37171351>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zatdqt>.
11. Ендольцева А. А. Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 31 с.
12. Колоколов Н. А. Роль приказов Генерального прокурора РФ и указаний следственных органов в организации уголовного процесса // Уголовное судопроизводство: теория и практика. Москва: Юрайт, 2011. С. 186–203. URL: https://studme.org/1553101913267/pravo/rol_prikazov_generalnogo_prokurora_ukazaniy_rukovoditeley_sledstvennyh_organov_organizatsii (дата обращения: 12.12.2019).
13. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. Самара: Самарский университет, 2010. 223 с. <http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Prokuror-v-ugolovnom-protsesse-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90565/1/Лазарева%20В.А.%20Прокурор%20в%20уголовном%202008.pdf>.
14. Зайцева Е. А., Митькова Ю. С., Сеидов М. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России как сфера реализации контрольно-надзорных полномочий: монография. Волгоград, 2020. 300 с.
15. Володина Л. М. Статус прокурора в российском уголовном процессе // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 3-х ч. Москва: Академия управления МВД России, 2010. Ч. 1. С. 81–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35116785>. EDN: <https://www.elibrary.ru/urxzja>.

References

1. Bozhiev V. P. «*Tikhaya revolyutsiya*» *Konstitutsionnogo Suda v ugolovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii* [«Quiet revolution» of the Constitutional Court in the criminal process of the Russian Federation]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2000, no. 10, pp. 9–11. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/6608> [in Russian].
2. Bozhiev V. P. *Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii* [Competition at the preliminary investigation]. *Zakonnost'* [Zakonnost Journal], 2004, no. 1, pp. 3–6 [in Russian].
3. Davletov A. A. *Problema sostyazatel'nosti reshena v UPK RF neudachno* [The problem of competition was solved unsuccessfully in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2003, no. 8, pp. 16–18. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/3795>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39191088>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dniuwp> [in Russian].
4. Orlov Yu. K. *Printsip sostyazatel'nosti v ugolovnom protsesse: znachenie i predely deystviya* [Principle of competition in criminal proceedings: meaning and limits of action]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2004, no. 2, pp. 52–53. Available at: <https://lataska.ru/printsip-sostyazatel-nosti-v-ugolovnom-protsesse-znachenie-i-predely-deystviya-yu-orlov-quot-rossiyskaya-yustitsiya> [in Russian].
5. Lazareva V. A. *Dokazyvanie sudebnoe i dosudebnoe* [Evidence – trial and pre-trial]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 1, pp. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-89-94>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zyqlgb> [in Russian].
6. Zaitseva E. A., Kosterina N. V. *Polnomochiya suda na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: monografiya* [Powers

of the court at the stage of preliminary investigation: monograph]. Volgograd: VA MVD Rossii, 2007, 145 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19768265>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qpphyv> [in Russian].

7. Smirnov A. V. *Modeli ugolovnogo protsessa* [Models of the criminal process]. Saint Petersburg: «Nauka», ООО «Izdatel'stvo «Al'fa», 2000, 224 p. Available at: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/smirnov_modeli/smirnov_modeli.pdf [in Russian].

8. Lazareva V. A., Vershinina S. I. *O protsessual'nom statuse dolzhnostnykh lits organov prokuratury* [On the Procedural Status of Officials of the Prosecutor's Office Participating in Criminal Proceedings]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7> [in Russian].

9. Lazareva V. A., Nikolaeva K. N. *Razgranichenie kompetentsii organov predvaritel'nogo rassledovaniya, prokurora i suda po proverke dokazatel'stv* [Distribution of power of preliminary investigation bodies, procurator and evidence examination court]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-25-30> [in Russian].

10. Mitkova Yu. S. *Doznanie v organakh vnutrennikh del kak sfera realizatsii kontrol'no-nadzornykh polnomochii v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Inquiry in the internal affairs bodies as a sphere of implementation of control and supervisory powers in Russian criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Volgograd, 2018, 273 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37171351>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zatdqt> [in Russian].

11. Endoltseva A. A. *Sudebno-kontrol'nye protsedury v dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial control procedures in pre-trial proceedings in a criminal case: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2023, 31 p. [in Russian].

12. Kolokolov N. A. *Rol' prikazov General'nogo prokurora RF i ukazanii sledstvennykh organov v organizatsii ugolovnogo protsessa* [Role of the orders of the Prosecutor General of the Russian Federation and the instructions of the investigating authorities in organizing the criminal process]. In: *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika* [Criminal proceedings: theory and practice]. Moscow: Yurait, 2011, pp. 186–203. Available at: https://studme.org/1553101913267/pravo/rol_prikazov_generalnogo_prokurora_ukazaniy_rukovoditeley_sledstvennykh_organov_organizatsii (accessed 12.12.2019) [in Russian].

13. Lazareva V. A. *Prokuror v ugolovnom protsesse: ucheb. posobie* [Prosecutor in criminal proceedings: textbook]. Samara: Samarskii universitet, 2010, 223 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Prokuror-v-ugolovnom-processe-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90565/1/Лазарева%20В.А.%20Покыпов%20В%20уголовном%202008.pdf> [in Russian].

14. Zaitseva E. A., Mit'kova Yu. S., Seidov M. M. *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov dozvaniya sistemy MVD Rossii kak sfera realizatsii kontrol'no-nadzornykh polnomochii: monografiya* [Criminal procedure activities of the inquiry bodies of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a sphere of implementation of control and supervisory powers: monograph]. Volgograd, 2020, 300 p. [in Russian].

15. Volodina L. M. *Status prokurora v rossiiskom ugolovnom protsesse* [Status of the prosecutor in the Russian criminal process]. In: *Problemy sovremennogo sostoyaniya i puti razvitiya organov predvaritel'nogo sledstviya (k 150-letiyu obrazovaniya sledstvennogo apparata v Rossii): sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.: v 3-kh ch.* [Problems of the current state and ways of development of the bodies of preliminary investigation (on the 150th anniversary of the formation of an investigative apparatus in Russia): collection of materials of the All-Russian research and practical conference: in 3 parts]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2010, part 1, pp. 81–87. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35116785>. EDN: <https://www.elibrary.ru/urxzja> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 20.04.2023
рецензирования: 21.05.2023
принятия: 25.07.2023

Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве

С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: В статье обобщаются результаты научных исследований автора, посвященных собиранию доказательств как одному из этапов уголовно-процессуального доказывания. Обосновывается авторская позиция, предполагающая частичное несогласие с известным доктринальным постулатом о возможности собирания доказательств не иначе как посредством их формирования, то есть путем производства предусмотренных уголовно-процессуальным законом следственных либо иных процессуальных действий. Обращается внимание на невозможность использования механизмов формирования доказательств в отношении представляемых, истребуемых либо изымаемых предметов и документов, подлежащих введению в уголовный процесс как готовых информационных продуктов: вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также результатов оперативно-розыскной и административной деятельности. Предлагается называть подобные доказательства паратусными и признавать их полноценными, обладающими должной юридической силой и пригодными для использования по назначению средствами доказывания путем приобщения к материалам уголовного судопроизводства. Одновременно предлагается дополнить классификацию уголовно-процессуальных доказательств, предусмотрев еще одно основание, предполагающее дифференциацию в зависимости от способа собирания – подразделять доказательства на формируемые и паратусные.

Ключевые слова: вещественные доказательства; доказательства; доказывание; иные документы; представление доказательств; приобщение доказательств к уголовному делу; собирание доказательств; средства доказывания; формирование доказательств.

Благодарность: Автор выражает благодарность и признательность известному специалисту в области русского языка – доценту кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидату филологических наук, доценту Татьяне Петровне Соколовой за консультации по вопросам приемлемости впервые вводимого в оборот уголовно-процессуальной науки термина «паратусный» и корректности его использования применительно к анализируемым средствам доказывания.

Цитирование. Россинский С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 40–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2023

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.04.2023
Revised: 21.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Paratus evidences in the criminal proceedings

S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: The article summarizes the results of the author's scientific research on the collection of evidence as one of the stages of criminal procedural proof. The author's position is substantiated, suggesting partial disagreement with the well-known doctrinal postulate on the possibility of collecting evidence only through their formation, that is, through the production of investigative or other procedural actions provided for by the criminal procedure law. Attention is drawn to the impossibility of using mechanisms for generating evidence in relation to affixed, claimed or seized items and documents to be introduced into the criminal process as ready-made information products: material evidence, other documents, expert opinions, as well as the results of operational-search and administrative activities. It is proposed to call such evidence paratus and recognize them as full-fledged, having due legal force and suitable for use as intended means of proof by attaching them to the materials of criminal proceedings. At the same time, it is proposed to supplement the classification of criminal procedural evidence, providing for another reason that implies differentiation depending on the method of collection - to subdivide the evidence into formed and paratus.

Key words: physical evidence; proofs; proving; other documents; presentation of evidence; inclusion of evidence in a criminal case; collecting evidence; means of proof; formation of evidences.

Acknowledgements: The author expresses his gratitude and appreciation to the well-known specialist in the field of the Russian language – associate professor of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Philological Sciences, associate professor Tatyana Petrovna Sokolova for consultations on the acceptability of the term «paratus» introduced into circulation for the first time in criminal procedure science and the correctness of its use in relation to the analyzed means of proof.

Citation. Rossinskiy S. B. *Paratusnye dokazatel'stva v ugovolnom sudoproizvodstve* [Paratus evidences in the criminal proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Rossinskiy S. B., 2023

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, associate professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Среди множества разнообразных вопросов, традиционно присущих теории, законодательному регулированию и практике уголовно-процессуального доказывания, особой остротой и предрасположенностью к дискуссиям всегда характеризовались и продолжают характеризоваться вопросы, касающиеся самой сущности доказательств как неких полезных активов (средств доказывания), способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений. Исходя из смысла основанных на кибернетической (информационной) концепции¹ положений действующего законодательства доказательствами, с одной стороны, признаются любые вытекающие из «следов преступления»² и полезные для решения задач уголовного судопроизводства сведения, тогда как с другой – строго определенные и поэтому юридически пригодные для использования информационные продукты, содержащие подобные сведения: различные виды показаний, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий, документы (ст. 74 УПК РФ).

В этой связи в настоящее время повышенную актуальность и большой научный интерес представляют проблемы собирания доказательств как

«первого»³ этапа всего сложного процесса процессуального доказывания, сугубо формально имеющего трехзвенную структуру: собирание → проверка → оценка доказательств (ст. 85 УПК РФ), а фактически предполагающего и другие необходимые элементы [4, с. 40–49]. Ведь именно возникшая в 1960–1970-е гг. на пике всеобщего научного увлечения закономерностями получения, хранения, преобразования и передачи данных, то есть обусловленная возросшим интересом ученых-процессуалистов к информационным аспектам познания вышеупомянутая кибернетическая концепция и повлияла на усиление роли когнитивного компонента доказывания, стала серьезным импульсом для развития процессуальных механизмов собирания доказательств, побудила к целому ряду доктринальных изысканий, посвященных различным приемам накопления полезных для уголовного дела сведений. В частности, именно внедрение кибернетических идей в уголовно-процессуальную материю предопределило цикл известных научных исследований С. А. Шейфера, в результате которых возникла знаменитая «шейферовская» теория следственных действий как универсальных и фактически безальтернативных способов собирания доказательств, впоследствии поддержанная многими учеными-процессуалистами.

Причем одним из базовых положений «шейферовской» теории стал постулат о возможности собирания доказательств не иначе как посредством так называемого формирования, как бы «одевания» получаемых сведений в процессуальную форму, приводящего к получению нового информационного продукта, например, свидетельских показаний, экспертного заключения, протокола следственного осмотра и т. д. [5, с. 15–16; 6, с. 12–14; 7, с. 33–34]. Иными словами, под собиранием доказательств ученые начали понимать исключительно их формирование, то есть отождествлять «первый» этап уголовно-процессуального доказывания

¹ Кибернетической (информационной) концепцией доказательств принято считать возникшую на рубеже 1960–1970-х гг. и впоследствии ставшую методологической основой для современного доказательственного права систему научных взглядов, сводящихся к пониманию доказательств как полученных в установленном порядке полезных сведений (в некоторых более ранних публикациях – фактических данных), поступающих в распоряжение дознавателя, следователя, суда в виде подлежащих перцепции информационных сигналов и способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств [1, с. 240–254; 2, с. 61–62 и др.].

² Под «следами преступления» в настоящей статье, равно как и в других публикациях автора понимаются любые относимые следы-отображения (следы в широком смысле), то есть материальные или идеальные объекты ретроспективного познания, возникающие либо изменяющиеся под воздействием различных фрагментов объективной реальности, имеющих прямое и косвенное отношение к предмету доказывания.

³ Процессуальное первенство собирания доказательств по отношению к другим предусмотренным законом этапам доказывания: проверке и оценке доказательств – достаточно условно. В этой связи используемый в настоящей статье по отношению к собиранию доказательств порядковый эпитет «первый» преднамеренно берется в кавычки [3, с. 85].

с выполнением дознавателем, следователем, судом предусмотренных УПК РФ познавательного-установительных приемов – тех самых следственных действий, – позволяющих преобразовать накапливаемые сведения в один из видов доказательств, обремененных должными гарантиями юридической доброкачественности и поэтому пригодных для использования при установлении входящих в предмет доказывания обстоятельств и обоснования правоприменительных решений [8, с. 10; 9, с. 91; 10, с. 11 и др.]. Кстати, В. А. Семенцов даже предложил изменить наименование ст. 86 УПК РФ и назвать ее «Формирование доказательств» [11, с. 239].

В основу всех подобных воззрений положены хорошо известные тезисы С. А. Шейфера, полностью отрицавшего существование в объективной реальности каких-либо готовых доказательств (показаний, заключений, протоколов и т. д.) [5, с. 7]. Ученый писал о недопустимости уподобления процессуальной деятельности субъектов доказывания сбору грибов или других даров природы, в связи с чем утверждал о возможности обнаружения и восприятия дознавателем, следователем, прокурором, судом лишь полезной информации с последующим приданием ей надлежащей процессуальной формы в ходе предусмотренных законом познавательного-установительных приемов и посредством осуществления соответствующих государственно-властных полномочий [6, с. 7–8]. Кроме того, автор акцентировал внимание на неприемлемости отождествления категории «формирование доказательств» исключительно с фиксацией полученных сведений – понимал под ним (формированием) весь процесс преобразования воспринимаемой информации в один из предусмотренных законом информационных продуктов, предполагающий как познавательные, так и удостоверительные компоненты [7, с. 33–34].

Будучи лично хорошо знаком с покойным профессором С. А. Шейфером, считая его одним из своих Учителей и наставников, признавая заслуженный авторитет ученого и находясь под влиянием его научных идей в области теории и практики уголовно-процессуального доказывания, автор настоящей статьи ранее тоже считал формирование доказательств единственно возможным способом осуществления «первого» этапа доказывания, не допускал иных, альтернативных возможностей накопления доказательственного материала [12, с. 86]. Вместе с тем результаты дальнейших научных изысканий вынудили несколько по-другому взглянуть на указанные проблемы и частично пересмотреть прежние убеждения – привели к уразумению некоторых изъянов «шейферовской» теории и осознанию гораздо большей разумности иного доктринального подхода, предполагающего неоднородность способов собирания разных доказательств, в том числе различную природу действий и решений органов предварительного расследования или суда, направленных на процессуальную легализацию (на введение в процесс) накапливаемых сведений.

Позиции С. А. Шейфера и солидарных с ним ученых о формировании доказательств – о воз-

никновении новых и информационных продуктов посредством производства следственных и иных процессуальных действий познавательного-установительного характера, то есть путем доведения воспринимаемых сведений до надлежащих юридических «кондиций», по-прежнему видятся совершенно верными и справедливыми. Однако при этом они перестали представляться всеобъемлющими, универсальными, предопределяющими порядок получения органами предварительного расследования и судом всех без исключения доказательственных активов.

На самом деле положения «шейферовской» теории приемлемы лишь в части собирания (читай: формирования) различных видов показаний, заключений эксперта и результатов невербальных следственных и судебных действий (протоколов следственных действий и судебного заседания) – информационных продуктов, как бы порождаемых самими дознавателями, следователями, судами, либо по их заданию судебными экспертами, то есть возникающих в итоге собственной познавательного-установительной деятельности указанных субъектов, осуществляемой в обремененном юридическими гарантиями доброкачественности процессуальном режиме. Кстати, выводы С. А. Шейфера основаны на рассмотрении именно этих видов доказательств [7, с. 33].

Вместе с тем предусмотренный законом перечень средств доказывания предполагает гораздо более разнообразный «контент» – одними лишь показаниями, экспертными заключениями и протоколами он не исчерпывается. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ уголовно-процессуальными доказательствами также признаются вещественные доказательства, «иные» документы⁴, заключения специалиста. Кроме того, реалии современной правоприменительной практики вынуждают прибегать к использованию в доказывании и некоторых других полезных активов – результатов оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти. Все эти средства доказывания фактически оставлены за скобками «шейферовской» теории – в части работы с любыми подобными предметами или документами такие доктринальные позиции оказались неприемлемыми и практически невыполнимыми.

К слову, в своих доводах о неприменимости взглядов С. А. Шейфера и его последователей ко всем без исключения средствам доказывания автор настоящей статьи не одинок, а имеет серьезных единомышленников. В частности, аналогичные тезисы неоднократно высказывались одним из самых авторитетных современных специалистов в сфере уголовно-процессуального доказывания – профессором В. А. Ла-

⁴ «Иные» документы – это строго определенный вид доказательств (ст. 84 УПК РФ). В этой связи во избежание смысловой путаницы и разграничения легкомысленно применяемого законодателем прилагательного «иные» с близкими по значению прилагательными («другие», «остальные» и т. д.) оно преднамеренно берется в кавычки.

заревой [13, с. 58–67; 14, с. 56–61; 15, с. 78–87]. И хотя для обоснования предлагаемой позиции она использует совершенно иные и, по всей вероятности, не вполне справедливые аргументы – объясняет потребность частичного пересмотра «шейферовской» теории общим ослаблением роли следственных действий, обусловленным расширением диспозитивных возможностей невластных участников уголовного судопроизводства, позволяющих самостоятельно собирать и представлять доказательства [16, с. 68–69], – само отрицание универсальности механизмов формирования и одновременное признание других способов собирания доказательств представляется совершенно правильным и заслуживает безусловной поддержки. Схожие по смыслу суждения в части результатов непроцессуальной деятельности как автономных средств доказывания неоднократно высказывались еще одним известным ученым-процессуалистом – профессором М. П. Поляковым [17, с. 220]; эти же взгляды свойственны и некоторым другим современным авторам.

И вещественные доказательства, и «иные» документы, и заключения специалиста, и результаты оперативно-розыскной или административной деятельности возникают вне уголовно-процессуальных правоотношений, то есть в свободном от процессуальной формы режиме, а некоторые – вообще без какого-либо режима. Иными словами, они обязаны своим появлением на свет не столько процессуальным действиям дознавателя, следователя, суда, сколько непроцессуальной деятельности других лиц, а то и вовсе не зависящим от людей объективным закономерностям следообразования. Кстати, в части «иных» документов на этот нюанс указывали еще авторы известного двухтомника «Теория доказательств в советском уголовном процессе» [18, с. 313]; позднее В. А. Камышин назвал такие документы «свободными» доказательствами [19, с. 6].

В этой связи следует вновь не согласиться с мнением уважаемого С. А. Шейфера. Автор, конечно, обращал внимание на особый характер вещественных доказательств и «иных» документов, однако продолжал настаивать на их непреложном формировании, на получении не иначе как посредством процессуальной формы, которую необоснованно сводил к их визуальному обследованию (осмотру), отражению выявленных признаков в протоколе и вынесению специального правоприменительного акта о признании предмета или документа средством доказывания. Другими словами, он допускал весьма распространенную и детерминированную некоторой неопределенностью законодательного регулирования оплошность – просто не видел разницы между осмотром как полноценным, безусловным, предполагающим процессуальную форму следственным либо судебным действием (ст. 176–178, 284, 287 УПК РФ) и осмотром как обычным, явно не нуждающимся в формализации методом визуального исследования материальных фрагментов объективной реальности [20, с. 26–30; 21, с. 194].

Для большей убедительности сказанного разумно напомнить, что сущность процессуальной формы, равно как и смысл производного от нее термина «формирование» ни в коем случае нельзя ставить в зависимость от простого упоминания в УПК РФ того или иного объекта правового регулирования, в частности носителя полезных для уголовного дела сведений (вещественного доказательства, «иного» документа и т. д.) – увы, к сожалению, именно такие ошибки и присущи многим научным публикациям. Уголовно-процессуальной формой надлежит признавать лишь установленный законом и обремененный комплексом правовых гарантий доброкачественности предполагаемых результатов порядок (совокупность правил) определенной юридической процедуры, осуществляемой в целях получения какого-либо нового (!) и юридически значимого для уголовного дела результата, например, следственного действия, позволяющего получить (читай: сформировать) новый информационный продукт [22, с. 51; 23, с. 102–103; 24, с. 16; 25, с. 75] – в противном случае ее существование было бы размыто и потеряло бы всякий смысл. Тогда как для изготовления вещественных доказательств, подготовки и оформления «иных» документов, заключений специалиста, получения результатов оперативно-розыскной или административной деятельности органов исполнительной власти такой порядок уголовно-процессуальным законом не предусматривается и в силу понятных причин предусматриваться не должен.

Странно было бы встретить в УПК РФ, например, правила оформления каких-либо исходящих от «третьих» лиц справок, выписок, характеристик, документов бухгалтерской отчетности либо нормы, определяющие порядок проведения проверочной закупки или оперативного эксперимента. Еще более удивительно было бы обнаружить положения, устанавливающие технологию изготовления дознавателем, следователем, судьей некоего предполагаемого к признанию вещественным доказательством предмета – не визуального обследования уже готового предмета, а именно его изготовления (говоря образно, выгачивания на токарном станке). И совсем нереальными представляются некие «процессуальные» манипуляции, позволяющие отправиться на машине времени в прошлое для «формирования» уже существующих предметов или документов либо при помощи некоего волшебного инструмента как бы задним числом облачить их в «процессуальную одежду» подобно фее из известной сказки Шарля Перро, превратившей Золушку в принцессу, тыкву – в карету, а крысу – в кучера⁵.

⁵ К слову, именно таковыми представляются взгляды ученых, ратующих за формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. В этой связи автор настоящей статьи неоднократно расценивал все подобные позиции как самообман, как очередные красивые, но при этом абсолютно нежизнеспособные научные фантазии, не имеющие ничего общего с реальными возможностями по накоплению и обработке полезных для уголовного дела сведений, а лишь побуждающие к маскировке оперативно-розыскной информации наиболее удобным видом доказательств [26, с. 65].

Все подобные предметы или документы поступают, по крайней мере, должны поступать к дознавателю, следователю или в суд не в ходе производства следственных или иных процессуальных действий, а посредством более примитивных, не обремененных излишней формализацией способов накопления доказательственного материала: представления и истребования. После этого они попросту вводятся в уголовный процесс путем приобщения к уголовному делу либо не вводятся (не приобщаются) – в случае осознания невозможности или понимания бессмысленности их дальнейшего использования в качестве средств доказывания.

Конечно, в правоприменительной практике достаточно часто возникают и другие ситуации, предполагающие изъятие предметов и документов прямо в ходе осмотра, обыска, проверки показаний на месте и тому подобных следственных или даже судебных действий, сводящихся к наглядно-образной перцепции субъектом доказывания неких материальных фрагментов объективной реальности. Однако, как уже отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, такие процессуальные экспроприации имеют сугубо второстепенный, факультативный характер, а предусмотренные законом полномочия по принудительному изыманию потенциальных вещественных доказательств и «иных» документов никоим образом не детерминированы основным предназначением невербальных познавательных-удостоверительных приемов – выявлением фактов самого нахождения неких материальных объектов в определенных местах, установления их внешних (физических) признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Одновременно говорилось, что предоставленные законодателем возможности изъятия предметов и документов прямо в ходе следственных действий предопределены не более чем вполне разумной оптимизацией процессуальной формы – объединением в общую процедуру двух связанных и взаимообусловленных операций: познавательного-удостоверительного приема и действий по принудительному отчуждению обнаруженного объекта для предполагаемого использования в качестве самостоятельного средства доказывания [3, с. 89]. И наконец, обращалось внимание на необходимость разграничения самих предметов и документов, в первую очередь потенциальных вещественных доказательств, и обстоятельств их обнаружения с четким пониманием индивидуальной роли каждого из них в общем механизме уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений [21, с. 186–192].

Ни вещественные доказательства, ни «иные» документы, ни заключения специалиста, ни результаты оперативно-розыскной или административной деятельности никакому процессуальному формированию не подлежат и подлежать не могут, а лишь предрасположены к введению в уголовный процесс в качестве готовых информационных продуктов – не как когнитивное «сырье» либо «полуфабрикаты», а как пригодные к использованию «изделия».

Такие доказательства надлежит называть паратусными (от лат. paratus – готовый, находящийся в готовности) и рассматривать в качестве особой, предполагающей определенную специфику группы средств уголовно-процессуального доказывания. Если они и «формируются», то строго за рамками уголовного судопроизводства, вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. Поэтому паратусные доказательства уместнее рассматривать не как результаты формирования, а как информационные активы, возникшие до процесса либо вне процесса, а затем помещенные в некую «процессуальную упаковку», то есть как объекты юридической легализации, осуществляемой посредством их формального приобщения к уголовному делу и официального признания допустимыми для последующего использования средствами доказывания [26].

Ранее в публикациях автора настоящей статьи уже обращалось внимание, что ввиду направленности на процессуальную легализацию (на введение в процесс) представленных, истребованных либо изъятых предметов или документов для дальнейшего использования в качестве допустимых доказательств механизмы их приобщения к уголовному делу нельзя расценивать как сугубо технические либо технологические приемы, сводящиеся к банальному подшиванию к другим материалам производства, помещению в служебный сейф, специальную камеру хранения вещественных доказательств и т. д. [27, с. 91]. Отмечалось, что приобщением доказательства надлежит признавать более простой, свободный по сравнению с механизмами формирования, не предполагающий столь жесткой формализации, но при этом не менее важный правовой способ реализации дискреционных полномочий органов предварительного расследования и суда, состоящий в юридической легализации возникающего вне процесса информационного продукта и сводящийся: 1) к поступлению некоего предмета или документа к дознавателю, следователю или в суд; 2) к его исследованию, проверке и оценке на предмет пригодности к использованию по назначению; 3) к изданию специального государственно-властного акта об его официальном признании полноценным средством доказывания, наделения должной юридической силой и включения в общую доказательственную массу [28, с. 44].

В этой связи представляется, что именно такие механизмы и должны обуславливать юридическое превращение попавших «на стол» к правоприменителю готовых информационных продуктов в паратусные доказательства, то есть их введение в надлежащее процессуальное состояние – в статус вещественных доказательств, «иных» документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной либо административной деятельности – и помещение в один ряд с показаниями, заключениями эксперта и результатами невербальных следственных и судебных действий

(с протоколами следственных действий и судебного заседания). А без формального приобщения к уголовному делу подобные объекты не могут расцениваться как полноценные средства доказывания, поэтому должны «довольствоваться» достаточно неясным положением представленных, истребованных либо изъятых предметов и документов, не имеющих определенного правового статуса. К слову, в настоящее время подобные механизмы установлены лишь для юридической легализации вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) и документов, представляемых в судебное заседание (ст. 286 УПК РФ), тогда как в части иных паратусных доказательств каких-либо четких правил приобщения к уголовному делу, к сожалению, не существует – указанные материалы фактически вводятся в сферу уголовно-процессуальных правоотношений и признаются полноценными средствами доказывания посредством подшивания к делу, то есть путем умелого использования иголки с ниткой [27, с. 90].

На основании всего изложенного, *паратусными доказательствами надлежит считать возникающие вне уголовно-процессуальных правоотношений, но при этом предрасположенные к использованию для установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснования правоприменительных решений готовые информационные продукты – различные предметы или документы, которые, будучи истребованными либо изъятыми дознавателем, следователем, судом, а также представленными иными лицами, признаются полноценными, обладающими должной юридической силой средствами доказывания путем их приобщения к материалам уголовного судопроизводства.*

В настоящее время паратусными доказательствами следует признавать: вещественные доказательства, «иные» документы, заключения специали-

ста⁶, а также не имеющие надлежащей процессуальной основы, но активно используемые в правоприменительной практике результаты оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти.

Кроме того, целесообразно дополнить существующую в уголовно-процессуальной доктрине классификацию доказательств. Наряду с «традиционным», известным каждому студенту разграничением доказательств на обвинительные и оправдательные, первоначальные и производные, прямые и косвенные разумно предусмотреть еще одно классификационное основание, предполагающее дифференциацию в зависимости от способа собирания. По этому основанию доказательства также надлежит разделять на группы:

1) формируемые, то есть возникающие посредством процессуальной формы, в ходе производства следственных, судебных либо иных процессуальных действий: показания, заключения эксперта, результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий;

2) паратусные, то есть возникающие вне уголовного процесса и приобщаемые к уголовному делу в качестве готовых информационных продуктов: вещественные доказательства, «иные» документы, заключения специалиста, результаты оперативно-розыскной и административной деятельности.

⁶ В этой связи необходимо обратить внимание, что автор настоящей статьи вопреки легальной позиции законодателя не считает заключение специалиста типичным уголовно-процессуальным доказательством, подлежащим помещению в один ряд с показаниями, заключениями эксперта, вещественными доказательствами и т. д. В публикациях автора обосновывается тезис об особом, справочно-вспомогательном характере этого средства доказывания. Вместе с тем, подобные дискуссии не имеют прямого отношения к предмету настоящей статьи и вряд ли способны изменить отношение к заключению специалиста как к возникающему вне уголовно-процессуальных отношений готовому информационному продукту.

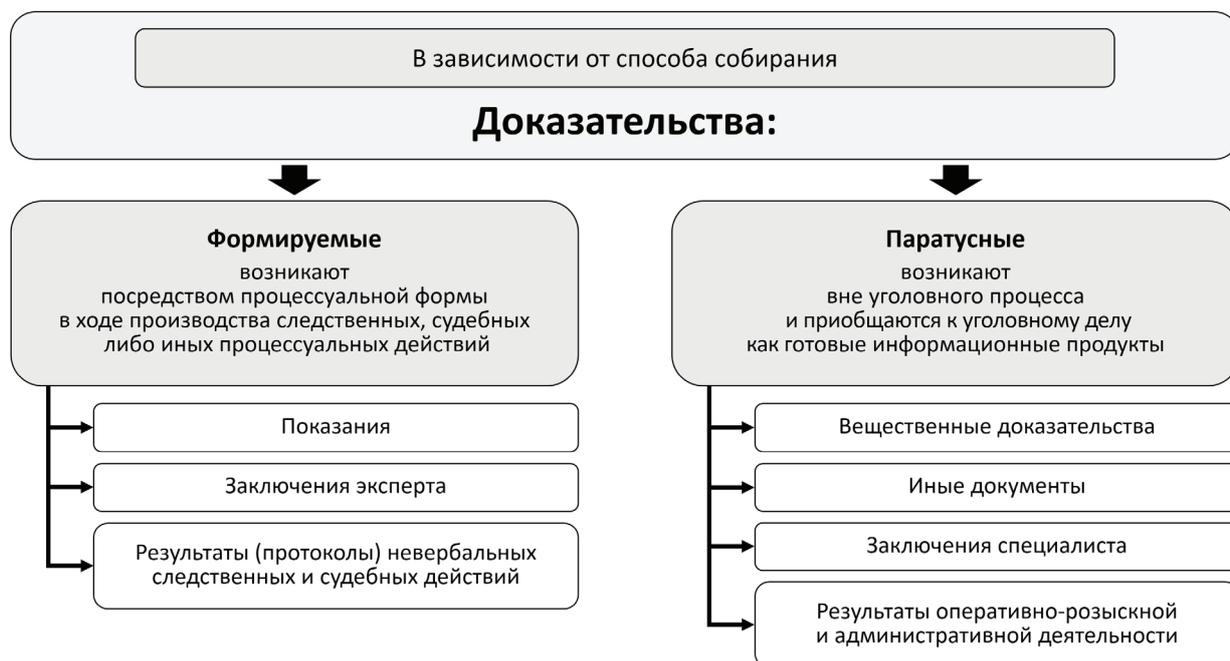

Рисунок – Виды доказательств

Библиографический список

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе[^] в 2 т. / отв. ред. Н. В. Жогин. Т. 1. Москва: Юрид. лит., 1966. 584 с. URL: https://archive.org/details/1973_20220110.
2. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юристъ, 2009. 174 с.
3. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. Москва: Норма, 2021. 408 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=379610>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45810885>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stdtdtg>.
4. Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29221664>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yplxdn>.
5. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw>.
6. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html.
7. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2008. 240 с. URL: <https://studfile.net/preview/6855323/>.
8. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища школа, 1984. 133 с.
9. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1993. 178 с. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/5499>.
10. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009. 373 с. URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/02/Монография-ДОЛЯ-об-использовании-результатов-ОРД.pdf>.
11. Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 236–242. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29061518>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ylyuex>.
12. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91. URL: <https://www.iuaj.net/node/1357>.
13. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перер. и доп. Москва: Юрайт, 2014. 359 с. URL: <https://ura.it/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processе-378763>.
14. Лазарева В. А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18, № 2. С. 55–62. DOI: <http://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8>
15. Лазарева В. А. Собирание или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-ili-formirovanie-prodolzhaem-diskussiyu>.
16. Россинский С. Б. Позицию профессора В. А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 66–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zmnept>.
17. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 260 с. URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/10/Уголовно-процессуальная-интерпретация-результатов-ОРД.pdf>.
18. Теория доказательств в советском уголовном процессе. В 2-х томах / отв. ред. Н. В. Жогин. Т. 2. Москва: Юрид. лит., 1967. 415 с. URL: https://archive.org/details/1973_20220110.
19. Камышин В. А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1998. 22 с. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/4331>.
20. Антонов В. А., Россинский С. Б. Следственный осмотр – лишнее звено в механизме приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела // Юридическое образование и наука. 2018. № 4. С. 25–32. URL: DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2018-4-25-32>. EDN: <https://elibrary.ru/xpmcrv>.
21. Россинский С. Б. Размышления о сущности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 176–197. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-rossinskiy>.
22. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 470 с. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf.
23. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: БГУ имени В. И. Ленина, 1974. 143 с.
24. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В. М. Савицкого. Москва: Наука, 1979. 319 с.
25. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 67–79. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079>.
26. Выговтов А. Е., Россинский С. Б. Надлежащее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности – ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 60–73. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.182.1.060-073>. EDN: <https://elibrary.ru/eskmst>.

27. Россинский С. Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда // Государство и право. 2022. № 9. С. 84–93. DOI: <http://doi.org/10.31857/S102694520022225-8>. EDN: <https://elibrary.ru/mkmaqsh>.

28. Россинский С. Б. О порядке приобщения доказательств к уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 40–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49206119>. EDN: <https://elibrary.ru/cvepkv>.

References

1. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse. V 2-kh tomakh / otv. red. N. V. Zhogin. T. 1* [Zhogin N.V. (Ed.) Theory of evidence in Soviet criminal process: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Yurid. lit., 1966, 584 p. Available at: https://archive.org/details/1973_20220110 [in Russian].

2. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovolnom protsesse* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist", 2009, 174 p. [in Russian].

3. Rossinskiy S. B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow: Norma, 2021, 408 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=379610>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45810885>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stdtdtg> [in Russian].

4. Rossinskiy S. B. *O strukture ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [About the structure working with forensic evidence in the criminal procedure]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2017, no. 5, pp. 39–50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29221664>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yplxdn> [in Russian].

5. Sheifer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse* [Essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: VYuZI, 1972, 130 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw> [in Russian].

6. Sheifer S. A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: Yurlitinform, 2001, 208 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html [in Russian].

7. Sheifer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma, 2008, 240 p. Available at: <https://studfile.net/preview/6855323/> [in Russian].

8. Mikheenko M. M. *Dokazyvanie v sovetskom ugovolnom protsesse* [Evidence in the Soviet criminal process]. Kyiv: Vishcha shkola, 1984, 133 p. [in Russian].

9. Zinatullin Z. Z. *Ugovolno-protsessual'noe dokazyvanie: ucheb. posobie* [Criminal procedural proof: textbook]. Izhevsk: Udmurtskii gosuniversitet, 1993, 178 p. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/5499> [in Russian].

10. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of evidence based on the results of operational-search activities]. Moscow: Prospekt, 2009, 373 p. Available at: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/02/Монография-ДОЛЯ-об-использовании-результатов-ОРД.pdf>. [in Russian]

11. Sementsov V. A. *Formirovanie dokazatel'stv v strukture ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Formation of evidence in the structure of criminal procedure proving]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoogo ugovolnogo protsesssa Rossii: mezhev. sb. nauch. trudov. Pod red. V. A. Lazarevoi* [Lazareva V. A. (Ed.) Topical issues of modern criminal process in Russia: interuniversity collection of scientific works]. Samara: Samarskii gosuniversitet, 2010, pp. 236–242. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29061518>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ylyuex> [in Russian].

12. Rossinskiy S. B. *Sushchnost' rezul'tatov neverbal'nykh sledstvennykh i sudebnykh deystvii kak dokazatel'stv po ugovolnomu delu* [Essence of the results of non-verbal investigative and judicial actions as evidences in a criminal case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 9, pp. 85–91. Available at: <https://www.iuaj.net/node/1357> [in Russian].

13. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury. 5-e izd., perer. i dop.* [Evidence in criminal procedure: textbook for bachelor's and master's degrees. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2014, 359 p. Available at: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugovolnom-processe-378763> [in Russian].

14. Lazareva V. A. *Dokazatel'stvo kak kategoriya ugovolno-protsessual'nogo prava: novye (starye) podkhody* [Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches]. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 55–62. DOI: <http://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8> [in Russian].

15. Lazareva V. A. *Sobiranie ili formirovanie? Prodolzhaem diskussiyu* [Collecting or forming? We continue the discussion]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2021, no. 1, pp. 78–87. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-ili-formirovanie-prodolzhaem-diskussiyu> [in Russian].

16. Rossinskiy S. B. *Pozitsiyu professora V. A. Lazarevoi o sobiranii dokazatel'stv v tselom mozhnopodderzhat', no...* [The position of professor V.A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but ...]. *Iuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 66–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zmnept> [in Russian].

17. Polyakov M. P. *Ugovolno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Criminal procedural interpretation of the results of operational-search activities]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2001, 260 p. Available at: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/10/Уголовно-процессуальная-интерпретация-результатов-ОРД.pdf> [in Russian].

18. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse: v 2 t. Otv. red. N. V. Zhogin. T. 2* [Zhogin N. V. (Ed.) Theory of evidence in Soviet criminal process: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Yurid. lit., 1967, 415 p. Available at: https://archive.org/details/1973_20220110. [in Russian].

19. Kamyshin V. A. *Inye dokumenty kak «svobodnoe» dokazatel'stvo v ugovolnom protsesse: avtoref. dis... kand. jurid. nauk* [Other documents as «free» evidence in criminal proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Izhevsk: Udmurtskii gosuniversitet, 1998, 22 p. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/4331> [in Russian].
20. Antonov V. A., Rossinsky S. B. *Sledstvennyi osmotr – lishnee zveno v mekhanizme priobshcheniya veshchestvennykh dokazatel'stv k materialam ugovolnogo dela* [An investigatory examination as an excess link in the mechanism of material evidence inclusion in criminal case files]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Juridical Education and Science], 2018, no. 4, pp. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2018-4-25-32>. EDN: <https://elibrary.ru/xpmcqv> [in Russian].
21. Rossinskiy S. B. *Razmyshleniya o sushchnosti veshchestvennykh dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve* [Reflections on the essence of physical evidence in criminal proceedings]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2022, vol. 17, no. 2, pp. 176–197. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-rossinskiy> [in Russian].
22. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. T. 1* [Course of Soviet criminal process. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1968, 470 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf [in Russian].
23. Shpilev V. N. *Soderzhanie i formy ugovolnogo sudoproizvodstva* [Content and forms of criminal proceedings]. Minsk: BGU imeni V.I. Lenina, 1974, 143 p. [in Russian].
24. *Sovetskii ugovolno-protsessual'nyi zakon i problemy ego effektivnosti. Pod red. V.M. Savitskogo* [Savitsky V. M. (Ed.) Soviet criminal procedure law and problems of its effectiveness]. Moscow: Nauka, 1979, 319 p. [in Russian].
25. Rossinskiy S. B. *Ugovolno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Criminal-Procedural Form: Essence, Problems, Trends and Prospects of Development]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 9, pp. 67–79. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079> [in Russian].
26. Rossinskiy S. B., Rossinskiy S. B. *Nadlezhashchee ponimanie rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti – klyuch k resheniyu problemy ikh ispol'zovaniya v dokazyvanii po ugovolnym delam* [Proper Understanding of the Results of Operational-Search Activities as the Key to Solving the Problem of their Use in Proving in Criminal Cases]. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 1 (182), pp. 60–73. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.182.1.060-073>. EDN: <https://elibrary.ru/eskmst> [in Russian].
27. Rossinskiy S. B. *Priobshchenie dokazatel'stv k ugovolnomu delu kak forma realizatsii gosudarstvenno-vlastnykh polnomochii organov predvaritel'nogo rassledovaniya i suda* [Inclusion of evidence in a criminal case as a form of implementation of the state-governmental powers of the preliminary investigation and court bodies]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 9, pp. 84–93. DOI: <http://doi.org/10.31857/S102694520022225-8>. EDN: <https://elibrary.ru/mkmqsh> [in Russian].
28. Rossinskiy S. B. *O poryadke priobshcheniya dokazatel'stv k ugovolnomu delu* [About the procedure of inclusion of evidence in a criminal case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2022, no. 6, pp. 40–46. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49206119>. EDN: <https://elibrary.ru/cvepkv> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-49-55

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

Дата поступления: 21.04.2023

рецензирования: 19.05.2023

принятия: 25.07.2023

Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве**В. С. Шадрин**

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: vikt-shadr@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы производства по уголовным делам в отношении лиц, с которыми заключается досудебное соглашение о сотрудничестве. Реализация норм института досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ, на практике приводит к рассмотрению судом уголовных дел с досудебным соглашением без исследования доказательств обвинения, что порождает обоснованные сомнения в их законности, обоснованности и справедливости. Судьи ограничены в возможности сформировать надлежащее представление о доказанности виновности обвиняемого лица на основе собственного внутреннего убеждения и вынуждены полагаться на выводы предварительного следствия, которое не всегда оказывается выполненным на достаточно удовлетворительном уровне вследствие отсутствия у следователей стимула в создании доброкачественной и надежной доказательственной базы обвинения в связи с заявленным обвиняемым согласием с предъявленным обвинением и принятыми на себя обязательствами оказывать органам предварительного следствия содействие в раскрытии преступлений и изобличении своих соучастников. В результате существует реальный риск осуждения невиновных, что подтверждается примерами из судебной практики. Предусмотренное ч. 7 ст. 316 УПК РФ условие постановления по уголовному делу с досудебным соглашением о сотрудничестве – «лишь если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обосновано, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу» существует лишь номинально, поскольку надлежащих средств ввиду отсутствия у суда возможности осуществлять полноценное судебное следствие для этого явно недостаточно. В итоге возникает вопрос о целесообразности существования института досудебного соглашения, по крайней мере в той правовой регламентации, которая предусматривается уголовно-процессуальным законом в настоящее время.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; досудебное соглашение; доказанность обвинения; справедливость приговора; обвиняемый; следователь; суд.

Цитирование. Шадрин В. С. Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-49-55>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шадрин В. С., 2023

Виктор Сергеевич Шадрин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры управления следственной деятельностью (высшие академические курсы), Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, 190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 96.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.04.2023

Revised: 19.05.2023

Accepted: 25.07.2023

Topical issues of proving in criminal cases with a pre-trial cooperation agreement**V. S. Shadrin**

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: vikt-shadr@yandex.ru

Abstract: The article deals with problematic issues of criminal proceedings against persons with whom a pre-trial cooperation agreement is concluded. The implementation of the norms of the institute of a pre-trial cooperation agreement provided for in Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in practice leads to the consideration by the court of criminal cases with a pre-trial agreement without examining the evidence of the prosecution, which gives rise to reasonable doubts about their legality, validity and fairness. Judges are limited in their ability to form a proper idea of the proof of the guilt of the accused person on the basis of their own inner conviction and are forced to rely on the conclusions of the preliminary investigation, which does not always turn out to be performed at a

sufficiently satisfactory level due to the lack of incentive for investigators to create a sound and reliable evidence base for the prosecution in connection with the accused's stated consent to the charge and the obligations assumed to assist the preliminary investigation authorities in uncovering crimes and exposing their accomplices. As a result, there is a real risk of conviction of innocent people, which is confirmed by examples from judicial practice. Provided for by part 7 of Article 316 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the condition of the decision in a criminal case with a pre-trial cooperation agreement is «only if the judge comes to the conclusion that the accusation with which the defendant agreed is justified, confirmed by the evidence collected in the criminal case» exists only nominally, since appropriate means, due to the lack of the court's ability to carry out a full-fledged judicial investigation, for this clearly not enough. As a result, the question arises about the expediency of existence of the institution of a pre-trial agreement, at least in the legal regulation that is currently provided for by the criminal procedure law.

Key words: criminal proceedings; pre-trial agreement; evidence of the charge; fairness of the sentence; accused; investigator; court.

Citation. Shadrin V. S. *Aktual'nye problemy dokazyvaniya po ugovolnym delam s dosudebnym soglasheniem o sotrudnichestve* [Topical issues of proof in criminal cases with a pre-trial cooperation agreement]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-49-55> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Shadrin V. S., 2023

Viktor S. Shadrin – Doctor of Laws, professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Investigative Management (Higher Academic Courses), St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 96, Moika River Embankment, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, заимствованный, надо прямо сказать, преимущественно у США и являющийся там второй разновидностью так называемой сделки о признании вины¹, сформировался в России на уже подготовленной почве. Первый вид такой сделки воплотился, с некоторой модификацией, в гл. 40 принятого в 2001 г. УПК РФ, предусматривающей особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Спустя 9 лет, как и следовало ожидать, пришел черед рецепции и второго вида сделки, воплотившейся в регламентации гл. 40.1 УПК «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Таким образом, заокеанская сделка о признании вины в полном составе присущих ей форм, слегка «обрусевших» по воле законодателя, окончательно прописалась в российском уголовно-процессуальном законе. Основная и главная причина ее появления за рубежом, а теперь в российском государстве, оказавшемся открытым «ветру перемен» в конце прошлого века, довольно незамысловата – сокращение государственных расходов на содержание аппарата правоохранительных органов и суда и так называемая процессуальная экономия в виде сокращения средств, сил и времени на осуществление уголовного судопроизводства. Юристы США, где количество уголовных дел, рассматриваемых с использованием сделки о признании вины, на протяжении уже многих десятилетий держится на уровне не менее 90 %, откровенно в этом признаются. Без этого американская Фемида в настоящее время уже просто не в состоянии обходиться. «Если хотя бы треть всех обвиняемых по уголовным делам реально настаивала бы на том, чтобы их дела рассматривались бы в порядке пол-

ного судебного разбирательства, в особенности с участием присяжных заседателей, то система уголовного правосудия, – отмечает профессор У. Бернам, – просто рухнула» [1, с. 465].

Законодательные новеллы, уже на этапах их разработки воспринимавшиеся по-разному (кем-то – «в штыки», а кем-то – с воодушевлением и надеждой на перемены к лучшему), вызвали в кругах российской юриспруденции бурную дискуссию о сущности, значении, происхождении, целесообразности и последствиях их появления, ко всем результатам которой обращаться не видится необходимости. Однако в свете избранной для рассмотрения темы стоит обратить внимание на отмеченное еще в ходе обсуждения особенностей особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением обстоятельство, представляющееся весьма симптоматичным, что судья при рассмотрении уголовного дела в указанном порядке получил, по существу, возможность выносить обвинительный приговор без всякого выяснения доказанности обвинения. Более того, оказывается, судья не просто вправе, а «обязан поставить точку в судебном разбирательстве там, где соглашение сторон положило естественный предел доказыванию своих утверждений ...уместно провести аналогию между вердиктом присяжных и соглашением сторон о проведении особого порядка судебного разбирательства в том, что касается значения этих решений для суда. Председательствующий принимает факты доказанными в силу вынесенного вердикта. Также и при принятии решения в особом порядке в связи с согласием на это сторон он исходит из его доказанности. На судье не лежит обязанность обосновывать обвинительный приговор, исследовать и оценивать доказательства, представленные обвинением» [2, с. 161–162].

Такого рода категорические суждения вовсе не безосновательны, они вполне отвечают положениям ч. 5 и 8 ст. 316 УПК РФ, согласно которым

¹ В юридической литературе употребляется также наименование «сделка с обвинением», «сделка с правосудием», «сделка о признании уголовного иска» и др.

судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств по уголовному делу, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать лишь описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства; анализ доказательств и оценка их судьей в приговоре не отражаются. Есть, правда, один нюанс – авторы приведенной выше точки зрения игнорируют предусмотренное ч. 7 упомянутой статьи условие, при соблюдении которого судья приступает к постановлению в данной ситуации обвинительного приговора: «если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обосновано, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу». Но если представить, что именно так же на практике могут поступать и судьи, принимая во внимание, в том числе, установленный ст. 317 УПК запрет на обжалование постановленного в особом порядке приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, то позицию авторов цитаты можно вполне воспринять как отражающую суровую реальность. Получается, что судье, который убедился в наличии согласия обвиняемого с предъявленным обвинением, заявленного в соответствии с законом добровольно, после консультаций с защитником и не вызывающего возражений со стороны прокурора и потерпевшего, остается лишь принять, без проведения судебного следствия, подразумеваемую доказанность обвинения как истину в последней инстанции. Только истина эта – отнюдь не объективная, а формальная (она же договорная, конвенциальная, юридическая...). Насколько возможно достижение такой истины удовлетвориться, исходя из законных интересов привлекаемого к уголовной ответственности лица, а также справедливого правосудия – вопрос проблемный, и его актуальность не уходит из сегодняшней повестки дня науки и практики современного уголовного судопроизводства.

Изложенное имеет самое непосредственное отношение и к судебному рассмотрению уголовных дел с досудебным соглашением о сотрудничестве, поскольку согласно ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится, за некоторыми несущественными дополнениями и исключениями, в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ для рассмотрения уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Что вполне логично, поскольку оба рассматриваемые порядка – ипостаси одного и того же правового феномена. Вместе с тем проблемы доказывания по уголовному делу с досудебным соглашением о сотрудничестве дополнительно значительно усложняются и обостряются в связи с особенностями досудебного производства по делам данной категории, тяжестью инкриминиру-

емых обвиняемому преступлений, а также привлечением обвиняемого к изобличению в совершении преступлений его соучастников.

Можно вспомнить, что аргументы в пользу внедрения в наш уголовный процесс института досудебного соглашения о сотрудничестве выглядели достаточно убедительно. Как указывалось в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве)», «в целях раскрытия и расследования “заказных” убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений чрезвычайно важно предоставлять правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Положения законопроекта представляются реальной мерой по противодействию организованным формам преступности и учитывают многолетний положительный опыт применения аналогичных правовых институтов в других государствах»². Однако, как выяснилось несколько позднее, результат от введения в действие данной новеллы оказался не столь радужным, как вначале ожидалось.

Особенно дала о себе знать усугублением проблем, связанных с ее наличием, оборотная сторона рассмотрения уголовных дел в особом порядке – отсутствие исследования в судебном заседании доказательств по уголовному делу, обуславливающее вынесение судом приговора по уголовному делу при достижении формальной истины, истекающей из договоренности между собой сторон о возможности принятия судом приемлемого для них, обоюдовыгодного судебного решения, не обязательно полностью соответствующего обстоятельствам совершения инкриминируемого подсудимому преступления.

В современном российском уголовном судопроизводстве формальная истина – отнюдь не порицаемое явление. Наглядным примером является возможность вынесения оправдательного приговора по уголовному делу в случае, «когда подсудимый не причастен к совершению преступления» (п. 2 ч. 1 ст. 302 УПК РФ). Судье при использовании данной формулировки основания судебного решения совершенно ясно, что на самом деле имеется в виду недоказанность причастности к преступлению (в п. 3 ч. 3 ст. 309 УПК РСФСР

² Паспорт проекта Федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

это недвусмысленно называлось «не доказано участие подсудимого в совершении преступления»). Но сейчас, согласно действующему уголовно-процессуальному закону, при недоказанности участия лица в преступлении констатируется непричастность, что позволило отказаться от допотопной, известной российскому законодательству до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. практики «оставления лица в подозрении» и тем самым отвечает более высокому уровню обеспечения прав и законных интересов личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство. Только руководствоваться в настоящее время возможностью достижения формальной истины допустимо и вполне законно тогда, когда решения принимаются в пользу лица подсудимого, обвиняемого, подозреваемого, прежде всего при освобождении его от уголовной ответственности, и не иначе.

Как совершенно верно отмечает В. А. Лазарева, «требования закона к знаниям суда о вине и невиновности различны. Закон требует лишь безусловной доказанности обвинения. Это означает, что для вынесения решений, которые констатируют виновность лица в совершении преступления, нужны достоверные знания» [3, с. 27]. Формулировки закона однозначны и категоричны: обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждается совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Постановление обвинительного приговора в особом порядке судебного разбирательства, как и сам приговор, безусловно, не отвечают вышеизложенным требованиям. Поскольку согласно ст. 316 УПК РФ (к которой отсылает ст. 317.7 УПК о порядке проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве) доказательства в судебном заседании не исследуются, «судья поневоле руководствуется доказательствами, собранными на досудебных стадиях, как бы (выделено нами, В.Ш.) принимая их на веру» [4, с. 39]. При этом заведомо допускается риск судебных ошибок, выявляемых порой лишь позднее при проведении судебного разбирательства по другим уголовным делам, рассматриваемым в общем порядке, свидетельством чему может являться, в частности, следующий пример.

По приговору Свердловского областного суда от 20 декабря 2010 года А. С. Стихин, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве и который полностью согласился с предъявленным ему обвинением, осужден за ряд преступлений, в том числе за организацию преступного сообщества (ч. 1 ст. 210 УК РФ). После вступления приговора в законную силу Свердловским областным судом 31 марта 2011 года в общем порядке рассмотрено основное уголовное дело, из которого выделялось дело в отношении А. С. Стихина, при этом несколько его сообщников оправданы в

совершении данного преступления за непричастностью. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2011 года приговор Свердловского областного суда от 31 марта 2011 года в части осуждения всех остальных лиц за преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, отменен. Уголовное дело в отношении их прекращено также на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с непричастностью к совершению преступления. С учетом указанных решений судов первой и кассационной инстанций Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении уголовного дела А. С. Стихина в порядке надзора 16 октября 2013 года констатировала следующее: поскольку в результате исследования доказательств установлено, что по данному делу признаки преступного сообщества отсутствуют, А. С. Стихин, несмотря на то, что он согласился с обвинением, не может нести уголовную ответственность по ч. 1 ст. 210 УК РФ. В результате принято решение приговор Свердловского областного суда от 20 декабря 2010 года в отношении А. С. Стихина в части его осуждения за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 210 УК РФ, отменить и уголовное дело прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ признать за А. С. Стихиным в этой части право на реабилитацию³.

Подобные неединичные случаи в конце концов привели к тому, что законодатель был вынужден Федеральным законом от 29.06.2015 № 191-ФЗ внести в ст. 90 УПК РФ изменения, согласно которым приговоры, постановленные в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК, исключены из числа приговоров, имеющих преюдициальное значение. То есть на вынесенные в соответствии с перечисленными статьями закона без исследования в судебном заседании приговоры теперь не распространяется всегда ранее действовавшее общее правило, согласно которому обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Что лишний раз подтверждает и так достаточно очевидное: приговоры по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве являются сомнительными, ненадежными, заведомо допускающими возможность осуждения невиновного с назначением наказания, как правило, в виде длительных сроков лишения свободы.

Как ранее отмечалось, согласно ч. 7 ст. 316 УПК РФ судья при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, в том числе в случае заключения с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, вправе постановить обвинительный приговор при условии, если придет к выводу, что обвинение,

³ Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2013 г. № 45-Д13-23 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с которым согласился подсудимый, обосновано, подтверждается собранными по уголовному делу доказательствами. В развитие указанных положений закона Верховный Суд Российской Федерации специально уточняет, что «при наличии сомнений в обоснованности обвинения судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке»⁴. Однако анализ реальной судебной практики, откровенные высказывания самих судей относительно особенностей рассмотрения уголовных дел с досудебным соглашением о сотрудничестве все более убеждают, что данное установленное законом условие, как и его разъяснение со стороны верховной судебной власти, на самом деле не работают, воспринимаются правоприменителями как существующие непонятно почему и не обязательные для исполнения, взыскивать за неисполнение которых никто не станет и не собирается. Ведь как можно взыскать с судьи за то, что он не в состоянии исполнить, когда он лишен надлежащих процессуальных средств исполнения, то есть характерного именно для судебного выяснения обстоятельств совершения преступления инструмента. Резонно отмечается, что «этих процессуальных средств просто не существует: УПК РФ не предусматривает какого-либо иного порядка исследования имеющихся в уголовном деле доказательств кроме как их непосредственное исследование в судебном заседании с участием сторон» [5, с. 96]. Ответ, для чего же тогда рассматриваемое условие, как бы страхующее от вынесения сомнительных с точки зрения доказанности обвинения приговоров, хотя и реально заведомо не исполнимое, введено в современный уголовно-процессуальный закон, может дать обращение к традиционной доктрине отечественного уголовного судопроизводства как уголовного процесса континентального типа с целеполаганием в виде достижения по уголовным делам объективной истины: лишь для того, чтобы ритуально отдать дань этой самой доктрине, но реально ей не следовать. Рядовым судьям об этом знать не обязательно, но кому надо, об этом, видимо, знают. Поэтому, возможно, заместитель председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам, доктор юридических наук В. А. Давыдов авторитетно и конкретно разъясняет в отношении особых порядков судебного разбирательства, предусматриваемых главами 40 и 40.1 УПК РФ: «Эти формы судопроизводства применяются в тех случаях, когда подсудимый полностью признает свою вину в совершении преступления и вынесение обвинительного приговора предопределено самим законом» [6, с. 7–8].

Искушенный в тонкостях юридической казуистики законодатель так замысловато и «глубокомысленно» формулирует законоположение, что

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», п. 17.

приходится взвешивать каждое слово текста закона, каждый его фрагмент, чтобы разгадать скрытый в них замысел. Не сведущий в подобных нюансах рядовой правоприменитель не сразу, скорее всего, догадается, что имел в виду законодатель, обуславливая в ч. 7 ст. 316 УПК постановление обвинительного приговора подтвержденностью обвинения «доказательствами, собранными по уголовному делу». Как известно, прокурор, участвующий в судебном заседании в качестве стороны обвинения, сейчас сам доказательства собирать не может и, соответственно, представлять их суду как им собранные. Сторона защиты – подсудимый и его защитник формально наделены таким правом, но реально собранные ими материалы в качестве доказательств на практике не признаются. Судья, тем более при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, также никакие доказательства не собирает. Остается полагать, что под субъектом собирания доказательств по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве подразумевается участник досудебного производства, а именно следователь. Результаты его деятельности, то есть предварительного следствия, реально и создают доказательственную базу по уголовному делу, на которую, получается, и намекает законодатель, и при анализе которой судья в стадии подготовки к судебному заседанию действительно получает возможность так или иначе убедиться в достаточности или недостаточности доказательств обвинения. Только подобного рода деятельность не характерна для осуществления правосудия и не может в полной мере компенсировать исследование доказательств в условиях непосредственности и состязательности. При изучении уголовного дела вне судебного заседания судья уподобляется прокурору, изучающему материалы уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением [7, с. 49], но навыками прокурорского надзора он не обладает и вряд ли стремится обладать. Поэтому остается уповать на то, что предварительное следствие проведено удовлетворительно и упакованные «до суда и для суда» в строгую процессуальную форму доказательства допустимы и достаточно надежны. Однако, увы, полагаться на безукоризненное выполнение следователем обязанности создания надлежащей доказательственной базы во всех случаях было бы неосмотрительно. Практика предварительного следствия показывает, что следователи после заключения с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, предполагающего непременно согласие обвиняемого с обвинением (фактически признание вины), отнюдь не стремятся к глубокому исследованию всех обстоятельств инкриминируемого обвиняемому преступления, ограничиваясь, как правило, проверкой «признавательных показаний», да и то порой в недостаточной мере. Как отмечала председатель Московского городского суда О. Егорова, «следователи... даже не хотят собирать... доказательства, которые бы объективно подтверждали вину соучастников. А упираются

в показания того лица, которое признало вину и заключило сделку со следствием» [8]. Не случайно Генеральный прокурор Российской Федерации предписывает прокурорам после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве брать на контроль расследование преступлений, добываясь от органов предварительного следствия тщательного собирания доказательств, необходимых для полного и достоверного установления предусмотренных ст. 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу⁵.

Относительность доказанности обвинения по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве, безусловно, принимается по внимание не только судами, прокурорами, но также осуществляющими защиту подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам адвокатами, которые с учетом этого, а также неопределенности в реальности получения ожидаемых в результате выполнения досудебного соглашения преференций в виде существенного снижения срока или размера возможного уголовного наказания, предпочитают не рекомендовать своим подзащитным идти на заключение досудебного соглашения [9, с. 24]. Не способствуют активизации заключения досудебных соглашений и являющиеся проблемным участии обвиняемого после выделения в отношении него уголовного дела в рассмотрении основного (исходного) уголовного дела, где он должен изобличать соучастников совершенного вместе с ним преступления, а также проблемы надлежащей оценки его показаний и наличия должных гарантий их достоверности [10].

Если поначалу введение института досудебного соглашения в действие рассматривалось как фактор продвижения состязательности в российском уголовном процессе, то в настоящее время, с учетом характерных для него недостатков и связанных с ним проблем, указанный институт может рассматриваться скорее как фактор ее компрометации. Довольно сомнительной представляется и полезность данного института для усиления обеспечения прав и законных интересов личности, вовлекаемой в производство по уголовному делу, в том числе в качестве подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, что являлось одним из важнейших стимулов реформирования и развития

современного российского уголовного судопроизводства в соответствии с ориентирами, обозначенными в Конституции Российской Федерации. Напрашивается и иного рода неутешительный вывод: «Нельзя сказать, что данное нововведение позволило достичь всех продекларированных целей и принести какое-либо осязаемое продвижение в борьбе с организованной преступностью» [11, с. 1043]. В результате востребованность института досудебного соглашения о сотрудничестве в практике уголовного судопроизводства является низкой сверх ожиданий. По имеющимся на сегодняшний день данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. в России осуждено за различные преступления 595 523 лица, из них по уголовным делам с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (в особом порядке согласно главе 40.1 УПК РФ) – всего 2831, или ровно 0,5 процента от числа всех осужденных. Для сравнения: количество осужденных по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением составило 242 386 лиц, или 42,7 % от числа осужденных, хотя к данной, второй форме особого порядка судебного разбирательства есть также свои вопросы⁶.

Невольно напрашивается вопрос: нужен ли вообще российскому уголовному судопроизводству институт досудебного соглашения о сотрудничестве? А если все-таки нужен, для раскрытия и расследования особо опасных для личности, общества и государства преступлений, нельзя ли устранить его главный недостаток, который можно назвать и пороком – возможность осуждения лиц, подвергаемых уголовному преследованию, на основе не проверяемых в судебном заседании доказательств, вызывающих сомнение в их достоверности и подрывающих веру в справедливость выносимых в таких условиях обвинительных приговоров. Ранее уже предлагалось «устранить особый порядок рассмотрения судом уголовного дела в отношении лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, а нормы этого института включить в гл. 21 и ст. 299 УПК» [12, с. 31], обеспечив тем самым полноценное исследование доказательств в судебном заседании по уголовному делу с досудебным соглашением о сотрудничестве. Может быть, стоит всерьез задуматься о реализации данной или подобной идеи?

⁵ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (п. 1.11).

⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/F1-svod_vse_sudy-2021.xls (дата обращения 30.03.2023 г.).

Библиографический список

1. Бернам У. Правовая система США. Москва: Новая юстиция, 2006. 1216 с. URL: <https://djvu.online/file/yTOEzAbWmp3xP>.
2. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / И. А. Александрова [и др.]; МВД РФ, Нижегород. акад. [науч. ред. А. С. Александров]. Нижний Новгород, 2007. 224 с.
3. Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Самарский университет, 2007. 303 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Problemy-dokazyvaniya-v-sovremennom-ugolovnom-processe-Rossii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90369>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20081949>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfnffw>.

4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и практики правового регулирования. Москва: Норма, 2008. 240 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
5. Современные проблемы установления существенных для уголовного дела обстоятельств при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 91–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-91-98>.
6. Давыдов В. А. Об «обвинительном уклоне» в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2015. № 7 (111). С. 5–9. DOI: <http://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2015.7.5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rzkrhj>.
7. Шадрин В. С. Участие прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела с досудебным соглашением о сотрудничестве // Законность. 2018. № 1 (999). С. 26–30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34856845>. EDN: <https://www.elibrary.ru/unylre>.
8. Егорова О. Судья на прослушке // Российская газета. 2015. 26 ноября. URL: <https://rg.ru/2015/11/26/egorova.html>.
9. Ковтун Н. Н. «Кабальная сделка» (о фактической сути института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 18–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42872042>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nookoc>.
10. Шадрин В. С., Булатов Б. Б. Особенности получения, оценки и использования показаний лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника преступления // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 2 (123). С. 102–113. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.102-113>.
11. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н. Л. В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1278 с.
12. Каретников А. С. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. № 11 (949). С. 27–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20924863>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rpxjkg>.

References

1. Burnham W. *Pravovaya sistema SShA* [Introduction to the Law and Legal System of the United States]. Moscow: Novaya yustitsiya, 2006, 1216 p. Available at: <https://djvu.online/file/yTOEzAbWmp3xP> [in Russian].
2. *Ugolovno-pravovye i ugolovno-protsessual'nye aspekty sdelki o priznanii ugolovnogo iska. I. A. Aleksandrova [i dr.]; MVD RF, Nizhegor. akad. [nauch. red. A. S. Aleksandrov]* [Alexandrova I. A. [et al.] Criminal-legal and criminal-procedural aspects of the transaction on the recognition of a criminal claim]. Nizhny Novgorod, 2007, 224 p. [in Russian].
3. Lazareva V. A. *Problemy dokazyvaniya v sovremennom ugolovnom protsesse Rossii: ucheb. posobie* [Problems of proof in the modern criminal process of Russia: textbook]. Samara: Samarskii universitet, 2007, 303 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Problemy-dokazyvaniya-v-sovremennom-ugolovnom-prosesse-Rossii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90369>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20081949>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfnffw> [in Russian].
4. Shafer S. A. [Proofs and proving in criminal cases: problems of theory and practice of legal regulation]. Moscow: Norma, 2008. 240 p. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
5. *Sovremennye problemy ustanovleniya sushchestvennykh dlya ugolovnogo dela obstoyatel'stv pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Modern problems of establishment significant for the criminal case of circumstances at the conclusion of pre-trial cooperation agreement]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 91–98. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-91-98> [in Russian].
6. Davydov V. A. *Ob «obvinitel'nom uklone» v ugolovnom sudoproizvodstve* [On «accusatorial bias» in criminal proceedings]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], 2015, no. 7 (111), pp. 5–9. DOI: <http://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2015.7.5>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rzkrhj> [in Russian].
7. Shadrin V. S. *Uchastie prokurora v sudebnom razbiratel'stve ugolovnogo dela s dosudebnym soglasheniem o sotrudnichestve* [Participation of the prosecutor in the trial of a criminal case with a pre-trial cooperation agreement]. *Zakonnost'* [Zakonnost' Journal], 2018, no. 1 (999), pp. 26–30. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34856845>. EDN: <https://www.elibrary.ru/unylre> [in Russian].
8. Egorova O. *Sud'ya na proslushke* [Judge on wiretapping]. *Rossiiskaya gazeta*, 2015, November 26. Available at: <https://rg.ru/2015/11/26/egorova.html> [in Russian].
9. Kovtun N. N. «Kabal'naya sdelka» (o fakticheskoi suti instituta, predusmotrennogo glavoi 40.1 UPK RF) [Oppressive transaction (on the actual essence of the institution stipulated by Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2020, no. 2, pp. 18–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42872042>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nookoc> [in Russian].
10. Shadrin V. S., Bulatov B. B. *Osobennosti polucheniya, otsenki i ispol'zovaniya pokazanii litsa, doprashivaemogo po ugolovnomu delu souchastnika prestupleniya* [Features of Obtaining, Evaluating and Using of Testimony of a Person Questioned in a Criminal Case of an Accomplice]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 2 (123). DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.102-113> [in Russian].
11. *Kurs ugolovnogo protsessa. Pod red. d.yu.n. L. V. Golovko* [Golovko L. V. (Ed.) Course of criminal procedure]. Moscow: Statut, 2016, 1278 p. [in Russian].
12. Karetnikov A. S. *Nuzhen li osobyi poryadok sudebnogo rassmotreniya ugolovnykh del v otnoshenii lits, zaklyuchivshikh dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve?* [Is a special procedure of judicial examination of criminal cases in relations to persons entered into a pre-trial agreement on cooperation required?]. *Zakonnost'* [Zakonnost' Journal], 2013, no. 11 (949), pp. 27–32. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20924863>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rpxjkg> [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC-LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-56-62

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.7

Дата поступления: 16.05.2023
рецензирования: 17.06.2023
принятия: 25.07.2023

Публично-правовое регулирование технологий виртуальной (дополненной) реальности

В. Э. Волков

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: volkov.ve@ssau.ru

Аннотация: Цель статьи – формирование подходов к публично-правовому регулированию технологий виртуальной и дополненной реальности. Объектом исследования являются общественные отношения, сложившиеся в сфере публично-правового оформления современных цифровых технологий. Актуальность исследования определяется необходимостью приведения концепции правового регулирования информационных отношений в соответствие с современным уровнем развития цифровых технологий. Работа выполнена на основе сочетания общеправовых, общенаучных и специальных методов познания – конкретно-исторического анализа, формально-юридического метода, а также метода сравнительного правоведения. Автор определяет свойства виртуальной и дополненной реальности, которые приобретают публично-правовое значение: погружение в виртуальный мир, отчуждение от реальности, социальная пластичность, цифровая природа. Проведен анализ возможных направлений правового регулирования метавселенной и последствий их влияния на реализацию ценностей, имеющих конституционное признание. Предложена аргументация в пользу сочетания социального и технического регулирования отношений в сфере применения технологий виртуальной и дополненной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность; дополненная реальность; цифровые технологии; информационные технологии; публичное право; конституционные ценности; права человека; неприкосновенность частной жизни; дискриминация; техническое регулирование.

Цитирование. Волков В. Э. Публично-правовое регулирование технологий виртуальной (дополненной) реальности // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 56–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-56-62>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Волков В. Э., 2023

Владислав Эдуардович Волков – кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.05.2023
Revised: 17.06.2023
Accepted: 25.07.2023

Public legal regulation of technologies of virtual (augmented) reality

V. E. Volkov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: volkov.ve@ssau.ru

Abstract: The purpose of the article is the formation of approaches to the public law regulation of virtual and augmented reality technologies. The object of the study are the social relations that have developed in the field of public and legal recognition of modern digital technologies. The relevance of the study is determined by the need to bring the concept of legal regulation of information (digital) relations to the modern level of information technology. The work is done on the basis of a combination of general philosophical, general scientific and special methods of knowledge – historical analysis, formal method, as well as the method of comparative law. The author defines the features of virtual and augmented

reality, which have public and legal significance. The analysis of possible directions of legal regulation of the Metaverse and the consequences of their impact on the implementation of values with constitutional recognition is carried out. The argumentation in favor of the combination of social and technical regulation of relations in the application of virtual and augmented reality technologies is offered.

Key words: virtual reality; augmented reality; digital technology; information technology; public law; constitutional values; human rights; privacy; discrimination; technical regulation.

Citation. Volkov V. E. *Publichno-pravovoe regulirovanie tekhnologii virtual'noi (dopolnennoi) real'nosti* [Public legal regulation of technologies of virtual (augmented) reality]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 56–62. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-56-62> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Volkov V. E., 2023

Vladislav E. Volkov – Candidate of Legal Sciences thesis, associate professor, Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В национальной программе «Цифровая экономика России» [1] технологии виртуальной и дополненной реальности рассматриваются как ключевые, имеющие большой потенциал для развития страны. Особую значимость эти технологии имеют в областях государственного управления, промышленного производства, образования и здравоохранения, а также в других сферах, значимых для осуществления публичных интересов. Их внедрение позволяет создавать новые, ранее недоступные способы коммуникации как на массовом, так и на межличностном уровне.

Распространение технологий виртуальной и дополненной реальности стало возможным благодаря развитию трехмерного видео и увеличению вычислительной мощности компьютеров. Одной из первых успешных реализаций дополненной реальности стала игра *Rokémon GO*, вышедшая в 2016 году и ставшая популярной во многих странах мира, включая Россию. В настоящее время технология виртуальной реальности ассоциируется с деятельностью одного из отделений компании Meta (внесена в перечень организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), предложившей в 2021 году современную концепцию метавселенной [2] – пространства постоянного цифрового присутствия человека.

В дорожной карте национальной программы «Цифровая экономика России» виртуальная реальность определена как комплексная технология, позволяющая погрузить человека в иммерсивный виртуальный мир при использовании специализированных устройств. Она конструирует цифровое пространство, передаваемое человеку через его ощущения, в основном через зрение, слух и осязание. В результате взаимодействия с трехмерной информационной средой и манипулирования объектами человек погружается в искусственную среду, окружающую пользователя и реагирующую на его действия естественным образом. Предложенное определение позволяет выявить свойства виртуальной реальности, которые могут стать значимыми для публично-правового регули-

рования: погружение в виртуальный мир, отчуждение от реальности, социальная пластичность, цифровая природа.

Погружение определяется как одно из существенных свойств виртуальной реальности, которое необходимо учитывать для определения ее юридического значения. Благодаря тому, что виртуальная реальность может конструироваться в реальном времени из ощущений сразу нескольких модальностей – зрения, слуха, осязания, пользователь осознает идеальный виртуальный мир как не менее действительный, чем реальный. События виртуальной реальности могут восприниматься как то, что происходит на самом деле. В одном из исследований виртуальная реальность использовалась для воспроизведения эксперимента Стэнли Милгрэма – социально-психологического опыта, в котором испытуемого просят нажать кнопку, чтобы ударить током незнакомого человека, находящегося в другом помещении [3]. На самом деле удары не наносятся, но во время эксперимента воспроизводится крик человека, который слышит испытуемый.

В оригинальном эксперименте Милгрэма испытуемым сообщали, что они действительно причиняют боль реальным людям. В современной интерпретации этого эксперимента на месте человека, получающего удары, находится компьютерный аватар. Несмотря на то, что все участники исследования осознают, что ни человек в соседней комнате, ни удары током не реальны, испытуемые «склонны физиологически реагировать на ситуацию так, как если бы это было в объективной реальности» [4]. Те испытуемые, которые взаимодействуют с аватаром с помощью текстовых команд, а не через систему виртуальной реальности, не дают сопоставимых уровней реакции. Судя по измерениям проводимости кожи и частоты сердечных сокращений, пользователи, которым наносится удар в виртуальной реальности, реагируют на него так, как если бы они действительно его получали. Результаты исследований демонстрируют высокий уровень воспроизводимости, даже если испытуемый – мужчина, а его персонаж в виртуальной реальности – женщина. Виртуальный удар не оставляет следов и не вызывает физическую боль, но психическая реакция на виртуальный

контакт для многих очень похожа на реакцию на контакт в физической реальности.

При этом психическая реакция на события в виртуальной реальности может иметь реальные физические последствия. В результате виртуального события человек может буквально напугаться до смерти или, по крайней мере, до сердечного приступа. Даже если пользователь не пострадал физически, он испытывает происходящее в виртуальном мире более реалистично, чем в обычной компьютерной игре без эффекта погружения. Важно и то, что погружение человека в виртуальный мир сопровождается его отчуждением от реального мира. Практически все цифровые технологии способствуют усилению ощущения отчуждения от физической реальности. Эта особенность уже отражается в правовом регулировании технологий, получивших широкое распространение. Например, во многих странах существует запрет на использование мобильных телефонов при управлении автомобилем. Но если обычный экран мобильного телефона просто отвлекает, то виртуальная и дополненная реальность в гораздо большей степени отстраняет от действительности. Возможность причинения физического вреда себе и окружающим, играя в Pokémon GO или подобные игры, более чем реальна [5]. Не менее опасными могут быть социальные последствия пересечения виртуального и реального миров.

Также в результате создания альтернативной действительности технологии виртуальной реальности могут быть использованы для искажения информации о личности. Современные технологии пока не создают полный эффект физического присутствия пользователя в виртуальном мире. Для отображения человека в нем используются так называемые «аватары», которые условно можно назвать персонажами виртуальных произведений. Сейчас они выглядят искусственными, напоминающими мультипликационных персонажей. Со временем, вероятно, они станут более реалистичными, но вряд ли они будут отражать все социально значимые признаки реальных пользователей. Технологии позволяют людям выглядеть в виртуальном мире так, как они хотят, и не быть ограниченными реальной внешностью, за исключением тех случаев, когда в социальной или деловой практике резкие отклонения аватаров от реальной внешности их пользователей рассматриваются как злоупотребления. Подобная социальная пластичность усложняет и без того трудноразрешимую проблему идентификации лиц, участвующих в правоотношениях, связанных с оборотом информации в цифровой форме.

Виртуальная реальность образуется в результате обработки информации в цифровой форме. Цифровая информационная природа виртуальной реальности предопределяет несколько юридических последствий ее реализации. Во-первых, информация, составляющая виртуальный мир, имеет своего обладателя и кем-то обрабатывается. Поскольку современные технологии виртуаль-

ной реальности обычно развиваются в основном высокотехнологичными компаниями, правовой режим этой информации определяется не государственными регуляторами, а субъектами частного права. Они заинтересованы в освобождении от ответственности за причинение вреда, обладании правами на объекты виртуальной реальности, сохранении контроля за платформой и протоколами взаимодействия. Как правило, отношения между создателями систем виртуальной реальности и пользователями строятся на основании гражданско-правовых договоров присоединения, осложненных международным элементом. Пользователь обычно является слабой стороной этих отношений, что требует применения правовых мер, направленных на защиту граждан и выравнивание правовых и фактических возможностей сторон. Во-вторых, вся информация о поведении людей в виртуальной реальности может быть сохранена и обработана в автоматическом режиме. Все, что происходит в виртуальной реальности, находится в ведении ее оператора – частной компании, которая имеет техническую возможность хранить и использовать эти данные по своему усмотрению. Поэтому некоторые ценности, имеющие фундаментальный характер для реального правопорядка, применительно к виртуальной реальности могут получить новую интерпретацию.

Актуализируется проблематика обеспечения неприкосновенности частной жизни, поскольку в виртуальной реальности создается такая информация, которая выходит за пределы информационных возможностей обычного интернет-общения. Человек может испытывать в виртуальной реальности такие эмоции и чувства, которые не описал бы в электронном письме. Виртуальная реальность может моделировать ситуации конфиденциального общения, когда пользователь чувствует, что остается с кем-то наедине. В этом случае он с большей вероятностью раскроет информацию о частной жизни, чем в общественном месте или при общении по электронной почте. При этом конфиденциальная информация, ставшая частью виртуальной реальности, неизбежно где-то записывается и сохраняется.

Перечисленные свойства виртуальной реальности – погружение, отчуждение от реальности, социальная пластичность, цифровая природа – распространяются и на дополненную реальность. В национальном стандарте 2020 года «Интерактивные электронные технические руководства с применением технологий искусственного интеллекта и дополненной реальности» [6] она определена как комплекс технологических решений, позволяющий с использованием специальных средств обработки и отображения информации дополнять объекты реального мира виртуальными элементами (изображения, текст, аудио и пр.). В дополненной реальности информация также предоставляется пользователю с использованием технического устройства индикатора на лобовом стекле автомобиля, очков или шлемов дополненной

реальности или иной формы проецирования графики для человека. Но в отличие от виртуальной реальности, технология дополненной реальности не заменяет реальный мир, а расширяет пользовательское взаимодействие с окружающей средой. Можно предположить, что задача нормативного регулирования технологий дополненной реальности по сравнению с виртуальной реальностью несколько упрощается в связи с тем, что для нее характерен меньший уровень погружения. Но для публично-правового регулирования дополненной реальности также важно то, что она не ограничивается исключительно виртуальным, вымышленным миром. Помимо виртуальных объектов дополненная реальность содержит информацию о реальном мире, уже имеющую определенный правовой режим или социальное значение. Поэтому могут возникнуть осложнения, связанные с необходимостью присутствия пользователя в определенном месте в определенное время и последующим использованием образов реальной действительности.

Определив свойства виртуальной и дополненной реальности, обратим внимание на их юридический смысл в контексте осуществления публичной власти и реализации правового статуса гражданина. На первый взгляд, технологии виртуальной и дополненной реальности представляют интерес в основном для индустрии развлечений. Но VR-игры и фильмы – только вершина айсберга. На начальном этапе существования из-за сложности и дороговизны системы виртуальной и дополненной реальности не могли быть коммерчески успешными и получили распространение благодаря заинтересованности в них со стороны государств. Первый шлем виртуальной реальности Headsight был создан в 1961 году по заказу военного ведомства США. Он использовался в учебных целях – в частности, для тренировки посадки военных самолетов в условиях ограниченной видимости. Интерес государственных органов в развитии виртуальной реальности сохраняется, поэтому реализация данных технологий приобрела осязаемое публично-правовое значение. Сегодня оно не исчерпывается военными целями. В Дорожной карте развития технологий виртуальной (дополненной) реальности утверждается, что, например, в результате реабилитации с использованием виртуальной реальности возможно существенное снижение числа инвалидов среди работоспособного населения. Специализированное обучение врачей и система удаленного присутствия хирурга на операции позволит уменьшить число врачебных ошибок до 80 % у прошедших обучение с применением технологий виртуальной реальности [7]. Коммерческое применение технологий виртуальной и дополненной реальности также обычно сопряжено с взаимодействием людей, которое может иметь значение для обеспечения интересов государства и общества.

Погружение как свойство виртуального мира создает ощущение его реальности, которое распространяется и на социальное взаимодействие. Если в игровом виртуальном мире один аватар ударил другого, не следует ли применить реальное право для наказания обидчика? Принципиальное значе-

ние в данном случае имеет возможность перехода количества информации в новое качество пользовательского опыта. Иными словами, позволяет ли уровень развития технологии рассматривать социально опасные проявления в виртуальной реальности только как информационные правонарушения, поскольку потерпевшая сторона не может не осознавать их виртуального характера. Или погружение настолько глубоко, что требуется квалификация опыта, полученного в виртуальной реальности, по правилам реального мира. Однозначного решения этой дилеммы пока нет. В зарубежной литературе получила распространение теория магического круга, ограничивающего пространство, в котором действие норм реального мира приостанавливается и заменяется правилами виртуальной реальности [8, с. 16]. Вряд ли есть необходимость квалификации совместного присутствия аватаров в виртуальном мире, собравшихся в целях коллективного обсуждения значимого для них вопроса, как собрания в смысле, придаваемом этому термину реальным законом о публичных мероприятиях. В то же время, при известной правоприменительной эрудиции, это теоретически не исключено.

В научной литературе встречаются предположения, что, по крайней мере, противоправное распространение информации в виртуальной реальности может квалифицироваться как административное правонарушение или преступление. Утверждается, что с помощью технологий виртуальной реальности можно совершать целый спектр преступлений – от клеветы до публичных призывов к осуществлению террористической деятельности [9, с. 161–169]. Относительно правонарушений, выходящих за пределы вербальных форм, единых подходов к квалификации в виртуальной реальности пока нет.

Каков бы ни был подход к юридическому определению событий в виртуальной реальности, для реализации мер юридической ответственности в данной сфере необходимо решить ряд правовых проблем, связанных со свойствами цифровой информации в целом. Во-первых, виртуальные миры не ограничены государственными границами. Поэтому распространение российской территориальной юрисдикции на отношения такого рода затруднительно. Хотя правовые основания для этого есть – согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступления вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности согласно Уголовному кодексу РФ в случаях, если преступление направлено против Российской Федерации или граждан Российской Федерации либо против постоянно проживающих в России лиц без гражданства. Во-вторых, виртуализация участников коммуникации с применением цифровых технологий, поскольку их взаимодействие осуществляется в условиях физической удаленности. Поэтому вопросы правовой ответственности за деяния в виртуальной реальности пока носят в основном теоретический характер. Тем временем значи-

мость проблем в этой области растет с увеличением населения виртуальных миров.

Свойство идеализации реальности при ее отражении в виртуальных мирах может иметь не только негативный публично-правовой эффект. Действительно, аватар в виртуальной реальности может быть полностью оторван от личности человека в реальном мире, что потенциально может привести к снижению уровня социальной ответственности пользователя технологий виртуальной реальности. С другой стороны, способность виртуальной реальности скрывать отдельные стороны действительности может быть социально полезной. Например, удаленное общение в виртуальной реальности позволяет избегать того, чтобы виртуальные аватары людей копировали их физиологические черты, которые в обществе принято считать неприемлемыми или отталкивающими, такие как морщины, следы травм или заболеваний. Поэтому виртуализация, применяемая в разумных пределах, может быть использована при принятии решений в тех сферах, где укоренены социальные предубеждения. Возможно, с ее помощью удастся уменьшить уровень социально-неравенства.

Информационно-технологические свойства виртуальной реальности также требуют внимания в публично-правовом контексте. Основными участниками рынка технологий виртуальной реальности являются частные компании, что усиливает дисбаланс публичных и частных функций в современных государствах. Утрата контроля над деятельностью граждан в «цифровой среде» вызывает озабоченность органов публичной власти. Широкую известность приобрел призыв Президента России защитить аватаров российских граждан в метавселенной: «государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника – аватара внутри формирующихся метавселенных». В интересах защиты прав граждан имеет смысл сконцентрироваться на проблеме защиты их персональных данных. Люди в виртуальной реальности обычно представлены в форме аватаров, которые могут иметь индивидуальные признаки, поэтому существует обоснованное предположение, что информация, составляющая виртуальную реальность, включает в себя персональные данные ее пользователей. Многообразие признаков, присущих аватарам, позволяет утверждать, что они состоят в том числе из информации, отнесенной законом к специальным категориям персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья и даже интимной жизни. Использование для управления аватарами технических устройств, считывающих физиологические реакции человека, означает, что для полноценного его участия в виртуальной реальности должны обрабатываться и биометрические персональные данные. Пока неизвестно, как именно государство будет решать вопрос о защите прав граждан в виртуальной

реальности. Но по опыту регулирования отношений в сети Интернет можно предположить, что наиболее очевидное решение – применение нормативных требований о локализации персональных данных граждан на территории России – вряд ли достигнет цели. Оно приведет, во-первых, к избирательному применению правовых норм и, во-вторых, к весьма вероятному отказу производителей платформ виртуальной реальности от оказания услуг гражданам и резидентам России. Выход видится в применении технических норм: анонимизации персональных данных, минимизации их сбора и предоставлении больших возможностей по управлению ими самим гражданам.

Публично-правовая характеристика технологий виртуальной и дополненной реальности была бы неполной без освещения вопросов, возникающих в связи с современным пониманием метавселенной. Несмотря на оживление, окружающее тему метавселенной в последнее время, представление о ней не ново – термин введен в оборот в 1992 году писателем Нилом Стивенсоном в романе «Снежная лавина» (Snow Crash) [10]. Тогда им обозначался трехмерный виртуальный мир, населенный аватарами реальных людей. Книга Стивенсона остается исходным ориентиром для энтузиастов метавселенной, хотя с тех пор представление о ней было существенно обогащено благодаря тому, что многие технологии, казавшиеся фантастическими в 1992 году, стали реальностью. Сложилось множество интерпретаций этого термина, позволяющих отнести к элементам метавселенной технологические решения, находящиеся на пересечении реального и виртуальных миров – от QR-кодов до голосовых ассистентов. Для выработки универсального понимания метавселенной, не ограниченного набором технологий, доступных на определенном этапе технологического развития, можно использовать ее интерпретацию как суперпозиции физического и цифрового миров. Суперпозиция в данном случае понимается как наложение явлений или процессов, оказывающих взаимное влияние друг на друга. Такое понимание, сформулированное Андреем Себрантом, директором по маркетингу сервисов компании «Яндекс», актуально для любого исторического периода, в котором существует коммуникация в цифровой форме [11].

Нынешний этап развития идеи метавселенной связывается с успехами технологий компьютерных сетей, а также виртуальной и дополненной реальности, обеспечивающими техническую возможность непрерывной визуализации трехмерных искусственных миров, в которых человек может пребывать постоянно. По выражению одного из апологетов виртуальной реальности Мэтью Болла, современная метавселенная представляет собой крупномасштабную и взаимосвязанную сеть трехмерных виртуальных миров, визуализируемых в режиме реального времени, которые могут синхронно восприниматься неограниченным числом пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывным оборотом цифровых данных [12]. В них выражаются

личности, сюжеты их взаимодействия, права и виртуальные объекты.

Метавселенная мыслится как следующая итерация технологической основы жизни общества, подобно тому, как мобильная телефонная связь практически вытеснила стационарную или концепция мобильного интернета пришла на смену проводной сети. Мобильный Интернет не изменил базовую архитектуру Интернета – подавляющая часть интернет-трафика сегодня по-прежнему передается и управляется фиксированной инфраструктурой, но с точки зрения пользовательского опыта восприятие информации стало другим – изменились бизнес-процессы, политические отношения и цифровая культура в целом. Аналогичное воздействие на общество может оказать и реализация концепции метавселенной.

Цифровая информационная природа метавселенной означает, что для нее будут актуальны правовые проблемы, свойственные отношениям, связанным с оборотом цифровой информации в целом – вопросы юрисдикции, идентификации субъектов, дисбаланса публичных и частных функций [13, с. 168]. Современное понимание метавселенной неразрывно связано с применением технологий виртуальной и дополненной реальности, поэтому их свойства, связанные с погружением в идеальный мир, отчуждением от реального мира, идеализацией реальности, обработкой персональных данных, также потребуют юридической интерпретации. Скорее всего соответствующая проблематика будет углубляться, а значимость увеличиваться пропорционально росту популярности идеи метавселенной. Можно предположить, что с точки зрения публично-правового регулирования наиболее значимыми в ближайшей перспективе будут следующие ее особенности.

Подобно тому, как Интернет организован как сеть сетей, концепция метавселенной не ограничивается лишь одним виртуальным миром. Она мыслится как сеть трехмерных виртуальных миров, границы которых проницаемы для их персонажей. Это усложняет проблему защиты виртуальных двойников (аватаров) граждан и их персональных данных. Сейчас она в основном решается путем заключения соглашений между пользователем и правообладателем технологической платформы. Но если мета-

вселенная будет представлять собой сеть открытых виртуальных миров, то потребуется согласование и их правовых оснований. Весьма вероятно, что это приведет к переводу в практическую плоскость вопроса о принадлежности пользователям прав на их аватары и к распространению на аватары требований о защите персональных данных. Хотя нельзя исключать и того, что существующие правовые основания в метавселенной в принципе утратят свое значение, поскольку соответствующие отношения поддаются регулированию не правовыми нормами, а техническими алгоритмами. В этом случае реализация публично-правовых институтов уже может и не потребоваться.

Перечисленные проблемы пока видятся как перспективные, свойственные уже оформленной метавселенной, а не ее нынешнему воплощению. Действительное состояние метавселенной, как правило, связывается с деятельностью одноименной коммерческой организации, создавшей пока сравнительно малонаселенный виртуальный мир. Он не свободен от технических недостатков и предусматривает весьма высокий порог входа. Это вызывает ряд практических вопросов. Во-первых, метавселенная в ее нынешнем виде находится под контролем одной организации, определяющей правила поведения в ней, что само по себе содержит риски злоупотребления монополистическим положением на рынке информационных услуг. Во-вторых, оборудование, необходимое для погружения в метавселенную, доступно далеко не всем. Объем продаж наиболее популярных шлемов виртуальной реальности не превышает нескольких десятков миллионов штук в год, что делает метавселенную труднодоступной для абсолютного большинства людей. Если оптимистичные прогнозы оправдаются и метавселенная станет привлекательным местом для повседневной жизни, нельзя исключать того, что доступ к ней будет необходим для реализации базовых потребностей человека. По крайней мере, так произошло с Интернетом и, если метавселенная станет новым воплощением глобальной сети, она унаследует его значение для реализации прав человека. В таком случае высокий порог входа может привести к существенному усилению цифрового неравенства.

Библиографический список

1. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: https://turov.pro/wp-content/uploads/2022/02/pasport_nacziionalnogo_proekta_nacziionalnaya_programma_czifro.pdf?ysclid=lkuugpovn353582116 (дата обращения: 01.05.2023).
2. Facebook changes its corporate branding to Meta. URL: <https://tcm.ch/2ZpEtJv> (дата обращения: 01.05.2023).
3. Milgram S. Behavioral Study of Obedience // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Vol. 67, issue 4. P. 371–378. Available at: <https://www.demenzemedicinagenerale.net/pdf/MilgramOriginalWork.pdf>.
4. Slater M., Antley A., Davison A., Swapp D., Guger C., Barker C., Pistrang N., Sanchez-Vives M. V. A virtual reprise of the Stanley Milgram obedience experiments // *PLoS One*. 2006. December 20; 1(1): e39. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0000039>.
5. Pokémon Go's unexpected side effect: injuries. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2016/07/08/pokemon-gos-unexpected-side-effect-injuries> (дата обращения: 01.05.2023).

6. ГОСТ Р 59278-2020 Информационная поддержка жизненного цикла изделий. Интерактивные электронные технические руководства с применением технологий искусственного интеллекта и дополненной реальности. Общие требования (утв. Приказом Росстандарта от 23.12.2020 № 1373-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации»). URL: <https://docs.cntd.ru/document/573396608?ysclid=lkuv25j63q178548207>.
7. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6654>.
8. Васильев А. А., Архипов В. В., Андреев Н. Ю., Печатнова Ю. В. Правовые проблемы квалификации компьютерных игр // *Ex jure*. 2023. № 1. С. 7–20. DOI: <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2023-1-7-20>.
9. Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 3 (100). С. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169>. EDN: <https://elibrary.ru/zeuuhb>.
10. Neal Stephenson. *Snow Crash*. New York: Random House, 1992. URL: <https://www.nothuman.net/images/files/discussion/4/04ca4ae88a63721aa7144430117ab4ca.pdf>.
11. Себрант А. Этикетка для виртуальной реальности: кому в метавселенной жить хорошо // *Forbes.ru*. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/468305-etiketka-dla-virtual-noj-real-nosti-komu-v-metavselennoj-zit-horoso?ysclid=lkuw6g7naх998252086>.
12. Matthew Ball. *The Metaverse: And How It Will Revolutionize Everything*. Liveright Publishing Corporation, 2022. URL: <https://pdflake.com/wp-content/uploads/2022/09/The-Metaverse-PDF.pdf>.
13. Интернет-право: учебник и практикум для вузов / В. В. Архипов. Москва: Юрайт, 2020. 249 с. URL: <https://urait.ru/book/internet-pravo-450761>.

References

1. *Pasport natsional'nogo proekta «Natsional'naya programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam, protokol ot 04.06.2019 № 7)* [Passport of the national project «National program «Digital economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, record № 7 as of 04.06.2019)]. Available at: https://urov.pro/wp-content/uploads/2022/02/pasport_naczionalnogo_proekta_naczionalnaya_programma_czifro.pdf?ysclid=lkuukbvolu326858206 [in Russian].
2. The Facebook Company Is Now Meta. Available at: <https://www.infomance.com/the-facebook-company-is-now-meta>.
3. Milgram S. Behavioral Study of Obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, vol. 67, issue 4, pp. 371–378. Available at: <https://www.demenzemedicinagenerale.net/pdf/MilgramOriginalWork.pdf>.
4. Slater M., Antley A., Davison A., Swapp D., Guger C., Barker C., Pistrang N., Sanchez-Vives M.V. A virtual reprise of the Stanley Milgram obedience experiments. *PLoS One*, 2006, December 20, 1 (1), e39. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0000039>.
5. Pokémon Go's unexpected side effect: injuries. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2016/07/08/pokemon-gos-unexpected-side-effect-injuries/>.
6. *GOST R 59278-2020 Informatsionnaya podderzhka zhiznennogo tsikla izdelii. Interaktivnye elektronnye tekhnicheskie rukovodstva s primeneniem tekhnologii iskusstvennogo intellekta i dopolnennoi real'nosti. Obshchie trebovaniya (utv. Prikaz Rosstandarta ot 23.12.2020 № 1373-st «Ob utverzhdenii natsional'nogo standarta Rossiiskoi Federatsii»* [GOST R 59278-2020 Information support of product life cycle. Interactive electronic technical manuals using artificial intelligence and augmented reality technologies. General requirements (approved by Rosstandart Order № 1373-st dated December 23, 2020 «On Approval of the National Standard of the Russian Federation»]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/573396608?ysclid=lkuv25j63q178548207> [in Russian].
7. *Dorozhnaya karta razvitiya «skvoznoi» tsifrovoi tekhnologii «Tekhnologii virtual'noi i dopolnennoi real'nosti»* [Roadmap for the development of cross-cutting digital technology «Virtual and augmented reality technologies»]. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6654/> [in Russian].
8. Vasiliev A. A., Arkhipov V. V., Andreev N. Yu., Pechatnova Yu. V. *Pravovye problemy kvalifikatsii komp'yuternykh igr* [Legal problems of computer games qualification]. *Ex jure*, 2023, no 1, pp. 7–20. DOI: <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2023-1-7-20> [in Russian].
9. Dremlyuga R. I., Kripakova A. V. *Prestupleniya v virtual'noj real'nosti: mif ili real'nost'?* [Crimes in virtual reality: myth or reality?]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no 3, pp. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169>. EDN: <https://elibrary.ru/zeuuhb> [in Russian].
10. Neal Stephenson. *Snow Crash*. New York: Random House, 1992. Available at: <https://www.nothuman.net/images/files/discussion/4/04ca4ae88a63721aa7144430117ab4ca.pdf>.
11. Sebrant A. *Etiketka dlya virtual'noi real'nosti: komu v metavselennoi zhit' khorosho* [Label for virtual reality: who in the metaverse lives well]. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya/468305-etiketka-dla-virtual-noj-real-nosti-komu-v-metavselennoj-zit-horoso?ysclid=lkuw8u8kxa283764927> [in Russian].
12. Matthew Ball. *The Metaverse: And How It Will Revolutionize Everything*. Liveright Publishing Corporation, 2022. Available at: <https://pdflake.com/wp-content/uploads/2022/09/The-Metaverse-PDF.pdf>.
13. Arkhipov V. V. *Internet-pravo: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Internet law: textbook and workshop for universities]. Moscow: Urait, 2020, 249 p. Available at: <https://urait.ru/book/internet-pravo-450761> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-63-74

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.8

Дата поступления: 16.05.2023
рецензирования: 17.06.2023
принятия: 25.07.2023

О некоторых тенденциях развития законодательства о воздушном транспорте

Т. А. Диканова

НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: dikanovata@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам правового регулирования авиационной отрасли. Отмечается, что ряд факторов спровоцировал внесение изменений в воздушное законодательство. Законодательство совершенствовалось в связи с введением в отношении Российской Федерации санкций со стороны недружественных стран, в связи с проведением реформы контрольно-надзорной деятельности. На протяжении ряда лет осуществлялись меры по гармонизации законодательства. Особенно активно изменения вносились в 2021–2023 годах. Так, изменения затронули сертификацию разработчиков и изготовителей авиатехники, беспилотных авиационных систем и их элементов, гражданских воздушных судов, авиадвигателей, воздушных винтов, вопросы летной годности, технического и наземного обслуживания воздушных судов. Изменения также связаны с установлением обязанностей Росавиации по сертификации воздушных судов с привлечением сертификационных центров и испытательных лабораторий; требований к допуску воздушных судов к эксплуатации, к сертификату летной годности воздушных судов. Уточнены требования к специалистам авиаперсонала, введены новые статьи об удостоверении члена экипажа гражданского воздушного судна и инспектора гражданской авиации. Требуется мониторинг применения новых нормативных правовых актов и своевременной их корректировки в случае необходимости. Обращает на себя внимание сложность принимаемых законов, в частности, о беспилотных летательных аппаратах, о транспортной безопасности. Требуется продолжить работу по совершенствованию воздушного законодательства.

Ключевые слова: воздушный транспорт; воздушное законодательство; транспорт; инфраструктура; аэронавигация; беспилотные объекты; сертификация.

Цитирование. Диканова Т. А. О некоторых тенденциях развития законодательства о воздушном транспорте // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 63–74. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-63-74>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Диканова Т. А., 2023

Татьяна Александровна Диканова – доктор юридических наук, заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте, НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, 123022, Российская Федерация, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.05.2023
Revised: 17.06.2023
Accepted: 25.07.2023

About some trends in the development of air transport legislation

T. A. Dikanova

Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: dikanovata@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the legal regulation of aviation industry. It is noted that a number of factors have led to changes in air legislation. Legislation has been improved in connection with the imposition of sanctions against the Russian Federation by unfriendly countries; in connection with the reform of monitoring and supervision. Over the years, efforts have been made to harmonize legislation. The changes were made especially actively in 2021–2023. Thus, the certification of developers and manufacturers of aircraft, unmanned aircraft systems and their elements, civil aircraft, engines, propellers, airworthiness issues, Maintenance and ground handling of aircraft. The changes also relate to the establishment of responsibilities of the Federal Air Transport Administration for the certification of the Armed Forces with the involvement of certification centers and testing laboratories; requirements for the approval of the Armed Forces to operation, to the certificate of airworthiness of the Armed Forces. The requirements for aviation specialists have been clarified, and new articles on the certification of members of the civil aircraft crew and civil aviation inspectors have been introduced. Monitoring of the application of new normative legal acts and their timely adjustment if necessary is required.

Attention is drawn to the complexity of the laws adopted, in particular on unmanned aerial vehicles and on transport security. Further work is needed to improve air legislation.

Key words: air transport; air legislation; transport; infrastructure; air navigation; unmanned objects; certification.

Citation. Dikanova T. A. *O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya zakonodatel'stva o vozдушnom transporte* [About some trends in the development of air transport legislation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 63–74. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-63-74> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Dikanova T. A., 2023

Tatiana A. Dikanova – Doctor of Laws, Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, head of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Activities of Customs Authorities and Transport, Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 15, 2nd Zvenigorodskaya Street, Moscow, 123022, Russian Federation..

Антироссийские санкции повлияли на авиационную отрасль России, вызвав угрозы: потери современного парка воздушных судов (далее – ВС), кадров, объемов авиаперевозок, в т. ч. из-за отсутствия запчастей; банкротства компаний; снижения уровня безопасности полетов, авиамобильности населения, транспортной связности; деградации отрасли. Санкции продолжаются, производятся аресты и задержания ВС российских авиакомпаний. Санкции идут вразрез с нормами международного воздушного права.

Российское законодательство о гражданской авиации соответствует международным конвенциям [1], в том числе посвященным авиационной безопасности [2]. В последние годы внесены некоторые изменения, в частности, пересмотрены пределы ответственности, предусматриваемые Монреальской Конвенцией. Установлена скользящая шкала этих пределов с учетом инфляции, которые выражаются в единицах СПЗ – «специальные права заимствования». В случае смерти или увечья пассажира ответственность до 128821; задержки пассажира – 5346; багажа – 1288; груза – 22 СПЗ. Нормы вступили в силу с 28.12.2019. ИКАО выработан Глобальный план безопасности полетов, определяющий глобальное стратегическое направление деятельности к обеспечению безопасности полетов, а также Глобальный аэронавигационный план – основа гармонизации международной гражданской авиации.

Осуществлялись меры к гармонизации воздушного законодательства стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). В частности, приняты План мероприятий по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной транспортной политики государств – членов ЕАЭС [3], Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.11.2019 № 37 «О гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в области гражданской авиации».

Российское законодательство о гражданской авиации последних лет претерпело изменения, особенно в связи с санкциями и принятием Россией антисанкционных мер; принятыми стратегиями, концепциями, программами развития. Это Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030

года», «Транспортная стратегия до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р, Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2101-р, а также другие стратегии, концепции, доктрины, посвященные как исключительно транспортным проблемам, так и общим вопросам национальной безопасности, развитию экономики России. Так, утверждена Комплексная программа развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.06.2022 № 1693-р (ред. от 11.03.2023), разработанная в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Это – основа других программ и мер по развитию гражданской авиации (далее – ГА). 16.01.2023 принята новая редакция Государственной программы РФ «Развитие транспортной системы» (утв. Постановлением Правительства РФ от 20.12.2017 № 1596). В Программе сделан вывод, что уровень развития российской гражданской авиации не в полной мере отвечает потребностям социально-экономического развития. Ограничением являются нынешнее состояние и доступность транспортной инфраструктуры (далее – ТИ); низкие технические характеристики международных транспортных коридоров, недостаточная пропускная способность пунктов пропуска через государственную границу России. Проблемой остается безопасность на транспорте. Требуется развитие Единой опорной транспортной сети, устранение инфраструктурных ограничений на ней, в том числе за счет сети аэродромов ГА и принятия комплекса других мер. Минтранс России 16.06.2020 утверждена целевая программа «Организационное, информационное и научное обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы».

Воздушное право России менялось также в связи с реформой контрольно-надзорной деятельности и «регуляторной гильотиной». Были внесены изменения в Воздушный кодекс РФ, Законы РФ от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» и 06.07.2016 № 374-ФЗ «О противодействии терроризму»; федеральные законы от 09.02.2007

№ 16-ФЗ «О транспортной безопасности»; от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и другие нормативные правовые акты.

В ВК РФ особенно много изменений внесено в 2021–2023 годах. Так, изменения затронули сертификацию разработчиков и изготовителей авиатехники, а также сертификацию беспилотных авиационных систем (БАС) и их элементов, гражданских ВС, авиадвигателей, воздушных винтов (за установленным исключением), вопросы летной годности, технического и наземного обслуживания ВС. Определено понятие сертификационного базиса (совокупность требований, необходимых для обеспечения безопасной эксплуатации), установлен порядок его разработки и утверждения [4]. Изменения также связаны с установлением обязанностей Росавиации по сертификации ВС с привлечением сертификационных центров и испытательных лабораторий; требований к допуску ВС к эксплуатации, к сертификату летной годности ВС (выдается после подтверждения соответствия конструкции экземпляра и на основании акта оценки на соответствие требованиям летной годности и охраны природы). Уточнены требования к специалистам авиAPERсонала, введены новые статьи об удостоверении члена экипажа гражданского ВС и инспектора ГА [5].

Новеллы в первую очередь направлены на обеспечение безопасности полетов. Приняты новые Правила разработки и применения систем управления безопасностью полетов ВС, а также сбора и анализа данных о факторах опасности и риска, создающих угрозу безопасности полетов ВС, их хранения и обмена ими в соответствии с международными стандартами [6].

04.04.2019 Межведомственной комиссией по авиационной безопасности, безопасности полетов ГА и упрощению формальностей (далее – Межведомственная комиссия) одобрена «Федеральная система контроля качества (Национальная программа контроля качества авиационной безопасности)». Программа соответствует Стандарту 3.4.4 Приложения 17 к Чикагской конвенции и положениям ИКАО. Под мерами контроля качества имеются в виду методы и мероприятия по наблюдению с целью оценки состояния системы безопасности ГА, устранения выявленных недостатков, надзора за выполнением Программы со стороны Ространснадзора, Росавиации, МВД России, Генпрокуратуры. Программа содержит перечень нормативных актов, разделы о полномочиях и ответственности инспекторов, кодексе их поведения, работе с информацией, системе управления рисками (далее – СУР); оценке системы безопасности аэропорта, эксплуатанта, груза и почты, системы досмотра, поставщиков бортового питания и бортовых припасов; компаний, занимающихся уборкой; магазинов, в том числе беспрошленной торговли.

Федеральная система упрощения формальностей при воздушных перевозках (Национальная программа упрощения формальностей при воздушных перевозках) одобрена Межведомственной комиссией 04.04.2019. Ее цель – создать инструктивную основу для совершенствования движения ВС и работы аэропортов при соблюдении требований авиационной безопасности.

Расширен Перечень объектов транспортной инфраструктуры, в отношении которых применяются нормы Федерального закона от 31.07.2020 № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях модернизации и расширения магистральной инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Речь идет об аэродромах и сооружениях для взлета, посадки, руления и стоянки ВС, инфраструктуре ГА, средствах обслуживания воздушного движения, пунктах пропуска через государственную границу [7].

Дана новая редакция Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с экспериментальными воздушными судами в Российской Федерации [8] и Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации [9].

Уточнялись особенности применения разрешительных режимов, предусмотренных ВК РФ. Продлен срок действия и снято ограничение на его продление для некоторых разрешительных документов, определены сроки их оформления и выдачи Росавиацией, особенности разрешительной деятельности в 2022 и 2023 годах [10].

В связи с изменениями в ВК РФ в части регламентации сертификации установлены особенности сертификации авиатехники, авиадвигателей, винтов, компонентов и комплектующих изделий, радиотехнического оборудования и оборудования авиационной электросвязи, изменений конструкции ВС [11]; конкретизированы полномочия Росавиации по проведению сертификации, аккредитации сертификационных центров и лабораторий, ведению их реестра, контролю их деятельности [12]. В целом упрощена процедура сертификации и допуска к эксплуатации ВС. Кроме того, Правительство РФ наделено дополнительными полномочиями, в частности, по установлению особенностей исполнения лизинга иностранных ВС, государственной регистрации ВС, прав на ВС и сделок с ними.

Уточнен порядок лицензирования разработки, производства, испытания и ремонта авиатехники, определены сведения, представляемые лицензиатом в лицензирующий орган [13]. Вводился мораторий на проведение мероприятий, связанных с разрешительными процедурами [14]. Установлены особенности регистрации ВС в национальном реестре и регистрации прав на ВС и сделок с ними в 2022 году. В целом процедура регистрации упрощена [15].

Приняты новые Федеральные авиационные правила (далее – ФАП) «Требования, предъявляемые к предназначенным для взлета, посадки, ру-

ления и стоянки гражданских воздушных судов вертодромам» [16]. Совершенствовалась редакция ФАП – «Использование воздушного пространства Российской Федерации» [17]. Установлены новые требования к летной годности ВС [18]. Теперь допуск ВС к эксплуатации требует наличия сертификата летной годности, выданного на основании сертификата типа аттестата о годности к эксплуатации либо иного акта об утверждении типовой конструкции ВС.

В целях реализации Федерального закона от 11.06.2021 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменился порядок установления приаэродромной территории. Она устанавливается бессрочно актом уполномоченного федерального органа исполнительной власти с выделением с первой по седьмую подзону или в случае разногласий между органами власти – с выделением с первой по шестую подзону с последующим установлением седьмой подзоны. В правила разрешения разногласий внесены существенные изменения, в т. ч. участие Роспотребнадзора в установлении седьмой подзоны [19].

Уделялось внимание вопросам транспортной безопасности. Определены Порядок установления критериев категорирования объектов транспортной инфраструктуры, перечень объектов, не подлежащих категорированию, в который теперь включены в том числе аэродромы, предназначенные для коммерческих перевозок на самолетах пассажироместимостью 20 человек и менее [20]. Росавиация подготовила методические рекомендации по вопросам транспортной безопасности [21].

Актуализирован порядок выдачи органами МВД заключения о возможности допуска лиц к работам, непосредственно связанным с обеспечением транспортной безопасности [22], порядок доступа к данным с технических средств обеспечения ТБ на объекте транспортной инфраструктуры или ТС. Субъекты транспортной инфраструктуры обеспечивают накопление, обработку и хранение в электронном виде данных с указанных технических средств в соответствии с планами или паспортами обеспечения транспортной безопасности объектов инфраструктуры и ТС. Доступ организует лицо, ответственное за обеспечение безопасности в субъекте инфраструктуры. Субъекты инфраструктуры должны подключить оборудование федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих деятельность на ОТИ, к локальной вычислительной сети или к линиям связи для дистанционного приема данных с ТС ОТБ в режиме реального времени [23].

Обновлены требования по обеспечению транспортной безопасности, учитывающие уровни безопасности для ТС гражданской авиации. Субъекты транспортной инфраструктуры и перевозчики обязаны утвердить до определенного срока паспорт обеспечения транспортной безопасности транспортного средства по типовой форме. Для однотипных ТС, эксплуатируемых одним субъектом транспортной инфраструктуры, у которых иден-

тичны конструктивные, технические и технологические элементы, паспорт может разрабатываться на группу ТС. Ранее утвержденные паспорта подлежат аннулированию одновременно с утверждением нового паспорта и направлением его в Росавиацию [24].

Согласно Федеральному закону от 06.12.2021 № 400-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» члены экипажа ВС и сотрудники службы авиационной безопасности авиапредприятия на основании распоряжения командира ВС могут применять все необходимые меры, в том числе меры принуждения, а также использовать специальные средства сдерживания, перечень которых устанавливается Правительством РФ, в отношении лиц, своими действиями создающих угрозу безопасности полета либо угрозу жизни или здоровью других лиц и отказываются подчиняться распоряжениям командира ВС.

Совершенствовалась нормативная база о беспилотных авиационных системах (далее – БАС) и их элементах, включая беспилотные гражданские ВС. Введено понятие летной годности БАС и ее элемента. Это состояние их соответствия типовой конструкции или характеристикам, установленным актом оценки ВС на его соответствие требованиям к летной годности и в области охраны окружающей среды; способность обеспечивать безопасную эксплуатацию. Сертификат типа ВС выдается, если в ходе сертификации установлено, что ВС, авиадвигатели и воздушные винты, БАС и их элементы соответствуют сертификационному базису, который создается разработчиком БАС и утверждается Росавиацией. Беспилотные ВС и их владельцы, БАС могут привлекаться к обеспечению и проведению поисковых и аварийно-спасательных работ [25]. Определено, какая из указанной деятельности может осуществляться без лицензии [26], какие беспилотные ВС подлежат учету [27]. Обязательной сертификации подлежит деятельность юридических лиц, осуществляющих разработку и изготовление подлежащей обязательной сертификации авиатехники, за установленным исключением.

Дана новая редакция ФАП, регламентирующая экспериментальную авиацию, в том числе правила подготовки к полетам ВС этой авиации и их экипажей, контроля за их готовностью и выполнении полетов [28].

Утверждено Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в области гражданской авиации, определившее предмет, объект, ключевые и индикативные показатели контроля, требования к Системе управления рисками (далее – СУР) [29]. Составляющими предмета контроля являются соблюдение требований к подготовке и выполнению полетов, эксплуатации гражданских ВС и их допуску к полетам; использованию воздушного пространства и обеспечению полетов ВС; воздушным перевозкам пассажиров, багажа, грузов, в том числе опасных, и почты; обязательному страхованию ответственности, выполнению авиационных работ; содержа-

нию программ подготовки авиационного персонала гражданской авиации; порядка подготовки членов экипажа гражданского ВС, сотрудников по обеспечению полетов гражданской авиации, специалистов по техническому обслуживанию ВС, диспетчеров управления воздушным движением; требований в отношении документации ВС, пожарной безопасности; обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг. Проверяется соблюдение условий разрешительных сертификатов, свидетельств и других документов, предусмотренных п. 1 и 3 ст. 8, ст. 37, п. 1 ст. 53, п. 4 ст. 54, п. 1 ст. 37.1 ВК РФ.

Ространнадзор осуществляет учет объектов контроля с использованием ведомственных автоматизированных информационно-аналитических систем, относит их к одной из категорий (высокий, значительный, средний и низкий) риска причинения вреда (ущерба). Критерии отнесения объектов контроля к этим категориям устанавливаются с учетом положений ч. 5 и 6 ст. 23 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и основывается на соотнесении группы тяжести и группы вероятности. Для целей оценки риска причинения вреда при принятии решения о проведении и выборе вида контрольного мероприятия деятельность контролируемых лиц разделяется на группы тяжести («А», «Б», «В» и «Г»), предусмотренные приложением № 1 к Положению. Виды плановых контрольных надзорных мероприятий в отношении объектов контроля зависят от присвоенной категории риска и их периодичности.

Поскольку контроль теперь носит профилактический характер, определен перечень и правила проведения профилактических мероприятий, ключевые и другие показатели надзора. Утвержден Перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области гражданской авиации [30]. Такими индикаторами являются: выявление трех и более авиационных инцидентов, связанных с деятельностью контролируемого лица и связанных с деятельностью оператора аэродрома, вертодрома или владельца посадочной площадки, предназначенной для взлета, посадки, руления и стоянки ВС, – в течение 30 календарных дней со дня фиксации первого авиационного инцидента.

Ространнадзором утвержден Перечень нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности [31]. Определен перечень нормативных актов, не подпадающих под «регуляторную гильотину» [32]. Руководство при осуществлении рассматриваемого контроля соблюдения обязательных требований утверждено руководителем Ространнадзора 05.04.2022. Руководство содержит сведения об объектах контроля, типичных нарушениях тре-

бований, пояснения о способах их соблюдения, рекомендации по принятию мер контроля и ответственности.

Утверждены программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении контроля в области ГА. В частности, такая программа утверждена на 2023 год.

В условиях санкционного давления государство оказывало помощь авиакомпаниям, предоставляло субсидии в целях обеспечения доступности авиаперевозок, особенности уплаты платежей по договорам лизинга иностранных ВС [33]. Особое внимание уделялось цифровизации в гражданской авиации: утверждены оцениваемые государственным контролем требования к автоматизированной информационной системе оформления авиаперевозок, базам данных, входящим в ее состав, порядку ее функционирования, информационно-телекоммуникационной сети, обеспечивающей ее работу, оператору, защите информации, электронным документам [34].

Для обеспечения целевого и обоснованного расходования бюджетных средств значение имеет утверждение нормативов финансовых затрат на капитальный ремонт аэродромных сооружений аэродромов гражданской авиации, находящихся в федеральной собственности, правил расчета размера бюджетных ассигнований на этот ремонт и межремонтных сроков его проведения. Устранению нарушений прав государства служит и принятие Положения о существенных условиях договоров аренды аэродромов гражданской авиации, находящихся в федеральной собственности, порядке определения размера арендной платы; порядке, условиях и сроках ее внесения [35].

Приняты нормативные акты о специалистах гражданской авиации (перечни работ, профессий, должностей, специалистов, профессиональные стандарты, требования к специалистам, их подготовке и аттестации, документам; медицинскому осмотру, допуску к работе, проверочным листам при контроле соблюдения требований, организациям образования авиаперсонала, к эксплуатантам, разработаны типовые программы для подготовки авиаперсонала [36].

Ужесточена административная ответственность за нарушение правил использования воздушного пространства России и нарушения в сфере эксплуатации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств [37].

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод, что стратегии и концепции, современная правовая основа о гражданской авиации, приняты. Однако нельзя не отметить декларативность концепций развития ГА, в которых целый раздел посвящается рискам их невыполнения. Полагаю, что отсутствует ряд важных актов. Необходимо принятие закона об аэропортовой деятельности, дальнейшее совершенствование регулирования вопросов, связанных с авиацией общего назначения, в том числе легких и сверхлегких ВС, об их учете; имущественных отношений в сфере ГА,

в том числе относительно брошенных аэродромов и посадочных площадок; контроля операторами аэропортов и аэродромов за соблюдением требований безопасности полетов собственниками или законными владельцами земельных участков на приаэродромной территории. В юридической литературе отмечается необходимость расширения возможностей доступа хозяйствующих субъектов к сфере деятельности в гражданской авиации, установления оснований включения авиапредприятий в Реестры субъектов естественных монополий. Необходимо воспроизвести в российском законодательстве нормы ИКАО и принятые во многих странах мира относительно БВС (держат БВС в пределах его визуальной видимости, проверять его исправность, исключить полеты в районах аэродромов, вертодромов, посадочных площадок,

приближенных к людям, или набор значительной высоты и пр.) и использования отдельных видов БЛА, ответственности за нарушение правил полетов БЛА [38; 39]. Отмечается также, что привлечение к ответственности по ст. 11.3 КоАП РФ за некоторые деяния, угрожающие безопасности полетов, в главе 23 КоАП РФ возложено на территориальные органы Росавиации (ст. 23.42 КоАП РФ), тогда как ответственность за эту безопасность несут операторы аэродромов и аэропортов.

Требуется мониторинг применения новых актов и своевременной их корректировки в случае необходимости. Обращает на себя внимание сложность принимаемых законов, в частности, о БЛА, о ТБ. Работа над созданием современной нормативной базы требует продолжения.

Библиографический список

1. Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 1944 г.), Конвенция для унификации некоторых правил международных перевозок (Монреаль, 1999 г.), Конвенция о возмещении ущерба, причиненного иностранным воздушным судном третьей стороне (Рим, 1952), Конвенция о международных воздушных перевозках (Варшава, 1929). Варшавская конвенция унифицировала правила воздушных перевозок, порядок и пределы ответственности, предъявление исков и претензий авиаперевозчику, перечень перевозочных документов. Римская – ответственность эксплуатанта за ущерб, определила понятие вреда; в 1978 г. принят Протокол к ней, расширивший это понятие и пределы ответственности. Важнейшими являются и приложения к Чикагской конвенции: Приложение № 1 – выдача свидетельств авиаперсоналу, № 2 – Правила полетов, № 3 – летная годность ВС, № 11 – управление безопасностью полетов, № 17 – Безопасность. Защита международной ГА от актов незаконного вмешательства) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 1970), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 1971), Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (Пекин, 2010 г.) и др. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20.08.2021 № 15 «О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2021–2023 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21mr0015>.
4. Федеральный закон от 30.12.2021 № 488-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405499.
5. Федеральные законы от 14.03.2022 № 56-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 19.12.2022 № 547-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411441; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434592/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7.
6. Постановление Правительства РФ от 12.04.2022 № 642 «Об утверждении Правил разработки и применения систем управления безопасностью полетов воздушных судов, а также сбора и анализа данных о факторах опасности и риска, создающих угрозу безопасности полетов гражданских воздушных судов, хранения этих данных и обмена ими в соответствии с международными стандартами Международной организации гражданской авиации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://government.ru/docs/all/140387>.
7. Распоряжение Правительства РФ от 19.07.2022 № 1973-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 07.09.2020 № 2278-р» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://gisprofi.com/gd/documents/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-19-07-2022-no-1973-r-o-vnesenii-izmenenij.html>.
8. Постановление Правительства РФ от 04.04.2000 № 303 (ред. от 12.09.2022) «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с экспериментальными воздушными судами в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901758382>.
9. Постановление Правительства РФ от 18.06.1998 № 609 (ред. от 29.12.2020) «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901711065>.
10. Федеральный закон от 14.03.2022 № 56-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Постановления Правительства РФ от 14.12.2021 № 2284; от 19.03.2022 № 415; от 25.03.2022 № 468; от 12.03.2022 № 353, от 09.05.2022 № 837; от 31.12.2020 № 2467 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Правительства РФ от 26.12.2022 № 2435 «О внесении изменений в приложение № 12 к постановлению Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 353» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280075>.
12. Приказ Росавиации от 24.06.2022 № 418-П «Об утверждении перечня областей аккредитации сертификационных центров и испытательных лабораторий». // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://favt.gov.ru/dokumenty-prikazy-rosaviacii/?id=9381>.

13. Постановление Правительства РФ от 28.02.2022 № 258 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2012 г. № 240» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203010048>.
14. Приказ Минпромторга России от 01.06.2022 № 2213 «Об осуществлении в 2022 году документарной и (или) выездной оценки соответствия лицензионным требованиям при предоставлении лицензии, внесении изменений в реестр лицензий по разработке, производству, испытанию и ремонту авиационной техники, за исключением беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, включающих беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее, и о вопросах подачи в 2022 году заявления и документов, необходимых для предоставления, внесения изменений в указанный реестр» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426064.
15. Постановления Правительства РФ от 19.03.2022 № 411 «Об особенностях государственной регистрации предназначенных для выполнения полетов гражданских воздушных судов в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации и государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними»; от 15.06.2022 № 1070 «О внесении изменений в пункт 1 постановления Правительства Российской Федерации от 19 марта 2022 г. № 411»; от 07.12.2022 № 2239 «Об утверждении Правил предоставления в 2023 году субсидий из федерального бюджета российским авиакомпаниям в целях возмещения операционных расходов на осуществление перевозок по внутренним воздушным линиям в условиях внешнего санкционного воздействия» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Приказ Минтранса России от 27.11.2020 № 518 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования, предъявляемые к предназначенным для взлета, посадки, руления и стоянки гражданских воздушных судов вертодромам» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573471042>.
17. Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 (ред. от 02.12.2020) «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98957.
18. Приказ Минтранса России от 27.11.2020 № 519 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к летной годности гражданских воздушных судов. Форма и порядок оформления сертификата летной годности гражданского воздушного судна. Порядок приостановления действия и аннулирования сертификата летной годности гражданского воздушного судна» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374380.
19. Постановление Правительства РФ от 02.12.2021 № 2183 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 1460» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070002>.
20. Приказ Минтранса России от 28.08.2020 № 331 «Об определении объектов транспортной инфраструктуры, не подлежащих категорированию по видам транспорта»; Постановление Правительства РФ от 29.11.2021 № 2090 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры воздушного транспорта, не подлежащих категорированию, и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 5 октября 2020 г. № 1603») // СПС «КонсультантПлюс».
21. Методические рекомендации по оформлению и заполнению заявления о проведении категорирования объектов транспортной инфраструктуры воздушного транспорта (утв. Росавиацией 10.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_393462.
22. Приказ МВД России от 06.07.2021 № 515 «Об утверждении Порядка выдачи органами внутренних дел Российской Федерации заключения о возможности (заключения о невозможности) допуска лиц к выполнению работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1057533>.
23. Приказ Минтранса России от 23.06.2021 № 208 «Об утверждении Порядка обеспечения доступа к данным с технических средств обеспечения транспортной безопасности на объекте транспортной инфраструктуры или транспортном средстве подразделениям федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, Федеральной службы по надзору в сфере транспорта и передачи таких данных в служебные помещения на объекте транспортной инфраструктуры, предоставленные (переданные) территориальным органам и (или) подразделениям указанных федеральных органов исполнительной власти для выполнения задач на объекте транспортной инфраструктуры в соответствии с установленными полномочиями» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202240020>.
24. Постановление Правительства РФ от 21.04.2022 № 731 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для транспортных средств воздушного транспорта, и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 5 октября 2020 г. № 1604» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204220051>.
25. Федеральные законы от 30.12.2021 № 488-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации»; от 14.03.2022 № 56-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 12.08.2022 № 1407 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658» // СПС «КонсультантПлюс».
26. Федеральный закон от 02.07.2021 № 349-ФЗ «О внесении изменения в статью 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»; Постановление Правительства РФ от 09.09.2021 № 1530 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2012 г. № 240 и перечень федеральных органов исполнительной власти и государственных корпораций, осуществляющих лицензирование конкретных видов деятельности, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 957» // СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановления Правительства РФ от 19.03.2022 № 415 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658» и от 25.03.2022 № 468 «Об утверждении Правил подготовки и принятия решения о введении и (или) об отмене ответных ограничений, предусмотренных абзацем первым пункта 4 статьи 23.1 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Приказ Минпромторга России от 05.12.2018 № 4855 «Об утверждении Федеральных авиационных правил подготовки к полетам воздушных судов экспериментальной авиации и их экипажей, осуществления контроля за их готовностью и выполнения полетов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906130030?ranGeSize=Все>.
29. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1064 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области гражданской авиации»; Приказ Минтранса России от 30.11.2021 № 424 «Об утверждении индикативных показателей для федерального государственного контроля (надзора) в области гражданской авиации» // СПС «КонсультантПлюс».
30. Приказ Минтранса России от 30.11.2021 № 423 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области гражданской авиации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112280075>.
31. Приказы Ространснадзора от 15.12.2020 № ВБ-870фс «Об утверждении перечня нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности»; от 20 марта 2023 г. № ВБ-71фс «О внесении изменений в приказ Ространснадзора от 15.12.2020 № ВБ-870фс «Об утверждении Перечня нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».
32. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2467 «Об утверждении перечня нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актов, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений Государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101090025>.
33. Постановления Правительства РФ от 22.09.2021 № 1597; от 15.10.2021 № 1749; от 25.12.2021 № 2477 и № 2478; от 27.04.2022 № 761; от 27.05.2022 № 955; от 28.05.2022 № 970; от 01.09.2022 № 1529; от 19.03.2022 № 412; от 11.04.2022 № 635 // СПС «КонсультантПлюс».
34. Постановления Правительства РФ от 08.08.2022 № 1393 «Об утверждении требований к автоматизированной информационной системе оформления воздушных перевозок, к базам данных, входящим в ее состав, к информационно-телекоммуникационной сети, обеспечивающей работу указанной автоматизированной информационной системы, к ее оператору, а также мер по защите информации, содержащейся в ней, и порядка ее функционирования и изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»; от 31.12.2020 № 2467 // СПС «КонсультантПлюс».
35. Постановление Правительства РФ от 09.11.2022 № 2017 «Об утверждении нормативов финансовых затрат на капитальный ремонт аэродромных сооружений гражданской авиации, находящихся в федеральной собственности, Правил расчета размера бюджетных ассигнований на капитальный ремонт аэродромных сооружений аэродромов гражданской авиации, находящихся в федеральной собственности, а также межремонтных сроков проведения капитального ремонта аэродромных сооружений аэродромов гражданской авиации, находящихся в федеральной собственности»; от 27.12.2017 № 1666 «Об утверждении Положения о существенных условиях договоров аренды аэродромов гражданской авиации, находящихся в федеральной собственности, порядке определения размера арендной платы по таким договорам, а также о порядке, об условиях и о сроках ее внесения» // СПС «КонсультантПлюс».
36. Федеральный закон от 11.06.2021 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и статью 7 Федерального закона «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»; Постановления Правительства РФ от 26.10.2020 № 1742; от 29.12.2020 № 2349; от 12.03.2022 № 353; от 17.02.2022 № 193; Приказы Минтранса России от 19.10.2022 № 419; от 07.06.2022 № 215; от 13.05.2022 № 177; от 07.11.2019 № 360; от 10.12.2021 № 437 и № 438; от 11.02.2022 № 41; от 06.04.2022 № 121; от 12.01.2022 № 10; Распоряжение Минтранса России от 29.07.2022 № ИЧ-191-р; Приказ Росавиации от 11.11.2021 № 844-П; Приказ Минтруда России от 04.08.2022 № 464н; Приказ Минздрава России от 10.02.2022 № 66н // СПС «КонсультантПлюс».
37. Федеральный закон от 26.07.2019 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»; от 02.08.2019 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 13.3 и 13.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
38. Трофимов С. В. Правовое регулирование использования воздушных судов гражданской авиации. Иркутск: БГУ, 2018. 210 с.
39. Трусов А. И. Административно-правовое регулирование полетов квадрокоптеров в России // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 64–66. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42678777>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ineasb>.

References

1. *Konventsiya o mezhdunarodnoi grazhdanskoi aviatsii (Chikago, 1944 g.)* [Convention on International Civil Aviation (Chicago, 1944)], *Konventsiya dlya unifikatsii nekotorykh pravil mezhdunarodnykh perevozk (Monreal', 1999 g.)* [Convention for the Unification of Certain Rules of International Carriage (Montreal, 1999)], *Konventsiya o vozmeshchenii ushcherba, prichinennogo inostrannym vozдушным судном tret'ei storone (Rim, 1952)* [Convention on Compensation for Damage Caused by a Foreign Aircraft to a Third Party (Rome, 1952)], *Konventsiya o mezhdunarodnykh vozдушnykh perevozkakh (Varshava, 1929)* [Convention on International Air Transportation (Warsaw, 1929)]. The Warsaw Convention unified the rules of air transportation, the procedure and limits of liability, submission of claims and reclamations to the air carrier, the list of transportation documents. The Roman – liability of the operator for damage, defined the concept of harm; in 1978 a Protocol to it was adopted, which expanded this concept and the limits of responsibility. The most important are the annexes to the Chicago Convention: Annex № 1 – issue of certificates to air personnel, № 2 – Flight Rules, № 3 – airworthiness, № 11 – flight safety management, № 17 – Safety. Protection of the international GA from acts of unlawful interference). Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

2. *Konventsiya o bor'be s nezakonnym zakhvatom vozdushnykh sudov (Gaaga, 1970)* [The Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft (The Hague, 1970)], *Konventsiya o bor'be s nezakonnymi aktami, napravlennymi protiv bezopasnosti grazhdanskoi aviatsii (Monreal', 1971)* [The Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (Montreal, 1971)], *Konventsii o bor'be s nezakonnymi aktami v otnoshenii mezhdunarodnoi grazhdanskoi aviatsii (Pekin, 2010 g.)* [Convention for the Suppression of Unlawful Acts against International Civil Aviation (Beijing, 2010)], etc. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
3. *Rasporyazhenie Evraziiskogo mezhpriatel'stvennogo soveta ot 20.08.2021 № 15 «O plane meropriyatii («dorozhnoi karte») po realizatsii Osnovnykh napravlenii i etapov realizatsii skoordinirovannoi (soglasovannoi) transportnoi politiki gosudarstv – chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza na 2021 – 2023 gody»* [Order of the Eurasian Intergovernmental Council № 15 dated August 20, 2021 «On the action plan («road map») for the implementation of the Main Directions and Stages of the Implementation of the Coordinated (Agreed) Transport Policy of the Member States of the Eurasian Economic Union for 2021–2023»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.alt.ru/tamdoc/21mr0015/> [in Russian].
4. *Federal'nyi zakon ot 30.12.2021 № 488-FZ (red. ot 14.03.2022) «O vnesenii izmenenii v Vozdushnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Federal law № 488-FZ as of 30.12.2021 (as amended on 14.03.2022) «On Amendments Being Made to the Air Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405499/ [in Russian].
5. *Federal'nye zakony ot 14.03.2022 № 56-FZ (red. ot 19.12.2022) «O vnesenii izmenenii v Vozdushnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Laws № 56-FZ as of 14.03.2022 (as amended on 19.12.2022) «On Amendments Being Made to the Air Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»], *ot 19.12.2022 № 547-FZ «O vnesenii izmenenii v Vozdushnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [№ 547-FZ as of 19.12.2022 «On Amendments Being Made to the Air Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411441, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434592/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7 [in Russian].
6. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12.04.2022 № 642 «Ob utverzhdenii Pravil razrabotki i primeneniya sistem upravleniya bezopasnost'yu poletov vozdushnykh sudov, a takzhe sbora i analiza dannykh o faktorakh opasnosti i riska, sozdanykh uchastnikami bezopasnosti poletov grazhdanskikh vozdushnykh sudov, khraneniya etikh dannykh i obmena imi v sootvetstviy s mezhdunarodnymi standartami Mezhdunarodnoi organizatsii grazhdanskoi aviatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation № 642 dated 12.04.2022 «On Approval of the Rules for the Development and Application of Aircraft Safety Management Systems, as Well as the Collection and Analysis of Data on Hazard and Risk Factors that Pose a Threat to the Safety of Civil Aircraft, the Storage and Exchange of This Data in Accordance with International Standards of the International Civil Aviation Organization and Recognition Invalidated of Certain Acts of the Government of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://government.ru/docs/all/140387> [in Russian].
7. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19.07.2022 № 1973-r «O vnesenii izmenenii v rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 07.09.2020 № 2278-r»* [Order of the Government of the Russian Federation № 1973-r dated 07.07.2022 «On Amendments Being Made to the Order of the Government of the Russian Federation № 2278-r dated 07.09.2020»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://gisprofi.com/gd/documents/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-19-07-2022-№-1973-r-o-vnesenii-izmenenij.html> [in Russian].
8. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.04.2000 № 303 (red. ot 12.09.2022) «Ob utverzhdenii Pravil rassledovaniya aviatsionnykh proisshествii i insidentov s eksperimental'nymi vozdushnymi sudami v Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation as of 04.04.2000 № 303 (as amended on 12.09.2022) «On Approval of the Rules for the Investigation of Aviation Accidents and Incidents with Experimental Aircraft in the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901758382> [in Russian].
9. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.06.1998 № 609 (red. ot 29.12.2020) «Ob utverzhdenii Pravil rassledovaniya aviatsionnykh proisshествii i insidentov s grazhdanskimi vozdushnymi sudami v Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation № 609 dated 18.06.1998 (as amended on 29.12.2020) «On Approval of the Rules for the Investigation of Aviation Accidents and Incidents with Civil Aircraft in the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901711065> [in Russian].
10. *Federal'nyi zakon ot 14.03.2022 № 56-FZ (red. ot 19.12.2022) «O vnesenii izmenenii v Vozdushnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law № 56-FZ dated 14.03.2022 (as amended on 19.12.2022) «On Amendments Being Made to the Air Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»]; *Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 14.12.2021 № 2284* [Resolutions of the Government of the Russian Federation № 2284 as of 14.12.2021]; *ot 19.03.2022 № 415* [№ 415 as of 19.03.2022]; *ot 25.03.2022 № 468* [№ 468 as of 25.03.2022]; *ot 12.03.2022 № 353* [№ 353 as of 12.03.2022]; *ot 09.05.2022 № 837* [№ 837 as of 09.05.2022]; *ot 31.12.2020 № 2467* [№ 2467 as of 31.12.2020]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
11. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.12.2022 № 2435 «O vnesenii izmenenii v prilozhenie № 12 k postanovleniyu Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 12 marta 2022 g. № 353»* [Decree of the Government of the Russian Federation № 2435 dated 26.12.2022 «On Amendments Being Made to Annex № 12 to the Decree of the Government of the Russian Federation № 353 dated March 12, 2022»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280075> [in Russian].
12. *Prikaz Rosaviatsii ot 24.06.2022 № 418-P «Ob utverzhdenii perechnya oblastei akkreditatsii sertifikatsionnykh tsentrov i ispytatel'nykh laboratorii»* [Order of the Federal Air Transport Agency № 418-P dated 24.06.2022 «On approval of the list of areas of accreditation of certification centers and testing laboratories»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://favt.gov.ru/dokumenty-prikazy-rosaviacii/?id=9381> [in Russian].
13. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.02.2022 № 258 «O vnesenii izmenenii v postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 marta 2012 g. № 240»* [Decree of the Government of the Russian Federation dated 28.02.2022 № 258 «On Amendments Being Made to the Decree of the Government of the Russian Federation dated March 28, 2012 № 240»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203010048> [in Russian].
14. *Prikaz Minpromtorga Rossii ot 01.06.2022 № 2213 «Ob osushchestvlenii v 2022 godu dokumentarnoi i (ili) vyezdnoi otsenki sootvetstviya litsenziy trebovaniyam pri predostavlenii litsenzii, vnesenii izmenenii v reestr litsenzii po razrabotke, proizvodstvu,*

ispytaniyu i remontu aviatsionnoi tekhniki, za isklyucheniem bespilotnykh aviatsionnykh sistem i (ili) ikh elementov, vklyuchayushchikh bespilotnye grazhdanskije vozdushnye suda s maksimal'noi vzletnoi massoi 30 kilogrammov i menee, i o voprosakh podachi v 2022 godu zayavleniya i dokumentov, neobkhodimyykh dlya predostavleniya, vneseniya izmenenii v ukazannyi reestr» [Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation № 2213 dated 01.06.2022 «On the Implementation in 2022 of a Documentary and (or) On-Site Assessment of Compliance with Licensing Requirements when Granting a License, Amendments to the Register of Licenses for the Development, Production, Testing and Repair of Aviation Equipment, with the Exception of Unmanned Aircraft Systems and (or) Their Elements, including Unmanned Civil Aircraft with a Maximum Take-off Weight of 30 Kilograms or less, and on the Issues of Submitting an Application and Documents Required for the Provision of, Making Changes to the Specified Register»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426064/ [in Russian].

15. *Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 19.03.2022 № 411 «Ob osobennostyakh gosudarstvennoi registratsii prednaznachennykh dlya vypolneniya poletov grazhdanskikh vozdushnykh sudov v Gosudarstvennom reestre grazhdanskikh vozdushnykh sudov Rossiiskoi Federatsii i gosudarstvennoi registratsii prav na vozdushnye suda i sdelok s nimi*» [Decree of the Government of the Russian Federation № 411 dated 19.03.2022 «On the Specifics of State Registration of Civil Aircraft Intended for Flight Operations in the State Register of Civil Aircraft of the Russian Federation and State Registration of Rights to Aircraft and Transactions with Them»]; *ot 15.06.2022 № 1070 «O vnesenii izmenenii v punkt 1 postanovleniya Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 19 marta 2022 g. № 411*» [dated 15.06.2022 № 1070 «On Amendments to Paragraph 1 of the Decree of the Government of the Russian Federation dated March 19 2022 № 411»]; *ot 07.12.2022 № 2239 «Ob utverzhenii Pravil predostavleniya v 2023 godu subsidii iz federal'nogo byudzheta rossiiskim aviakompaniyam v tselyakh vozmeshcheniya operatsionnykh raskhodov na osushchestvlenie perevozok po vnutrennim vozdushnym liniyam v usloviyakh vneshnego sanktsionnogo vozdeistviya*» [№ 2239 dated 07.12.2022 «On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Russian Airlines in 2023 in Order to Reimburse Operating Expenses for Domestic Air Transportation under Conditions of External Sanctions»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

16. *Prikaz Mintransa Rossii ot 27.11.2020 № 518 «Ob utverzhenii Federal'nykh aviatsionnykh pravil «Trebovaniya, pred'yavlyaemye k prednaznachennym dlya vzleta, posadki, ruleniya i stoyanki grazhdanskikh vozdushnykh sudov vertodromam*» [Order of the RF Ministry of Transportation № 518 dated 27.11.2020 «On Approval of Federal Aviation Regulations «Requirements, applicable to heliports intended for take-off, landing, taxiing and parking of civil aircraft»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/573471042> [in Russian].

17. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.03.2010 № 138 (red. ot 02.12.2020) «Ob utverzhenii Federal'nykh pravil ispol'zovaniya vozdushnogo prostranstva Rossiiskoi Federatsii*» [Decree of the Government of the Russian Federation dated 11.03.2010 № 138 (as amended on 02.12.2020) «On approval of the Federal Rules for the Use of the Airspace of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98957 [in Russian].

18. *Prikaz Mintransa Rossii ot 27.11.2020 № 519 «Ob utverzhenii Federal'nykh aviatsionnykh pravil «Trebovaniya k letnoi godnosti grazhdanskikh vozdushnykh sudov. Forma i poryadok oformleniya sertifikata letnoi godnosti grazhdanskogo vozdushnogo sudna. Poryadok priostanovleniya deistviya i annullirovaniya sertifikata letnoi godnosti grazhdanskogo vozdushnogo sudna*» [Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 519 dated 27.11.2020 «On approval of Federal aviation regulations «Requirements for the airworthiness of civil aircraft. The form and procedure for issuing a certificate of airworthiness of a civil aircraft. The procedure for suspending and revoking the certificate of airworthiness of a civil aircraft»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374380 [in Russian].

19. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.12.2021 № 2183 «O vnesenii izmenenii v postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 2 dekabrya 2017 g. № 1460*» [Resolution of the Government of the Russian Federation as of 02.12.2021 № 2183 «On Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation as of December 2, 2017 № 1460»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070002> [in Russian].

20. *Prikaz Mintransa Rossii ot 28.08.2020 № 331 «Ob opredelenii ob'ektov transportnoi infrastruktury, ne podlezhashchikh kategorirovaniyu po vidam transporta*» [Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 331 dated 28.08.2020 «On the definition of transport infrastructure facilities that are not subject to categorization by type of transport»]; *postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2021 № 2090 «Ob utverzhenii trebovaniy po obespecheniyu transportnoi bezopasnosti, v tom chisle trebovaniy k antiterroristicheskoi zashchishchennosti ob'ektov (territorii), uchityvayushchikh urovni bezopasnosti dlya ob'ektov transportnoi infrastruktury vozdushnogo transporta, ne podlezhashchikh kategorirovaniyu, i priznaniyu utrativshim silu postanovleniya Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 5 oktyabrya 2020 g. № 1603*» [Decree of the Government of the Russian Federation № 2090 dated 29.11.2021 «On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for anti-terrorist protection of objects (territories) that take into account security levels for air transport infrastructure facilities vehicles that are not subject to categorization and invalidation of the decree of the Government of the Russian Federation as of October 5, 2020 № 1603»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

21. *Metodicheskie rekomendatsii po oformleniyu i zapolneniyu zayavleniya o provedenii kategorirovaniya ob'ektov transportnoi infrastruktury vozdushnogo transporta (utv. Rosaviatsiei 10.08.2021)* [Methodological recommendations for the design and filling out of the application for the categorization of air transport infrastructure objects (approved by Rosaviation as of 10.08.2021)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_393462 [in Russian].

22. *Prikaz MVD Rossii ot 06.07.2021 № 515 «Ob utverzhenii Poryadka vydachi organami vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii zaklyucheniya o vozmozhnosti (zaklyucheniya o nevozmozhnosti) dopuska lits k vypolneniyu rabot, neposredstvenno svyazannykh s obespecheniem transportnoi bezopasnosti*» [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06.07.2021 № 515 «On approval of the procedure for issuing an opinion by the Internal Affairs bodies of the Russian Federation on the possibility (conclusion on impossibility) of admitting persons to perform work directly related to ensuring transport security»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://mvd.consultant.ru/documents/1057533> [in Russian].

23. *Prikaz Mintransa Rossii ot 23.06.2021 № 208 «Ob utverzhenii Poryadka obespecheniya dostupa k dannym s tekhnicheskikh sredstv obespecheniya transportnoi bezopasnosti na ob'ekte transportnoi infrastruktury ili transportnom sredstve podrazdeleniyam federal'nogo organa ispolnitel'noi vlasti v oblasti obespecheniya bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii, federal'nogo organa ispolnitel'noi vlasti, osushchestvlyayushchego funktsii po vyrabotke gosudarstvennoi politiki i normativno-pravovomu regulirovaniyu v sfere vnutrennikh del, Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere transporta i peredachi takikh dannykh v sluzhebnye pomeshcheniya na ob'ekte transportnoi infrastruktury, predostavlennye (peredannye) territorial'nym organam i (ili) podrazdeleniyam ukazannykh federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti dlya vypolneniya zadach na ob'ekte transportnoi infrastruktury v sootvetstviy s ustanovlennymi polnomochiyami*» [Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 208 dated 23.06.2021 «On approval of the procedure for providing access to data from technical means of ensuring transport security at a transport infrastructure facility or vehicle to subdivisions of

the federal executive authority in the field of security of the Russian Federation, the federal executive authority responsible for the development of state policy and regulatory regulation in the field of internal affairs, the federal service for supervision in the field of transport and the transfer of such data to the office premises at the transport infrastructure facility provided (transferred) to the territorial bodies and (or) subdivisions of the specified federal executive authorities to perform tasks at the transport infrastructure facility in accordance with the established powers». Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202240020> [in Russian].

24. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.04.2022 № 731 «Ob utverzhenii trebovaniy po obespecheniyu transportnoi bezopasnosti, uchityvayushchikh urovni bezopasnosti dlya transportnykh sredstv vozdušnogo transporta, i priznanii utrativshim silu postanovleniya Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 5 oktyabrya 2020 g. № 1604»* [Decree of the Government of the Russian Federation № 731 of 21.04.2022 «On approval of requirements for ensuring transport security, taking into account the safety levels for air transport vehicles, and invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation № 1604 as of October 5, 2020»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204220051> [in Russian].

25. *Federal'nye zakony ot 30.12.2021 № 488-FZ «O vnesenii izmenenii v Vozdushnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Laws dated 30.12.2021 № 488-FZ «On Amendments Being Made to the Air Code of the Russian Federation»], *ot 14.03.2022 № 56-FZ «O vnesenii izmenenii v Vozdushnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii»* [dated 14.03.2022 № 56-FZ «On Amendments Being Made to the Air Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»]; *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12.08.2022 № 1407 «O vnesenii izmenenii v postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 25 maya 2019 g. № 658»* [Decree of the Government of the Russian Federation dated 12.08.2022 № 1407 «On Amendments Being Made to the Decree of the Government of the Russian Federation dated May 25, 2019 № 658»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

26. *Federal'nyi zakon ot 02.07.2021 № 349-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 12 Federal'nogo zakona «O litsenzirovaniy otdel'nykh vidov deyatel'nosti»* [Federal Law № 349-FZ as of 02.07.2021 «On Amendments Being Made to Article 12 of the Federal Law «On Licensing of Certain Types of Activities»]; *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 09.09.2021 № 1530 «O vnesenii izmenenii v postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 marta 2012 g. № 240 i perechen' federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti i gosudarstvennykh korporatsii, osushchestvlyayushchikh litsenzirovanie konkretnykh vidov deyatel'nosti, utverzhdeniy postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 21 noyabrya 2011 g. № 957»* [Decree of the Government of the Russian Federation as of 09.09.2021 № 1530 «On Amendments Being Made to the Decree of the Government of the Russian Federation as of March 28, 2012 № 240 and the list of federal executive authorities and state corporations, carrying out licensing of specific types of activities, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 21, 2011 № 957»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

27. *Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 19.03.2022 № 415 «O vnesenii izmenenii v postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 25 maya 2019 g. № 658» i ot 25.03.2022 № 468 «Ob utverzhenii Pravil podgotovki i prinyatiya resheniya o vvedenii i (ili) ob otmene otvetnykh ogranichenii, predusmotrennykh abzatsom pervym punkta 4 stat'yi 23.1 Kodeksa vnutrennego vodnogo transporta Rossiiskoi Federatsii»* [Resolutions of the Government of the Russian Federation as of 19.03.2022 № 415 «On Amendments Being Made to the Decree of the Government of the Russian Federation as of May 25, 2019 № 658 and as of 25.03.2022 № 468 «On Approval of the Rules for the Preparation and Decision-Making on the Introduction and (or) Cancellation of Retaliatory Restrictions Provided For in Paragraph one of Paragraph 4 of Article 23.1 of the Inland Water Code Transport of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

28. *Prikaz Minpromtorga Rossii ot 05.12.2018 № 4855 «Ob utverzhenii Federal'nykh aviatsionnykh pravil podgotovki k poletam vozdušnykh sudov eksperimental'noi aviatsii i ikh ekipazhei, osushchestvleniya kontrolya za ikh gotovnost'yu i vypolneniya poletov»* [Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation dated 05.12.2018 № 4855 «On approval of the Federal aviation regulations for the preparation for flights of experimental aircraft and their crews, monitoring their readiness and flight performance»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906130030?rangeSize=Bce> [in Russian].

29. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.06.2021 № 1064 «Ob utverzhenii Polozheniya o federal'nom gosudarstvennom kontrole (nadzore) v oblasti grazhdanskoj aviatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation № 1064 dated 30.06.2021 «On Approval of the Regulations on Federal State Control (Supervision) in the Field of Civil Aviation»]; *Prikaz Mintransa Rossii ot 30.11.2021 № 424 «Ob utverzhenii indikativnykh pokazatelei dlya federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti grazhdanskoj aviatsii»* [Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 424 dated 30.11.2021 «On Approval of Indicative Indicators for Federal State Control (Supervision) in the Field of Civil Aviation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

30. *Prikaz Mintransa Rossii ot 30.11.2021 № 423 «Ob utverzhenii perechnya indikatorov riska narusheniya obyazatel'nykh trebovaniy pri osushchestvlenii federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti grazhdanskoj aviatsii»* [Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 423 dated 30.11.2021 «On approval of the list of indicators of the risk of violation of mandatory requirements in the implementation of Federal state control (supervision) in the field of civil aviation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112280075> [in Russian].

31. *Priказы Rostransnadzora ot 15.12.2020 № VB-870fs «Ob utverzhenii perechnya normativnykh pravovykh aktov (ikh otdel'nykh polozhenii), soderzhashchikh obyazatel'nye trebovaniya, otsenka soblyudeniya kotorykh osushchestvlyayetsya v ramkakh gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), privilecheniya k administrativnoi otvetstvennosti»; ot 20 marta 2023 g. № VB-71fs «O vnesenii izmenenii v prikaz Rostransnadzora ot 15.12.2020 № VB-870fs «Ob utverzhenii Perechnya normativnykh pravovykh aktov (ikh otdel'nykh polozhenii), soderzhashchikh obyazatel'nye trebovaniya, otsenka soblyudeniya kotorykh osushchestvlyayetsya v ramkakh gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), privilecheniya k administrativnoi otvetstvennosti»* [Orders of Rostransnadzor dated 15.12.2020 № VB-870fs «On approval of the list of regulatory legal acts (their separate provisions) containing mandatory requirements, the assessment of compliance with which is carried out within the framework of state control (supervision), bringing to administrative responsibility»]; [dated March 20, 2023. № VB-71fs «On amendments being made to the Order of Rostransnadzor dated 15.12.2020 № VB-870fs «On approval of the list of regulatory legal acts (their individual provisions) containing mandatory requirements, the assessment of compliance with which is carried out within the framework of state control (supervision), bringing to administrative responsibility»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

32. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.12.2020 № 2467 «Ob utverzhenii perechnya normativnykh pravovykh aktov i grupp normativnykh pravovykh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii, normativnykh pravovykh aktov, otdel'nykh polozhenii normativnykh pravovykh aktov i grupp normativnykh pravovykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti, pravovykh aktov, otdel'nykh*

polozhenii pravovykh aktov, grupp pravovykh aktov ispolnitel'nykh i rasporyaditel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti RSFSR i Soyuz SSSR, reshenii Gosudarstvennoi komissii po radiochastotam, soderzhashchikh obyazatel'nye trebovaniya, v otnoshenii kotorykh ne primenyayutsya polozheniya chastei 1, 2 i 3 stat'i 15 Federal'nogo zakona «Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh v Rossiiskoi Federatsii» [Resolution of the Government of the Russian Federation dated 31.12.2020 № 2467 «On approval of the list of regulatory legal acts and groups of regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts, individual provisions of regulatory legal acts and groups of regulatory legal acts of federal executive authorities, legal acts, individual provisions of legal acts, groups of legal acts of executive and administrative state authorities of the RSFSR and the USSR, decisions of the State Commission on Radio Frequencies containing mandatory requirements, in respect of which the provisions of Parts 1, 2 and 3 of Article 15 of the Federal Law «On mandatory requirements in the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101090025> [in Russian].

33. *Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 22.09.2021 № 1597* [Resolutions of the Government of the Russian Federation dated 22.09.2021 № 1597]; *ot 15.10.2021 № 1749* [dated 15.10.2021 № 1749]; *ot 25.12.2021 № 2477 i № 2478* [dated 25.12.2021 № 2477 and № 2478]; *ot 27.04.2022 № 761* [dated 27.04.2022 № 761]; *ot 27.05.2022 № 955* [dated 27.05.2022 № 955]; *ot 28.05.2022 № 970* [dated 28.05.2022 № 970]; *ot 01.09.2022 № 1529* [dated 01.09.2022 № 1529]; *ot 19.03.2022 № 412* [dated 19.03.2022 № 412]; *ot 11.04.2022 № 635* [dated 11.04.2022 № 635]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

34. *Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 08.08.2022 № 1393 «Ob utverzhdenii trebovaniy k avtomatizirovannoi informatsionnoi sisteme oformleniya vozdukhnykh perevozok, k bazam dannykh, vkhodyashchim v ee sostav, k informatsionno-telekommunikatsionnoi seti, obespechivayushchei rabotu ukazannoi avtomatizirovannoi informatsionnoi sistemy, k ee operatoru, a takzhe mer po zashchite informatsii, soderzhashcheisya v nei, i poryadka ee funktsionirovaniya i izmenenii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation № 1393 dated 08.08.2022 «On approval of requirements for the automated information system for registration of air transportation, to the databases that are part of it, to the information and telecommunications network that ensures the operation of the specified automated information system, to its operator, as well as measures to protect the information contained therein, and the procedure of its functioning and modification and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation»]; *ot 31.12.2020 № 2467* [dated 31.12.2020 № 2467]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

35. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 09.11.2022 № 2017 «Ob utverzhdenii normativov finansovykh zatrat na kapital'nyi remont aerodromnykh sooruzhenii aerodromov grazhdanskoi aviatsii, nakhodyashchikhsya v federal'noi sobstvennosti, Pravitel'stva razmera byudzhetykh assignovaniy na kapital'nyi remont aerodromnykh sooruzhenii aerodromov grazhdanskoi aviatsii, nakhodyashchikhsya v federal'noi sobstvennosti, a takzhe mezhdromnykh strokov provedeniya kapital'nogo remonta aerodromnykh sooruzhenii aerodromov grazhdanskoi aviatsii, nakhodyashchikhsya v federal'noi sobstvennosti»* [Resolution of the Government of the Russian Federation dated 09.11.2022 № 2017 «On approval of the standards of financial costs for the overhaul of aerodrome structures of civil aviation airfields owned by the Federal Government, the rules for calculating the amount of budget allocations for the overhaul of aerodrome structures of civil aviation airfields owned by the Federal Government, as well as the inter-repair deadlines for the overhaul of aerodrome structures of civil aviation airfields, which are in federal ownership»]; *ot 27.12.2017 № 1666 «Ob utverzhdenii Polozheniya o sushchestvennykh usloviyakh dogovorov arendy aerodromov grazhdanskoi aviatsii, nakhodyashchikhsya v federal'noi sobstvennosti, poryadke opredeleniya razmera arendnoi platy po takim dogovoram, a takzhe o poryadke, ob usloviyakh i o strokakh ee vneseniya»* [dated December 27, 2017 № 1666 «On approval of the regulations on the essential terms of lease agreements for civil aviation airfields that are in federal ownership, the procedure for determining the amount of rent under such agreements, as well as the procedure, conditions and timing of its payment»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

36. *Federal'nyi zakon ot 11.06.2021 № 208-FZ «O vnesenii izmenenii v Vozdukhnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i stat'yu 7 Federal'nogo zakona «O Gosudarstvennoi korporatsii po kosmicheskoi deyatel'nosti «Roskosmos»* [Federal Law № 208-FZ of 11.06.2021 «On amendments being made to the Air Code of the Russian Federation and Article 7 of the Federal Law «On the State Corporation for Space Activities «Roscosmos»»]; *Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 26.10.2020 № 1742* [Resolutions of the Government of the Russian Federation № 1742 as of 26.10.2020]; *ot 29.12.2020 № 2349* [№ 2349 as of 29.12.2020]; *ot 12.03.2022 № 353* [№ 353 as of 12.03.2022]; *ot 17.02.2022 № 193* [№ 193 as of 17.02.2022]; *Prikazy Mintransa Rossii ot 19.10.2022 № 419* [Orders of the Ministry of Transport № 419 as of 19.10.2022]; *ot 07.06.2022 № 215* [№ 215 as of 07.06.2022]; *ot 13.05.2022 № 177* [№ 177 as of 13.05.2022]; *ot 07.11.2019 № 360* [№ 360 as of 07.11.2019]; *ot 10.12.2021 № 437 i № 438* [№ 437 and № 438 as of 10.12.2021]; *ot 11.02.2022 № 41* [№ 41 as of 11.02.2022]; *ot 06.04.2022 № 121* [№ 121 as of 06.04.2022]; *ot 12.01.2022 № 10* [№ 10 as of 12.01.2022]; *Rasporyazhenie Mintransa Rossii ot 29.07.2022 № ICH-191-r* [Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № ICH-191-r as of 29.07.2022]; *Prikaz Rosaviatsii ot 11.11.2021 № 844-P* [Order of the Federal Air Transport Agency № 844-P as of 11.11.2021]; *Prikaz Mintruda Rossii ot 04.08.2022 № 464n* [Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation № 464n as of 04.08.2022]; *Prikaz Minzdrava Rossii ot 10.02.2022 № 66n* [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 66n as of 10.02.2022]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

37. *Federal'nyi zakon ot 26.07.2019 № 217-FZ «O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh»* [Federal Law № 217-FZ as of 26.07.2019 «On Amendments Being Made to the Code of the Russian Federation on Administrative Offences»]; *ot 02.08.2019 № 317-FZ «O vnesenii izmenenii v stat'i 13.3 i 13.4 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh»* [dated 02.08.2019 № 317-FZ «On Amendments Being Made to Articles 13.3 and 13.4 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

38. Trofimov S. V. *Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya vozdukhnykh sudov grazhdanskoi aviatsii* [Legal regulation of the use of civil aviation aircrafts]. Irkutsk: BGU, 2018, 210 p. [in Russian].

39. Trusov A. I. *Administrativno-pravovoe regulirovanie poletov kvadropteroz v Rossii* [Administrative and legal regulation of quadcopter flights in Russia]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2020, no. 4, pp. 64–66. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42678777>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ineasb> [in Russian].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-75-80

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.22

Дата поступления: 20.04.2023
рецензирования: 23.05.2023
принятия: 25.07.2023

Особенности правового регулирования трудовых отношений в период проведения частичной мобилизации

В. А. Процевский

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: vaprotsevskiy@sevsu.ru

Д. В. Киселев

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: kiselevv92@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются правовые особенности регулирования трудовых отношений в Российской Федерации, вызванные проведением частичной мобилизации в 2022 году. В ходе проведения специальной военной операции на территории Украины возникла необходимость осуществления мобилизационных мероприятий, которые повлекли издержки в отечественной экономике. Мобилизация 300 тысяч работоспособных человек не могла не сказаться на правовом регулировании трудовых отношений. В связи с этим законодательной властью Российской Федерации были приняты изменения и дополнения в Трудовой кодекс. Целью публикации является раскрытие особенностей регулирования трудовых отношений в период проведения мобилизации. В статье использованы такие общенаучные методы исследования, как обобщение, анализ и конкретизация. На основе сопоставления и анализа правового регулирования трудовых отношений во время проведения мобилизации в 1914, 1941 и 2022 годах авторы приходят к выводу о неизбежности принятия новых изменений в российском законодательстве.

Ключевые слова: правовое регулирование; специальная военная операция; Трудовой кодекс; трудовые отношения во время мобилизации; частичная мобилизация.

Цитирование: Процевский В. А., Киселев Д. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений в период проведения частичной мобилизации // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-75-80>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Процевский В. А., Киселев Д. В., 2023

Виктор Александрович Процевский – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Трудовое право», Юридический институт, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

Дмитрий Валерьевич Киселев – студент гражданско-правового профиля, Юридический институт, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.04.2023
Revised: 23.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Specificity of legal regulation of labor relations during partial mobilization

V. A. Protsevskiy

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
E-mail: vaprotsevskiy@sevsu.ru

D. V. Kiselev

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

E-mail: kiselevv92@yandex.ru

Abstract: This article examines the legal features of regulation of labor relations in the Russian Federation, caused by the partial mobilization in 2022. In the course of a special military operation on the territory of Ukraine there was a need for mobilization measures, which caused costs in the domestic economy. Mobilization of three hundred thousand able-bodied people could not but affect the legal regulation of labor relations. In this regard, the legislative authorities of the Russian Federation have adopted amendments and additions to the Labor Code. The purpose of the publication is to reveal the peculiarities of regulation of labor relations during the mobilization. The article uses such general scientific methods of research as generalization, analysis and concretization. On the basis of comparison and analysis of legal regulation of labor relations during mobilization in 1914, 1941 and 2022 the authors come to a conclusion about inevitability of new changes in the Russian legislation.

Key words: legal regulation; labor code; labor relations during mobilization; partial mobilization; special military operation.

Citation. Kiselev D. V., Protsevskiy V. A. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii v period provedeniya chastichnoi mobilizatsii* [Specificity of legal regulation of labor relations during partial mobilization]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-75-80> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declare no conflict of interest.

© Protsevskiy V. A., Kiselev D. V., 2023

Victor A. Protsevskiy – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Labor Law, Law Institute, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Dmitry V. Kiselev – student of civil law profile, Law Institute, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Мобилизация в истории Российского государства официально объявлялась трижды: в 1914, 1941 и 2022 годах. Несмотря на то что во время Первой и Второй мировых войн мобилизация была всеобщей, а в наше время – частичной, у мобилизованных всегда были особые трудовые права.

В силу определенного уровня эволюции российского законодательства, Трудового кодекса, как такового, к 1914 году не существовало. Было лишь Фабричное законодательство, которое не регулировало трудовые права мобилизованных.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война являлась глобальным военным конфликтом, требующим значительного количества военнослужащих на фронте. Так, в ходе проведения мобилизационных мероприятий за три года войны было призвано около 16 миллионов человек, 12 миллионов из которых были жителями деревень и сел. Этим был нанесен существенный урон экономике государства.

Для решения проблемы оттока работников в 1915 году были созданы трудовые дружины, в которые входили ученики различных классов всех общеобразовательных учреждений [1, с. 189]. Данная практика положительно сказалась на посевных кампаниях в сельском хозяйстве. Помимо этого, к труду в сельском хозяйстве привлекались военнопленные, на Дальнем Востоке – наемные корейские и китайские рабочие. С 1917-го к работам в сельском хозяйстве привлекались солдаты тыловых гарнизонов [1, с. 191].

Относительно трудовых прав мобилизованных необходимо отметить отсрочку от призыва для квалифицированных рабочих технических специальностей. Для наращивания военного производства к октябрю 1916 года такие отсрочки получили свыше 2 миллионов человек, 308 тысяч из которых были возвращены с фронта [2, с. 74]. Помимо это-

го, бронь от мобилизации получали большинство чиновников и государственных служащих.

Помощь семьям мобилизованных также была скудна: в соответствии с «Положением о призыве нижних воинских чинов и их семейств от 25 июля 1912 г.» жены призванных запасных нижних чинов и сами солдаты имели право ходатайствовать о назначении пособия. Однако оно полагалось только законной жене и ее детям. Так, например, во Владивостоке семья солдата получала 3 руб. 20 коп. в месяц. На эту сумму можно было приобрести пуд пшеничного хлеба.

Регулирование трудовых правоотношений мобилизованных заключалось лишь в предоставлении некоторым квалифицированным работникам отсрочки от призыва для работы на благо военно-промышленного комплекса и фронта в целом. Этот факт обусловлен также тем, что мобилизация была всеобщей. Какие-либо трудовые льготы, компенсации семьям в условиях мировой войны, нарастающего социально-политического кризиса государственный бюджет не выдержал бы.

Спустя несколько десятилетий после проведения первой мобилизации наше государство столкнулось с новой мировой угрозой – фашистской Германией. В связи с этим на передовую, как и во время Первой мировой войны, понадобилось значительное число военных. Так, за 4 года Великой Отечественной войны в ряды Красной армии было мобилизовано порядка 34,5 миллиона человек.

К 1941 году правовые институты государства значительно изменились в сравнении с 1914 годом. К этому времени был принят Кодекс законов о труде (КЗоТ РСФСР), который, в сравнении с Фабричным законодательством, был более совершенным [3].

С началом Второй мировой и Великой Отечественной войн трудовые правоотношения

граждан, подлежащих мобилизации, регулировались следующим образом:

Во-первых, бронь от мобилизации получали следующие категории населения:

- граждане, занимающие руководящие должности в партийных организациях, в органах государственной власти (председатели обкомов, райкомов);
- директора заводов, фабрик, промышленных предприятий;
- специалисты среднего звена заводов и фабрик;
- квалифицированные работники предприятий;
- сотрудники учреждений, отвечающих за жизнеобеспечение и безопасность населенных пунктов;
- работники идеологического фронта (художники, музыканты, поэты, писатели, ученые);
- несоответствующие по состоянию здоровья.

С одной стороны, осознавая все происходящее со страной в тот момент, многие граждане, имеющие бронь, пренебрегали своим правом и записывались на фронт добровольцами.

С другой стороны, были нередки случаи демобилизации из армии граждан, ранее работавших в особо важных отраслях промышленности и экономики.

Во-вторых, в условиях мировой войны Советскому Союзу необходимо было переориентировать экономику на военные рельсы. Для достижения этого результата был принят ряд нормативных актов, ограничивающих права граждан, например:

- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и др.

Таким образом, советское трудовое законодательство ужесточалось по обоснованным причинам. Вводилась обязательная трудовая мобилизация населения для работы на промышленных предприятиях и на предприятиях сельского хозяйства, ведь, как и во время Первой мировой войны, в нашем государстве наблюдался существенный отток рабочей силы. Так, число рабочих сократилось с 31,8 млн человек в первом полугодии 1941 г. до 18 млн человек в начале 1942 г. [4, с. 17]. Отменялись отпуска и выходные дни. Данные меры позволили максимально учесть и мобилизовать значительные трудовые резервы, направить их в важнейшие отрасли производства, обслуживающие нужды фронта. [4, с. 18]

Все работники предприятий, расположенных вблизи фронта, получали статус мобилизованных и закреплялись за своим рабочим местом.

В-третьих, 6 мая 1942 г. было принято Постановление СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны». Данное постановление обязывало инвалидов трудоустроиваться на оборонные и иные предприятия. При этом государство гарантировало им различные льготы: пособия по временной нетрудоспособности

выплачивались им в размере 100 % заработка независимо от стажа непрерывной работы, за ними в полном объеме сохранялась пенсия независимо от размера заработной платы [4, с. 19].

Для пенсионеров сохранялся размер их пенсии, вне зависимости от заработка.

В-четвертых, ряд изменений в КЗоТ РСФСР включал в себя следующие положения: к случаям введения трудовой повинности добавлялись оборонные мероприятия, охрана путей сообщений, сооружений средств связи и т. д. [5, с. 157]. Помимо этого, вводились обязательные сверхурочные работы, отменялась возрастная граница в 18 лет (в целях привлечения несовершеннолетних к труду).

Таким образом, трудовые правоотношения во время проведения мобилизации в советский период регулировались значительно лучше, чем в Российской империи. Данные меры послужили одним из решающих факторов в победе нашего государства над мировым фашизмом. Несмотря на значительные ограничения, такие как установление уголовной ответственности для руководителей и работников за нарушение трудовой дисциплины, отмена отпусков, обязательная сверхурочная работа и др., миллионы граждан, в том числе и инвалиды, добросовестно выполняли свои обязанности.

Защита Отечества является долгом гражданина Российской Федерации [6]. Столкнувшись с непосредственной угрозой военной агрессии по отношению к РФ, Верховный главнокомандующий 21 сентября 2022 года объявил о начале проведения частичной мобилизации.

В ходе мобилизационных мероприятий было призвано около 300 тысяч человек. Данная цифра обусловлена масштабом конфликта: если прошлые две мобилизации проходили во время мировых войн, количество армий исчислялось миллионами солдат, то сегодняшняя мобилизация проходит в рамках специальной военной операции, в которой задействован ограниченный контингент войск.

Однако изъятие 300 тысяч работоспособных граждан из экономики государства негативно на ней сказывается. Кроме того, это наносит урон тем семьям, в которых единственным источником дохода обладал мобилизованный гражданин.

Призванные по мобилизации граждане получили ряд прав, льгот и компенсаций, принятых ранее как на федеральном, так и на региональном, а также на локальном уровнях. К таким относятся:

- все социальные гарантии и льготы для военнослужащих по контракту, указанные в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76 «О статусе военнослужащих»;
- единовременная федеральная выплата всем мобилизованным в размере 195 тысяч рублей [7];
- ветеранские льготы. Все граждане, проходящие военную службу в рамках специальной военной операции, будут приравнены к ветеранам боевых действий [8]. Соответственно, им будет предоставлен весь перечень льгот, прописанный в Федеральном законе от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»;

– право на кредитные каникулы. Каждый военнослужащий на период проведения специальной военной операции может воспользоваться временным прекращением платежей по кредиту;

– единовременная региональная выплата мобилизованным. Ее размер устанавливается региональными властями. Так, например, в Севастополе она составляет 200 тысяч рублей, когда как в Калмыкии она всего лишь 50 тысяч рублей;

– освобождение от уплаты пени за просрочку коммунальных платежей.

Семьи военнослужащих также имеют ряд льгот: например, дети имеют приоритетное право на поступление в школу и в вузы на бюджетной основе, а все члены семьи могут пользоваться бесплатной медицинской помощью в медицинских учреждениях Минобороны.

Важную роль в поддержке мобилизованных играют региональные власти. Так, например, в Республике Крым участники специальной военной операции освобождены от уплаты налогов до момента демобилизации, а для работодателей, чьи сотрудники мобилизованы, изменяются сроки предоставления деклараций по налогу на имущество организации.

В г. Севастополе принят закон о комплексной поддержке мобилизованных [9]. В него входят следующие льготы:

- содействие в трудоустройстве;
- бесплатный проезд в общественном транспорте;
- 50 % компенсация на оплату жилого помещения и коммунальных услуг;
- право на получение бесплатной юридической помощи и др.

Таким образом, количество льгот для мобилизованных граждан и их семей является значительным.

Согласно указу Президента РФ «Об объявлении частичной мобилизации в РФ», мобилизованные граждане приравниваются к военнослужащим по контракту [10]. Исходя из этого, трудовые правоотношения мобилизованных должны регулироваться федеральными законами «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих».

Трудовой кодекс РФ не распространяется на военнослужащих, исполняющих свои обязанности военной службы.

Однако в исследуемой ситуации мобилизованные, хоть и приравниваются к военнослужащим по контракту, фактически остаются гражданскими работниками. Они не планировали заключать контракт с Вооруженными силами РФ, этого потребовал конституционный долг по защите Родины. Соответственно, появилась необходимость регулирования трудовых отношений между работодателем и работником, подлежащим мобилизации.

Согласно Федеральному закону «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», следующие категории граждан имеют отсрочку от призыва по мобилизации [11]:

– забронированные для нужд промышленности сотрудники;

– временно несоответствующие по состоянию здоровья;

– постоянно ухаживающие за близким человеком, если других опекунов нет;

– отцы трех и более детей;

– члены Совета Федерации и Государственной думы.

Кроме того, с момента вступления в силу Указа Президента РФ «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации» отсрочку от мобилизации имеют студенты очной и очно-заочной формы обучения высших учебных заведений, имеющих аккредитацию [12].

Кроме того, Министерство обороны РФ и Министерство цифрового развития РФ приняли решение о предоставлении отсрочки от мобилизации для сотрудников аккредитованных IT-организаций. Таким образом, работники определенных технических профессий, особенно узкоспециализированных, не призываются на фронт в целях дальнейшего продуктивного функционирования отраслевых предприятий.

Помимо этого, в перечень «забронированных» граждан были внесены российские адвокаты. В конце ноября Союз адвокатов России добился от исполнительной власти РФ получения права на бронь от частичной мобилизации, аргументировав это тем, что в нашем государстве низкое соотношение адвокатов и обычных граждан: 1 адвокат на 1974 человека.

В октябре 2022-го Трудовой кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 351.7 в связи с проведением частичной мобилизации [13].

С начала действия частичной мобилизации возникли определенные проблемы в регулировании трудовых отношений и защите прав мобилизованных.

Известны случаи, когда работодатели увольняли мобилизованных сотрудников до принятия поправок в Трудовой кодекс РФ. Чтобы избежать привлечения к ответственности, работодатель обязан:

– отменить приказ об увольнении такого работника;

– отменить передачу сведений об увольнении, направленные в ПФР;

– сделать соответствующую запись об отмене приказа об увольнении в трудовую книжку;

– издать приказ о приостановлении трудового договора.

Также требуется решение вопроса о возобновлении действия трудового договора. Изменения в ТК РФ указывают на то, что работник после демобилизации должен вернуться на работу в течение трех месяцев. Рекомендуем работодателям не увольнять мобилизованных сотрудников по истечении трех месяцев со дня окончания СВО. Необходимо направить запрос в соответствующий военкомат и лично связаться с работником.

Предлагаем внести следующие дополнения в законодательство Российской Федерации:

1. Внести в ст. 351.7 Трудового кодекса РФ следующие дополнения:

– заключение срочного договора, который предполагает замещение мобилизованного работ-

ника иным лицом, должно происходить в первую очередь с гражданином, попавшим под сокращение численности штата работников;

– в случае смерти мобилизованного работника во время несения военной службы трудовой договор прекращает действие. С замещающим его работником по срочному договору по инициативе сторон должен быть заключен бессрочный трудовой договор, рабочее место передается замещающему работнику;

– в случае получения инвалидности мобилизованным работником (позволяющей продолжать прежнюю работу), за ним сохраняется рабочее место с неполным рабочим днем и полной заработной платой;

– работодатель не вправе расторгнуть трудовой договор с работником-женщиной, являющейся женой мобилизованного гражданина.

2. Внести в п. 3³ Постановления Правительства РФ от 16 июля 2014 г. № 665 «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение» следующее изменение:

– Периоды участия в специальной военной операции в периоды, указанные в подпунктах «а» - «в» пункта 3³ настоящего постановления, исчисляются в тройном размере (вместо «в двойном размере»).

Подобная мера практиковалась в Советском Союзе, когда день службы военных приравнялся к трем дням работы на гражданской основе.

3. При мобилизации единственного руководителя ИП встает вопрос о дальнейшем продолжении предпринимательской деятельности. В ФЗ РФ «О мобилизации» дается 5-дневная отсрочка для решения этого вопроса [11]. Однако этого срока может быть недостаточно для переоформления ИП на другого гражданина, и тогда возникает необходимость расторжения трудовых договоров со всеми работниками. Однако мы считаем необходимым внесение поправок в действующее законодательство, касающееся деятельности ИП.

Предлагаем дополнить ст. 18 ФЗ РФ «О мобилизации» следующим пунктом:

– единственный руководитель ИП, оформленного до 21 сентября 2022 года.

4. Дополнить ст. 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи» пунктом 9:

– участники специальной военной операции – граждане Российской Федерации, а также члены их семей.

5. Перераспределить расходы федерального бюджета РФ на 2023–2024 гг. в пользу статей «Об обороне» с 20 % до 24 %.

Существующие проблемы в реализации трудовых правоотношений будут решены путем внесения изменений и дополнений в Трудовой кодекс РФ и другие нормативно-правовые акты.

Библиографический список

1. Чубаров А. И. Формирование и деятельность трудовых дружин в Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 194. С. 185–193. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-185-193>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tzywbe>.
2. Шенин И. А. Мобилизация русской армии и ее пополнение людскими ресурсами в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Военный академический журнал. 2016. № 3 (11). С. 72–76. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26901814>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wqrzvn>.
3. О введении в действие Кодекса законов о труде РСФСР: постановление ВЦИК от 9 ноября 1922 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1431.htm.
4. Епифанова Е. В. Изменения в трудовом праве в период Второй мировой войны // Очерки новейшей камералистики. 2020. № 2. С. 16–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43147118>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jmzgrc>.
5. Масюк В. И. Трудовое законодательство СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2 (23). С. 155–160. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23287769>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tpptqf>.
6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2022 № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных силах Российской Федерации» // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211030044>.
8. Федеральный закон от 21.11.2022 № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О ветеранах”» // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211210035>.
9. Законодательное собрание города Севастополя: Закон города Севастополя от 1 декабря 2022 года № 720-ЗС «О социальной поддержке участников специальной военной операции, членов их семей и членов семей погибших (умерших) участников специальной военной операции в городе Севастополе и о внесении изменений в некоторые законодательные акты...» [Электронный ресурс]. URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/2022/zakon_n_720_zs_ot_01_12_2022/opublikovanie/.

10. Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001>.
11. Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (последняя редакция) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2022) // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045871>.
12. Указ Президента Российской Федерации от 24.09.2022 № 664 «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации» // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209240020>.
13. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279>.

References

1. Chubarov A. I. *Formirovanie i deyatelnost' trudovykh družhin v Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voyny* [Formation and activity of labor squads in the Russian Empire during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2021, vol. 26, no. 194, pp. 185–193. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-185-193>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tzywbe> [in Russian].
2. Shein I. A. *Mobilizatsiya russkoi armii i ee popolnenie lyudskimi resursami v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1918 gg.)* [Mobilization of the Russian army and its personnel reinforcement in the First World War (1914–1918)]. *Voennyi akademicheskii zhurnal* [The Military Academic Journal], 2016, no. 3 (11), pp. 72–76. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26901814>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wqrzvn> [in Russian].
3. *O vvedenii v deistvie Kodeksa zakonov o trude RSFSR: postanovlenie VTsIK ot 9 noyabrya 1922 g.* [On the entry into force of the Labor Code of the RSFSR: Decree of the All-Russian Central Executive Committee as of November 9, 1922]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1431.htm [in Russian].
4. Epifanova E. V. *Izmeneniya v trudovom prave v period vtoroi mirovoi voyny* [Changes in labor law during Second World War]. *Ocherki noveishei kameralistiki* [Essays on Recent Cameralistics], 2020, no. 2, pp. 16–22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43147118>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jmzgrc> [in Russian].
5. Masyuk V. I. *Trudovoe zakonodatel'stvo SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [The labor law of USSR in days of the Great Patriotic War]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2015, no. 2 (23), pp. 155–160. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23287769>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tpptqf> [in Russian].
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]* [The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the national vote on July 01, 2020]]. Retrieved from official internet–portal of legal information. Available at: <http://pravo.gov.ru/constitution/> [in Russian].
7. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 02.11.2022 № 787 «O edinovremennoi denezhnoi vyplate voennosluzhashchim, prokhodyashchim voennuyu sluzhbu po kontraktu v Vooruzhennykh silakh Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation as of 02.11.2022 № 787 «On a one-time cash payment to military personnel serving under a contract in the Armed Forces of the Russian Federation»]. Retrieved from official internet–portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211030044> [in Russian].
8. *Federal'nyi zakon ot 21.11.2022 № 450-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O veteranaxh»* [Federal law № 450-FZ dated November 21, 2022 «On Amendments to the Federal Law «On Veterans»]. Retrieved from official internet–portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211210035> [in Russian].
9. *Zakonodatel'noe sobranie goroda Sevastopolya: Zakon goroda Sevastopolya ot 1 dekabrya 2022 goda № 720-ZS «O sotsial'noi podderzhke uchastnikov spetsial'noi voennoi operatsii, chlenov ikh semei i chlenov semei pogibshikh (umershikh) uchastnikov spetsial'noi voennoi operatsii v gorode Sevastopole i o vnesenii izmenenii v nekotorye zakonodatel'nye akty...»* [Legislative Assembly of the city of Sevastopol: Law of the city of Sevastopol dated December 1, 2022 № 720-ZS «On social support for participants in a special military operation, members of their families and family members of the dead (deceased) participants in a special military operation in the city of Sevastopol and on amendments to some legislative acts...»]. Available at: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/2022/zakon_n_720_zs_ot_01_12_2022/opublikovanie/ [in Russian].
10. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21.09.2022 № 647 «Ob ob'yavlenii chastichnoi mobilizatsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation as of September 21, 2022 № 647 «On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation»]. Retrieved from official internet–portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001> [in Russian].
11. *Federal'nyi zakon ot 26.02.1997 № 31-FZ (poslednyaya redaktsiya) «O mobilizatsionnoi podgotovke i mobilizatsii v Rossiiskoi Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 15.11.2022)* [Federal Law No. 31-FZ as of February 26, 1997 (last edition) «On mobilization training and mobilization in the Russian Federation» (as amended effective of November 15, 2022)]. Retrieved from official internet–portal of legal information. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045871> [in Russian].
12. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 24.09.2022 № 664 «O predostavlenii otsrochki ot prizyva na voennuyu sluzhbu po mobilizatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation as of September 24, 2022 № 664 «On granting a deferment from conscription for military service for mobilization»]. Retrieved from official internet–portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209240020> [in Russian].
13. *«Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii» ot 30.12.2001 № 197-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [«Labor Code of the Russian Federation» dated December 30, 2001 № 197-FZ (last edition)]. Retrieved from official internet–portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-81-90

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

Дата поступления : 20.04.2023
рецензирования: 21.05.2023
принятия: 25.07.2023

Деятельность органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере криптовалютных активов)

Д. М. Фарахийев

Управление экономической безопасности и противодействия коррупции
МВД по Республике Татарстан, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: dfarakhiev@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы деятельности сотрудников органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с криптовалютными активами. В процессе глобальной цифровизации общество перешло на применение информационно-телекоммуникационных технологий в различных сферах жизнедеятельности. Тенденция использования информационно-телекоммуникационных технологий набирает оборот и в противоправных слоях общества. Преступники все чаще используют инновационные технологии в целях совершения преступлений. В исследовании комплексному анализу подвергается понятие и особенности криптовалюты, а также наиболее распространенные преступления, посягающие на криптовалютные активы и (или) совершаемые с их использованием. Эффективность деятельности органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере криптовалютных активов), строится на организационных формах взаимодействия между подразделениями органов внутренних дел. В заключение предлагается алгоритм действий, направленных на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности по линии борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий, в частности криптовалютных активов.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии; криптовалютные активы; криптовалютные биржи; раскрытие; расследование; органы внутренних дел; деанонимизация; подготовительные и процессуальные документы.

Цитирование. Фарахийев Д. М. Деятельность органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере криптовалютных активов) // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-81-90>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Фарахийев Д. М., 2023

Динар Минзиферович Фарахийев – оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан, 420012, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лобачевского, 9/30.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.04.2023
Revised: 21.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Activities of internal affairs bodies in the process of detection and investigation of crimes committed with the use of information and communication technologies (on the example of cryptocurrency assets)

D. M. Farakhiev

Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation
E-mail: dfarakhiev@mail.ru

Abstract: This article discusses topical issues of the activities of employees of the internal affairs bodies in the process of disclosing and investigating crimes committed with cryptocurrency assets. In the process of global digitalization, society has switched to the use of information and telecommunication technologies in various spheres of life. The trend of using information and telecommunication technologies is gaining momentum in the illegal strata of society. Criminals are increasingly using innovative technologies to commit crimes. The study provides a comprehensive analysis of the concept and features of cryptocurrency, as well as the most common crimes that infringe on cryptocurrency assets and (or) are committed with their use. The effectiveness of the activities of internal affairs bodies in the process of detecting and investigating crimes committed using information and communication technologies (on the example of cryptocurrency assets) is based on organizational forms of interaction between departments of internal affairs bodies. In conclusion, an algorithm of actions is proposed aimed at improving the efficiency of operational activities in the fight against the illegal use of information and communication technologies, in particular, cryptocurrency assets.

Key words: information and telecommunication technologies; cryptocurrency assets; cryptocurrency exchanges; disclosure; investigation; law enforcement agencies; deanonymization; preparatory and procedural documents.

Citation. Farakhiev D. M. *Deyatel'nost' organov vnutrennikh del v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii (na primere kriptovalyutnykh aktivov)* [Activities of internal affairs bodies in the process of detection and investigation of crimes committed with the use of information and communication technologies (on the example of cryptocurrency assets)]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-81-90> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Farakhiev D. M., 2023

Dinar M. Farakhiev – criminal intelligence detective of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Tatarstan, 9/30, Lobachevsky Street, Kazan, 420012, Russian Federation.

Борьба с преступлениями, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является наиболее приоритетным направлением в деятельности органов внутренних дел [1, с. 60]. Оперативное и своевременное принятие мер по предупреждению преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, эффективно отражается на общей обстановке в стране и повышает авторитет органов внутренних дел. На наш взгляд, эффективность проводимых предупредительных мероприятий зависит от комплексного подхода к решению исследуемой проблемы.

На протяжении нескольких лет на территории России отмечается увеличение количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (рис. 1). Число преступлений из года в год увеличивается прямо пропорционально числу пользователей сети Интернет. Как справедливо отмечает К. О. Карабеков: «Темпы роста преступности в глобальной сети Интернет являются самыми быстрыми на планете» [2, с. 25].

На основе вышеуказанного рисунка мы видим, что количество преступлений, совершенных с использованием компьютерной техники, расчетных (пластиковых) карт, сети Интернет и средств мобильной связи

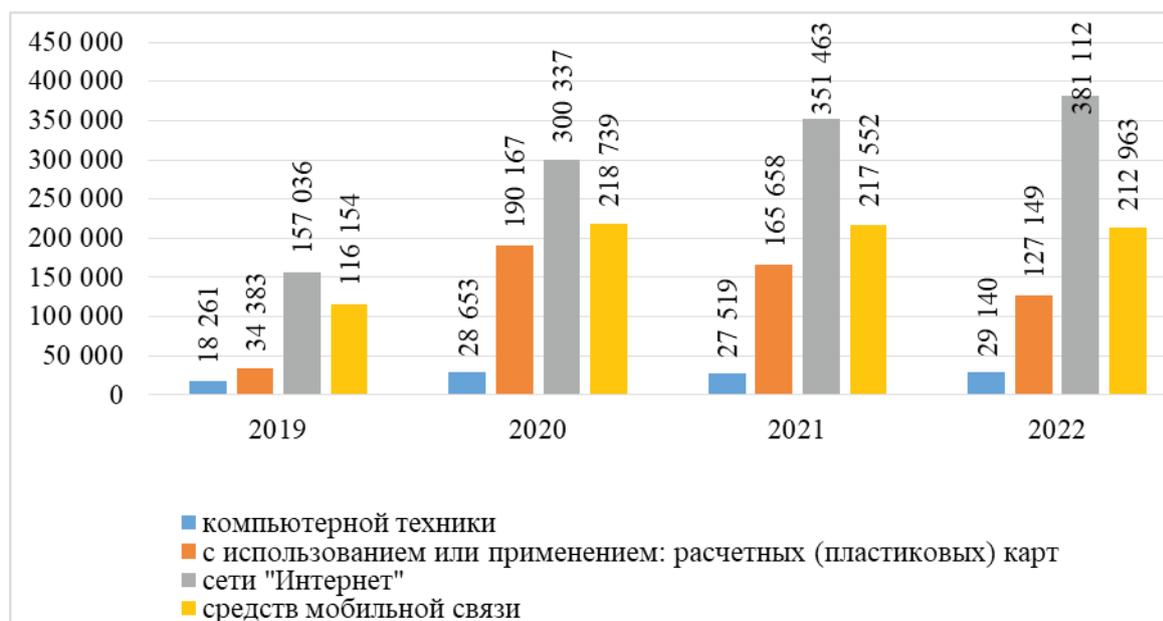

Рисунок 1 – Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий за период времени с 2019 по 2022 г. на территории Российской Федерации

Figure 1 – Number of registered crimes committed using information and telecommunication technologies for the period from 2019 to 2022 on the territory of the Russian Federation

бильной связи за период времени с 2019 по 2022 г. увеличивается, что, в свою очередь, порождает использование цифровых финансовых активов при совершении преступлений.

Цифровые финансовые активы и криптовалюта – это новые явления в экономике и праве. Ежедневно в мире и в стране совершается множество транзакций с применением виртуальных валют. В одном из своих выступлений Президент РФ В. В. Путин справедливо заявил, что: «Прежде всего это возможность отмывания капиталов, полученных преступным путем, ухода от налогов и финансирование даже терроризма, ну и, конечно, распространение мошеннических схем, жертвами которых, безусловно, могут стать рядовые граждане» [3].

В настоящее время большое внимание государства уделяется правовому регулированию цифровых финансовых активов, в частности криптовалютных активов, что подтверждается принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259) [4]. Положения данного закона легализуют криптовалюту, но запрещают ее использование в России для оплаты товаров и услуг.

Следует отметить, что ФЗ № 259 не содержит в себе четкого определения «криптовалюта». В связи с чем криптовалюту можно рассматривать в качестве электронного имущества, созданного при помощи криптографических средств и учитываемого в реестре цифровых транзакций, в соответствии с закрепленными правилами его ведения. По мнению доктора юридических наук Ю. В. Гаврилина, криптовалюта представляет собой «распределенную, основанную на математических принципах пиринговую виртуальную валюту с открытым исходным кодом, при использовании которой отсутствует централизованный администратор, а также соответствующие контроль и надзор (Bitcoin, Litecoin, Ripple) со стороны государственных органов или иных третьих лиц» [5, с. 48].

По мнению The Financial Action Task Force (далее – FATF), под виртуальной валютой следует понимать средство, которое выражает стоимость, представленное в электронном виде и выступающее в качестве средства обмена; средство хранения самой стоимости, которое не подпадает под понятие законного платежного средства [6].

По мнению АО «Лаборатория Касперского», под криптовалютой следует понимать: «Любой вид валюты в цифровой или виртуальной форме»; «Криптовалюта – это цифровая платежная система, при проверке транзакций которой не участвует банки» [7]. Таким образом, можно сделать вывод, что под криптовалютой следует понимать разновидность платежного средства, учет которого обеспечивается децентрализованной платежной системой.

Процесс цифровизации породил появление новых способов совершения преступлений, как с

использованием криптовалютных активов, так и в отношении них. Использование криптовалютных активов в процессе совершения преступлений с применением шифрования IP-адресов негативно сказывается на деятельности органов внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в частности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, затрудняет процесс деанонимизации лиц, совершающих исследуемые преступления [8, с. 250], а также ограничивает возможность использования криптовалютных активов в качестве вещественных доказательств по уголовным делам.

В своих исследованиях Ю. В. Гаврилин рассматривает использование криптовалют в процессе совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [9]. Так, автор отмечает, что: «если до 2014 года сбыт наркотических средств осуществлялся преимущественно способом «из рук в руки», то с развитием цифровых технологий он стал осуществляться с использованием электронных торговых площадок в теневом сегменте сети Интернет (преимущественно на платформе Hydra), принимающих оплату посредством криптовалюты (обеспечивая тем самым анонимность сделок) и передающих информацию о местонахождении заранее оборудованных тайников – «закладок», в которых находятся запрещенные препараты» [5, с. 7–8].

Согласно результатам проведенного исследования – изучения материалов уголовных дел, следует, что криптовалюта активно используется при совершении следующих преступлений: ст. 158, 159, 159.4, 159.6, 161, 162, 163, 174.1, 210, 228–228.1, 228.3, 229.1, 230, 272 УК РФ).

В своих исследованиях В. В. Пущкарев и А. Ю. Терехов выделяют определенную классификацию преступлений с использованием криптовалют в соответствии с различными признаками. К ним авторы относят, в частности, «1. Преступления, связанные с майнингом. 2. Преступления, связанные с обменом криптовалют и фиатных валют. 3. Кража криптовалюты. 4. Мошенничество под предлогом и/или с использованием криптовалют. 5. Мошенничество с использованием криптовалюты в информационно-телекоммуникационном пространстве. 6. Самая большая категория киберпреступлений с криптовалютами связана с хакерскими атаками на обменники криптовалют с помощью создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ и в дальнейшем непосредственно с кражей криптовалют или фишингом» [10, с. 123–125].

На сегодняшний день можно справедливо заявить, что криптовалютные активы все чаще фигурируют в правоприменительной практике. Одним из наиболее нашумевших дел в первой половине 2023 года является «дело Марата Тамбиева», который, по версии ГСУ СКР и надзирающей за ним Генпрокуратуры, получил от подследственных ха-

коров взятку в биткойнах, соответствующую почти \$24 млн [11].

На наш взгляд, интерес со стороны общества к криптовалютным активам повышается, в результате чего увеличивается и ее популярность при совершении преступлений. Увеличение количества преступлений, совершаемых с участием криптовалютных активов, порождает проблемы у органов предварительного расследования относительно инновационных способов совершения преступлений в процессе производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [12, с. 180–181].

Проведенный анализ материалов уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории показал, что при их расследовании следователи сталкиваются с определенными трудностями в установлении:

а) IP-адресов, сведений о технических устройствах, с которых преступниками осуществлялся выход в сеть Интернет, фактического адреса данных лиц;

б) регистрации доменных имен на территории Российской Федерации, при которых используются хостинговые площадки операторов из-за рубежа;

в) владельцев криптокошельков, поскольку при регистрации необходимо ввести лишь адрес электронной почты и пароль к счету криптовалюты [13, с. 46].

Организационными формами взаимодействия в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалютных активов, являются:

– взаимодействие и координация действий между подразделениями органов внутренних дел: следователями, оперативниками и экспертами-криминалистами;

– взаимодействие при анализе собранных сведений, полученных в рамках производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– составление плана расследования, в том числе производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– обмен значимой информацией по материалу проверки или возбужденному уголовному делу;

– разработка и внедрение в практику методических и научно-практических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере криптовалютных активов).

Рассматривая практические аспекты раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе с использованием криптовалютных активов, необходимо рассмотреть технологии, позволяющие деанонимизировать лиц, совершающих данные преступления, а также сами криптокошельки. Так, к числу специализированных коммерческих продуктов, которые направлены на деанонимизацию криптокошель-

ков, следует относить: Crystal Blockchain Analytics & Crypto Compliance; Chainalysis: The Blockchain Data Platform; Ciphertrace; Elliptic: Blockchain Analytics & Crypto Compliance Solutions и др. К наиболее распространенным криптовалютам на территории нашей страны относятся Bitcoin Cash, Litecoin, Zcash, Ethereum. В целях анализа данных криптовалют предлагается использовать платформу GraphSense [14, с. 105].

Все централизованные криптовалютные биржи (которых большинство на рынке) хранят средства пользователей на своих «горячих» адресах¹, проводят (в той или иной степени) процедуру идентификации своих пользователей и ведут логи (журнал) активности пользователей. Децентрализованные криптовалютные биржи не хранят средства пользователей и сами пользователи осуществляют транзакции со своих «холодных» адресов², при этом многие из них имеют логи активности своих пользователей. Каждая биржа имеет собственный порядок предоставления сведений, некоторые вовсе не отвечают на запросы органов государственной власти.

На основе проведенного исследования нами предлагается классификация способов получения доказательственной базы по уголовным делам:

– показания участников уголовного процесса;

– осмотр устройств, предметов и документов;

– наведение справок;

– осуществление внутреннего и внешнего взаимодействия в целях получения информации, имеющей значение для уголовного дела;

– специальное исследование информации в системе блокчейн.

При допросе участников уголовного дела мы выделяем следующие характерные черты:

– при отправке криптовалюты с биржи – максимально полно зафиксировать данные аккаунта на бирже, отразив их в протоколе;

– по возможности приложить скриншоты совершения исходящих платежей с биржи, историю пополнения средств на этой бирже;

– при отправке криптовалюты с «холодного» кошелька – отразить в протоколе, каким программным обеспечением пользовалось лицо;

– отразить в протоколе, каким образом осуществлялась транзакция (само лицо отправило активы или доступ к управлению активами был получен третьими лицами незаконно);

– зафиксировать суммы транзакций с указанием криптовалюты платежей, даты, времени, криптовалютного адреса получателя средств, а также, по возможности, указать хеш-идентификатор и криптовалютный адрес отправителя средств.

¹ Горячий адрес/кошелек – такой адрес, приватные ключи от которого хранятся у какого-то доверенного лица, не являющегося владельцем активов на адресе (например, у криптовалютной биржи или онлайн-кошелька криптовалют).

² Холодный адрес/кошелек – такой адрес, приватные ключи от которого (и, как следствие – право распоряжаться активами на адресе) хранятся у самого пользователя.

После допроса необходимо назначить специальное исследование, к особенностям которого следует относить следующее:

- точное указание реквизитов (криптовалютные адреса, хеш-идентификаторы транзакций и прочее);
- наличие вопросов по интересующему периоду, за который нужно изучить технологию блокчейн;
- наличие вопроса о поступлении средств на криптовалютные адреса, ассоциируемые с централизованными криптовалютными биржами;

– запрос на информацию о программном обеспечении, используемом при проведении специального исследования? и номере его лицензии;

– указание на необходимость предоставления визуализации предоставленной информации при наличии к тому технической возможности.

При составлении процессуальных документов по уголовным делам, связанным с обращением цифровых финансовых активов, в частности криптовалютных активов (на примере хищений), необходимо обращать внимание на определенные этапы и аспекты, указанные ниже (рис. 2).

Рисунок 2 – Этапы и условия при составлении процессуальных документов по уголовным делам, связанным с обращением цифровых финансовых активов

Figure 2 – Stages and conditions in the preparation of procedural documents in criminal cases related to the circulation of digital financial assets

1. В процессе принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо опросить лицо, у которого были похищены криптовалютные активы, и:

1.1. Определить, был ли осуществлен перевод средств преступникам с криптовалютной биржи:

1.1.1. Если да, то какой и на какие персональные данные верифицирован аккаунт потерпевшего, зафиксировав ФИО, номер телефона, наименование электронной почты, идентификатор аккаунта и прочее); 1.1.2. В случае перевода средств с внебирже-

вых кошельков необходимо установить, каким программным обеспечением пользовался потерпевший и каким образом происходила транзакция.

1.2. Задokumentировать суммы транзакций с указанием криптовалюты платежей, даты, времени, криптовалютного адреса получателя, а также по возможности получить хеш-идентификатор (Txid, ID) и криптовалютный адрес отправителя средств.

1.3. Если средства были перечислены непосредственно преступникам в результате обмена, то необходимо получить информацию о том, какой обменник совершил эту транзакцию, его максимально полные данные и контакты, а также получить сведения о том, почему потерпевший обратился именно в этот обменник.

1.4. К объяснению, протоколу или иным процессуальным документам по возможности необходимо приложить скриншоты совершения исходящих платежей с биржи, историю пополнения средств на этой бирже.

1.5. В настоящий момент наиболее часто встречаются следующие криптоактивы:

1.5.1. Биткойн (Bitcoin, BTC), транзакции осуществляются в сети (блокчейне) Биткойн.

1.5.2. Эфириум (Эфир, Ethereum, Ether, ETH), транзакции осуществляются в сети (блокчейне) Эфириум.

1.5.3. Тезер (ЮОТД, Tether, USDT), транзакции чаще всего осуществляются в сети (блокчейне) Tron (TRC20, Tron Request for Comments 20, трон), но также может встречаться в сети (блокчейне) Эфириум (ERC20, Ethereum Request for Comments 20).

Важно верно указать сеть (блокчейн), в которой осуществляется транзакция, во всех оперативно-розыскных и процессуальных документах. В качестве примера предлагаем возможную формулировку, которая может быть использована в указанных документах:

Криптовалютные активы в количестве 1,2 биткойна были похищены у гр. А. с криптовалютной биржи Binance, где ранее находились у гр. А. на аккаунте ID 111, верифицированном на имя гражданина Российской Федерации – гр. А. с номером мобильного телефона +79998887766 и адресом электронной почты 111@mail.ru.

Перевод средств гр. А. осуществил путем отправки средств неустановленному лицу из личного кабинета криптовалютной биржи Binance. Перевод осуществлялся двумя транзакциями в сети Биткойн:
... на адрес ... ДД.ММ.ГГ в ЧЧ.ММ.СС. в сумме 0,3 биткойна;

... на адрес ... ДД.ММ.ГГ в ЧЧ.ММ.СС. в сумме 0,9 биткойна.

2. В процессе назначения специального исследования информации в системе блокчейн следует концентрироваться на конкретную и правильную описательную часть, включая постановку вопроса перед специалистом.

В описательной части запроса необходимо привести ранее полученную информацию о фактических обстоятельствах дела, имеющих транзакци-

ях и криптовалютных адресах.

В качестве примера предлагаем возможную формулировку описательной части:

Старший следователь ГСУ МВД по Республике Татарстан, майор юстиции ФИО, рассмотрев материалы уголовного дела № 111, возбужденного ДД.ММ.ГГ. в отношении неустановленных лиц, по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Согласно материалам дела, ДД.ММ.ГГ. транзакциями с хеш-идентификаторами в сети Биткойн ... у гр. А. была похищена криптовалюта в количестве 1,2 биткойна с криптовалютной биржи Binance и переведена на адрес ...

В настоящее время имеется необходимость в получении дополнительных сведений о пути перемещения средств и адресах хранения указанных средств в целях полного и всестороннего исследования обстоятельств данного уголовного дела.

В процессе формулирования вопросов, которые необходимо поставить перед специалистом, следует обращать внимание на следующие составные компоненты:

а) точно перечисленные реквизиты транзакций;

б) конкретная информация о периоде совершения транзакций (как правило, с момента совершения первого преступления по настоящее время);

в) вопрос о поступлении средств на криптовалютные адреса преступников, которые ассоциируются с централизованными криптовалютными биржами;

г) вопрос о текущем порядке взаимодействия с централизованными криптовалютными биржами, которые будут установлены в процессе исследования;

д) запрос информации о программном обеспечении, используемом при проведении специального исследования, и номере его лицензии;

е) дополнительно указать на необходимость предоставления визуализации полученной информации при наличии к тому технической возможности.

В качестве примера предлагаем возможную формулировку вопросов, которые целесообразно ставить перед специалистом:

А. Возможно ли отследить движение криптовалютных активов в сети Bitcoin, переданных транзакциями со следующими хеш-идентификаторами: ... и ... на адрес: ...?

Если да, то какими техническими средствами и/или решениями это осуществляется, какие номера лицензий специализированного программного обеспечения используются при проведении исследования?

Б. Имеется ли техническая возможность установить и задokumentировать факт поступления криптовалютных активов, изначально переданных транзакциями, указанными в вопросе № 1, на адреса централизованных криптовалютных бирж (или иных Virtual Asset Service Provider (далее – VASP) в значении, используемом межправительственной организацией с участием Российской Федерации FATF?

Если да, то на каких криптовалютных биржах (или иных VASP) в настоящий момент находятся указанные криптовалютные активы, в каком количестве и какие они имеют реквизиты идентификации внутри криптовалютных бирж (или иных VASP)?

В. В случае невозможности установления факта поступления криптовалютных активов, изначально переданных транзакциями, указанными в вопросе № 1, на адреса централизованных криптовалютных бирж (или иных VASP) полностью или в какой-то части возможно ли установление каких-либо меток (маркировок) на указанные криптовалютные активы с целью установления их последующего движения по биржам?

Г. Осуществляется ли в настоящее время взаимодействие администрации централизованных криптовалютных бирж (или иных VASP) с российскими правоохранительными органами в части замораживания криптовалютных активов и их возврата потерпевшим по уголовным делам?

Если да, то каким образом и в каких формах? Имеются ли рекомендации о порядке взаимодействия с криптовалютными биржами (или иными VASP).

Дополнительно просим предоставить визуализацию указанных сведений при наличии к тому технической возможности.

3. При наличии в исследовании информации о найденных активах на централизованных криптовалютных биржах необходимо с официальной почты ведомства (службы)¹ обратиться к администрации соответствующей централизованной криптовалютной биржи тем способом, который будет указан в специальном исследовании, с требованием временной заморозки вывода криптовалютных активов с ассоциируемых в этой бирже криптовалютных адресов. В зависимости от конкретной криптовалютной биржи может потребоваться изменение формулировок или данных. Этим же запросом следует запрашивать идентификационную и техническую информацию на лиц, связанных с использованием соответствующих аккаунтов криптовалютных бирж.

В качестве примера предлагаем возможную формулировку запроса в централизованную криптовалютную биржу:

«В производстве ГСУ МВД по Республике Татарстан находится уголовное дело № 111, возбужденное ДД.ММ.ГГ. в отношении неустановленных лиц, по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Следствием установлено, что последующие транзакции с похищенной криптовалютой взаимосвязаны со следующим адресом в сети Биткоин, принадлежащим бирже Binance:

На основании изложенного и руководствуясь ч. 4 ст. 21 УПК РФ, просим Вас предоставить сведения об аккаунтах, которым представлялись указанные криптовалютные адреса, а именно: сведения о

¹ К примеру, через сервис электронной почты МВД России (ivanov@mvd.ru).

логине, телефоне, электронной почте, указанных при регистрации; копии документов, представленных в процессе верификации; информацию об IP-адресах, с которых осуществлялось обращение к указанным криптовалютным кошелькам; сведения о произведенных операциях по покупке (продаже) криптовалюты с отражением объема и наименования криптовалюты, дат совершения операций, сведений об остатках криптовалюты.

На основании вышеизложенного также просим Вас приостановить операции с криптовалютой, находящейся на вышеуказанном адресе, а также иных адресах, принадлежащих лицу или лицам, на срок до рассмотрения судом ходатайства о наложении ареста на имущество и вступления решения в силу, о чем будет сообщено дополнительно.

В настоящее время проводятся следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, направленные на проверку финансовых операций, проведенных с использованием криптовалютных кошельков, и на установление похищенного имущества.

В связи с ограниченными сроками расследования ответ просим предоставить в кратчайшие сроки, направив на адрес служебной электронной почты: ivanov@mvd.ru».

Возможен и такой вариант запроса:

«В связи с рассмотрением материала проверки № 111 от ДД.ММ.ГГ., руководствуясь ст. 6, 13, 15 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и п. 4, 10 ст. 13 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции», просим Вас предоставить сведения об аккаунтах, которым предоставлялись указанные криптовалютные адреса, а именно: сведения о логине, телефоне, электронной почте, указанных при регистрации; копии документов, представленных в процессе верификации; информацию об IP-адресах, с которых осуществлялось обращение к указанным криптовалютным кошелькам; сведения о произведенных операциях по покупке (продаже) криптовалюты с отражением объема и наименования криптовалюты, дат совершения операций, сведений об остатках криптовалюты.

В связи с ограниченными сроками проверки ответ просим предоставить в кратчайшие сроки, направив на адрес служебной электронной почты: ivanov@mvd.ru».

4. В случае отсутствия в исследовании информации о наличии похищенных активов на криптовалютных адресах, связанных с централизованными криптовалютными биржами, или в случае частичного нахождения средств на таких адресах, необходимо направить запрос к специалисту в целях маркировки указанных криптовалютных адресов для установления дальнейшего движения данных средств.

В качестве примера предлагаем возможную формулировку запроса к специалисту:

«В производстве ГСУ МВД по Республике Татарстан находится уголовное дело № 111, возбужденное ДД.ММ.ГГ. в отношении неустановленных

лиц, по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Специальным исследованием № 1 от ДД.ММ.ГГ. установлено, что похищенные транзакциями со следующими хеш-идентификаторами в сети Биткоин ... и ... средства, после поступления на криптовалютный адрес преступников ... были в последующем распределены по криптовалютным адресам ... и ..., которые в настоящий момент не ассоциируются с какими-либо централизованными криптовалютными биржами.

На основании вышеизложенного просим Вас надлежащим образом маркировать указанные криптовалютные адреса и незамедлительно сообщить о движении криптовалютных активов с указанных криптовалютных адресов по электронной почте: ivanov@mvd.ru).

Другой вариант запроса:

«В рамках рассмотрения материала проверки № 111 от ДД.ММ.ГГ. проведено исследование, по результатам которого установлено, что похищенные транзакциями со следующими хеш-идентификаторами в сети Биткоин ... и ... средства, после поступления на криптовалютный адрес преступников ... были в последующем распределены по криптовалютным адресам ... и ..., которые в настоящий момент не ассоциируются с какими-либо централизованными криптовалютными биржами.

Таким образом, на основании вышеизложенного, руководствуясь ст. 6, 13, 15 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и п. 4, 10 ст. 13 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции», просим Вас надлежащим образом маркировать указанные криптовалютные адреса и незамедлительно сообщить о движении криптовалютных активов с указанных криптовалютных адресов по электронной почте: ivanov@mvd.ru).

5. В случае успешной заморозки криптовалютных активов на централизованной криптовалютной бирже необходимо подготовить постановление об аресте вышеуказанных средств.

При составлении ходатайства необходимо указывать на то, какие криптовалютные адреса на основании специального исследования были выявлены и к каким централизованным криптовалютным биржам они отнесены.

В качестве примера предлагаем возможную формулировку для включения в ходатайство:

В производстве ГСУ МВД по Республике Татарстан находится уголовное дело № 111, возбужденное ДД.ММ.ГГ. в отношении неустановленных лиц, по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Следствием установлено, что похищенные средства, принадлежащие гр. А., были выведены транзакциями со следующими хеш-идентификаторами в сети Биткоин: ... и ... на криптовалютный адрес: ...

Специальным исследованием № 1 от ДД.ММ.ГГ. установлено, что указанные средства поступили на криптовалютный адрес: ..., принадлежащий централизованной криптовалютной бирже Binance.

На основании вышеизложенного, руководствуясь положениями ст. 82, ст. 115 УПК РФ, прошу наложить арест на криптовалютные средства, находящиеся на аккаунте централизованной криптовалютной биржи Binance и ассоциированных с данным аккаунтом адресах иных криптовалютных активов указанной централизованной криптовалютной биржи и передать их гр. А.

6. Судебное постановление должно включать в себя сведения:

1) о проведенном исследовании и его результатах;

2) о хеш-идентификаторах транзакций и криптовалютных адресах преступников;

3) о конечных адресах поступления на централизованную криптовалютную биржу, где ранее были заморожены активы.

При необходимости изложить полный текст описания движения криптоактивов, которое содержится в описательной части специального исследования.

7. После подписания судебного постановления потерпевший должен самостоятельно открыть аккаунты на соответствующих централизованных криптовалютных биржах и пройти там полную верификацию. Данные такого аккаунта должны быть переданы бирже вместе с сопроводительным письмом и судебным постановлением, путем направления письма через официальную электронную почту.

В качестве примера предлагаем возможную формулировку текста для включения его в сопроводительное письмо:

В производстве ГСУ МВД по Республике Татарстан находится уголовное дело № 111, возбужденное ДД.ММ.ГГ. в отношении неустановленных лиц, по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Следствием установлено, что похищенные средства, принадлежащие гр. А., были выведены транзакциями со следующими хеш-идентификаторами в сети Биткоин: ... и ... на криптовалютный адрес: ...

Специальным исследованием № 1 от ДД.ММ.ГГ. установлено, что указанные средства поступили на криптовалютный адрес: ..., принадлежащий централизованной криптовалютной бирже Binance.

На основании вышеизложенного, направляем Вам для исполнения постановление Вахитовского районного суда г. Казани № 333 от ДД.ММ.ГГ. по уголовному делу № 111 и реквизиты аккаунта потерпевшего – гр. А. для перевода ему криптовалютных активов в количестве 1,2 биткойна.

Таким образом, подводя итог исследования, следует отметить, что повышение эффективности деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступлениями, совершенными с использованием криптовалютных активов, является первоочередной задачей, которую необходимо решить в максимально короткие сроки. В процессе осуществления своей деятельности сотрудники следственных и оперативных подразделений должны уметь идентифицировать владельцев криптовалютных активов. В связи с чем предлагается внедрить в деятель-

ность органов внутренних дел специализированное спечение с возможностью взаимодействия с крипто-информационно-аналитическое программное обеспечение с криптовалютными биржами.

Библиографический список

1. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. Москва: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. 208 с. URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/015/122/996/Gavrilin_Ch.1.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44836640>. EDN: <https://elibrary.ru/krepvy>
2. Карабеков К. О. Актуальные вопросы исследования киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22–2. С. 25–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47913900>. EDN: <https://elibrary.ru/cvocwk>.
3. Путин: криптовалюты – это возможность отмывания, ухода от налогов и финансирования терроризма. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3435054>.
4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. URL: <https://rg.ru/documents/2020/08/06/tsifra-dok.html>.
5. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: научно-практическое пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 71 с. URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/015/122/996/O_nauchnykh_podkhodakh_k_probleme_ispolzovaniya_IT_v_prestupnykh_tselyakh.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47334085>. EDN: <https://elibrary.ru/hpaarh>.
6. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ: отчет ФАТФ. URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf.
7. Что такое криптовалюта и как она применяется? URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cryptocurrency>.
8. Фарахiev Д. М. Способы и методы деанонимизации лиц, совершающих преступления в информационном пространстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 249–254. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-249-254>. EDN: <https://elibrary.ru/tdhqtk>.
9. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Москва: Академия управления МВД России, 2022. 76 с. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site120/folder_page/015/122/996/Ustanovlenie_vladel'tsev_kriptovalyutnykh_koshelkov.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50054103>. EDN: <https://elibrary.ru/epvrvt>.
10. Пушкарев В. В., Техеров А. Ю. Преступления с использованием криптовалюты: актуальные вопросы уголовного преследования // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1(33). С. 122–127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44867699>. EDN: <https://elibrary.ru/sfjvlu>.
11. Все, что нажито непосильной взяткой. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6026773?tg>.
12. Курилов С. И., Осипов И. В. Об актуальности организации внутреннего и внешнего взаимодействия органов предварительного следствия, дознания и экспертно-криминалистических подразделений в процессе расследования преступлений с использованием криптовалют // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 21 мая 2021 года / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. Москва: Академия управления МВД России, 2021. С. 178–186. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47439467>. EDN: <https://elibrary.ru/ezpgei>.
13. Пинкевич Т. В. Проблемы уголовно-правового противодействия преступной деятельности с использованием криптовалют // Юристы-Правоведь. 2020. № 4 (95). С. 45–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44393427>. EDN: <https://elibrary.ru/ekolkq>.
14. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 101–108. DOI: <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-101-108>. EDN: <https://elibrary.ru/emalps>.

References

1. *Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po bor'be s prestupleniyami, sovershennymi s ispol'zovaniem informatsionnykh, kommunikatsionnykh i vysokikh tekhnologii: uchebnoe posobie: v 2 ch.* [Activity of the internal affairs bodies in combating crimes committed using information, communication and high technologies: textbook: in 2 parts]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019, part 1, 208 p. Available at: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/015/122/996/Gavrilin_Ch.1.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44836640>. EDN: <https://elibrary.ru/krepvy> [in Russian].
2. Karabekov K. O. *Aktual'nye voprosy issledovaniya kiberprestupnosti v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Kazakhstan* [Topical issues of cybercrime research in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 2022, no. 22-2, pp. 25–27. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47913900>. EDN: <https://elibrary.ru/cvocwk> [in Russian].

3. *Putin: kriptovalyuty – eto vozmozhnost' otmyvaniya, ukhoda ot nalogov i finansirovaniya terrorizma* [Putin: cryptocurrencies are an opportunity for laundering, tax evasion and financing of terrorism]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3435054> [in Russian].
4. *O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoi valyute i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ* [On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law № 259-FZ as of July 31, 2020]. *Rossiiskaya gazeta*, 2020, no. 173. Available at: <https://rg.ru/documents/2020/08/06/tsifra-dok.html> [in Russian].
5. Gavrilin Yu. V. *O nauchnykh podkhodakh k probleme ispol'zovaniya informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii v prestupnykh tselyakh: nauchno-prakticheskoe posobie* [On scientific approaches to the problem of using information and telecommunication technologies for criminal purposes: research and practice guide]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021, 71 p. Available at: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/015/122/996/O_nauchnykh_podkhodakh_k_probleme_ispolzovaniya_IT_v_prestupnykh_tselyakh.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47334085>. EDN: <https://elibrary.ru/hpaarh> [in Russian].
6. *Virtual'nye valyuty. Klyucheveye opredeleniya i potentsial'nye riski v sfere POD/FT: otchet FATF* [Virtual currencies. Key definitions and potential AML/CFT risks: FATF report]. Available at: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf [in Russian].
7. *Chto takoe kriptovalyuta i kak ona primenyaetsya?* [What is a cryptocurrency and how is it used?]. Available at: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cryptocurrency> [in Russian].
8. Farakhiev D. M. *Sposoby i metody deanonimizatsii lits, sovershayushchikh prestupleniya v informatsionnom prostranstve* [Ways and methods of deanonymization of persons committing crimes in the information space]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 4 (60), pp. 249–254. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-249-254>. EDN: <https://elibrary.ru/tdhqtk> [in Russian].
9. Gavrilin Yu. V., Bederov I. S. *Ustanovlenie vladeltsev kriptovalyutnykh koshelkov pri rassledovanii prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv* [Establishment of the owners of cryptocurrency wallets in the investigation of crimes in the field of drug trafficking]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022, 76 p. Available at: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site120/folder_page/015/122/996/Ustanovlenie_vladeltsev_kriptovalyutnykh_koshelkov.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=50054103>. EDN: <https://elibrary.ru/epvrvt> [in Russian].
10. Pushkarev V. V., Terekhov A. Yu. *Prestupleniya s ispol'zovaniem kriptovalyuty: aktual'nye voprosy ugolovno presledovaniya* [Cryptocurrency crimes: current prosecution issues]. *Altaiiskii yuridicheskii vestnik* [Altai Law Journal], 2021, no. 1 (33), pp. 122–127. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44867699>. EDN: <https://elibrary.ru/sfvlu> [in Russian].
11. *Vse, chto nazhito neposil'noi vzyatkoj* [Everything that is acquired by an unbearable bribe]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6026773?tg> [in Russian].
12. Kurilov S. I., Osipov I. V. *Ob aktual'nosti organizatsii vnutrennego i vneshnego vzaimodeystviya organov predvaritel'nogo sledstviya, doznaniya i ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdelenii v protsesse rassledovaniya prestuplenii s ispol'zovaniem kriptovalyut* [On the relevance of the organization of internal and external interaction of the preliminary investigation, inquiry and forensic units in the process of investigating crimes using cryptocurrencies]. In: *Razvitie ucheniya o protivodeistvii rassledovaniyu prestuplenii i merakh po ego preodoleniyu v usloviyakh tsifrovoi transformatsii: Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 21 maya 2021 goda. Pod red. Yu.V. Gavrilina, Yu.V. Shpaginoi* [Gavrilina Yu. V., Shpagina Yu. V. (Eds.) Development of the doctrine of counteracting the investigation of crimes and measures to overcome it in the conditions of digital transformation: Collection of scientific articles based on the materials of the international research and practical conference, Moscow, May 21, 2021]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021, pp. 178–186. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47439467>. EDN: <https://elibrary.ru/ezpgei> [in Russian].
13. Pinkevich T. V. *Problemy ugolovno-pravovogo protivodeystviya prestupnoi deyatel'nosti s ispol'zovaniem kriptovalyut* [Issues of the criminal-legal counteraction to criminal activity using cryptocurrency]. *Yurist''-Pravoved''* [Jurist-Pravoved], 2020, no. 4 (95), pp. 45–48. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44393427>. EDN: <https://elibrary.ru/ekolkq> [in Russian].
14. Gavrilin Yu. V., Bederov I. S. *Ustanovlenie lichnosti vladel'tsev tsifrovoi valyuty: metodologicheskie osnovy* [Identification of digital currency owners: methodological foundations]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia], 2021, no. 4 (60), pp. 101–108. DOI: <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-101-108>. EDN: <https://elibrary.ru/emaips> [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-91-98

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

Дата поступления: 17.04.2023
рецензирования: 19.05.2023
принятия: 25.07.2023

Права человека: наименование, концепция, правовые и иные аспекты

Б. Д. Кривокапич

Университет «МБ», г. Белград, Сербия
E-mail: krivokapicboris@yahoo.com

Аннотация: С правами человека сталкиваемся на каждом шагу, будь то их признание и гарантия, средства обеспечения их реализации или нарушение этих прав и действия, связанные с таким нарушением. Речь идет о правовом институте, причем институте как внутреннего, так и международного права, но в то же время и о явлении, которое имеет и много других граней. В связи с этим, рассмотрев наименование и понятие прав человека, автор отмечает, что в зависимости от контекста под правами человека подразумеваются разные вещи, такие как особая «концепция» (представление о том, что существуют определенные права человека, которые неотчуждаемы и не зависят от воли государства); основные охраняемые правом права человека; конкретные правовые решения; ситуация на практике; четкое определение прав человека конкретных субъектов; право прав человека как область права, в частности международного права; специальный учебный предмет и т. д. Отмечая, что права человека можно понимать по-разному, автор дает их узкое определение, согласно которому это совокупность определенных полномочий, признаваемых в отношении каждого человека или представителей определенных категорий людей (группам и их членам), которые, как таковые, пользуются особой правовой защитой. Хотя автор рассматривает и другие измерения прав человека (философское, идеологическое, политическое, экономическое и др.), подчеркивается, что наиболее важным является правовое измерение, поскольку права человека неотделимы от права как социального явления, т. е. нормативного порядка (объективное право), причем в то же время представляют охраняемые законом интересы индивидов и групп (субъективное право). При ближайшем рассмотрении право, в том числе и международное, определяет: что такое права человека, какие права охраняются правом и каково их содержание, кто является пользователями тех или иных прав, кто является носителями юридических обязательств, каковы механизмы реализации гарантированных прав, каковы механизмы надзора за исполнением установленных решений, порядок и способ исправления установленных нарушений прав человека, наказание за нарушение прав человека и др. Если на все смотреть из другого ракурса, роль права сводится к: 1) нормированию (правовому регулированию); 2) созданию условий и механизмов для реализации прав человека; 3) надзору за выполнением установленных решений и при необходимости внесении нужных исправлений; 4) обеспечению сатисфакции в смысле создания условий для возмещения материального и морального вреда и реализации таких решений и 5) наказанию за нарушение прав человека. Неотъемлемой частью правового измерения должно быть также принятие нормативных, организационных и функциональных мер по предотвращению злоупотребления правами человека.

Ключевые слова: права человека; международное право; право; объективное и субъективное право; понятие прав человека.

Цитирование. Кривокапич Б. Д. Права человека: наименование, концепция, правовые и иные аспекты // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 91–98. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-91-98>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кривокапич Б. Д., 2023

Борис Джорджевич Кривокапич – доктор юридических наук, ординарный профессор факультета бизнеса и права, Университет «МБ», 11000, Сербия, г. Белград, Теодора Драйзера, 27.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2023
Revised: 19.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Human rights: term, concept, legal and other aspects

B. D. Krivokapić

University MB, Beograd, Serbia
E-mail: krivokapicboris@yahoo.com

Abstract: We encounter human rights at every step, whether it's about their recognition and guarantee, about the means to ensure their realization, or about the violation of those rights. It is a legal institute of both national and international law, but it is also a phenomenon that has many other faces. In this regard, after giving a short presentation on the term and concept of human rights, the paper points out that, depending on the context, human rights mean different matters, such as a special «concept» (the idea that there are certain human rights, which are inalienable and independent of the will of the state); basic legally protected human rights; specific legal solutions; situation in practice; clearly defining the human rights of certain beneficiaries; human rights law as a branch of law, especially international law; etc. Noting that human rights can be understood in various ways, the author gives their narrow definition, according to which it is a set of certain entitlements and privileges that are recognized to each human being or members of a certain category of people (a group and its members) that as such enjoy special legal protection. After considering various dimensions of human rights (philosophical, ideological, political, economic, etc.), the author emphasizes that the most important is the legal dimension, because human rights are inseparable from law as a social phenomenon, i.e. a normative order (objective law) while at the same time they represent legally protected interests of individuals and groups (subjective law). Taking a closer look, law defines: what are human rights, which rights are legally protected and what is their content, who are the enjoyers of certain rights, who are the bearers of legal obligations, what are the mechanisms for realizing the guaranteed rights, which are the mechanisms of supervision over how established solutions are implemented, and other issues, such as the procedure and method of correction of established violations of human rights, punishment for violation of human rights, etc. Seen from another angle, the role of law is reflected in: 1) norming (legal regulation); 2) creation of conditions and mechanisms for the realization of human rights; 3) supervision over the implementation of established solutions and, if necessary, making the necessary corrections; 4) ensuring satisfaction in the sense of creating conditions for compensation of material and moral damage and realization of those solutions and 5) punishment for violation of human rights. An integral part of the legal dimension should also be the undertaking of normative, organizational and functional efforts to prevent the abuse of human rights.

Key words: human rights; International Law; law; objective and subjective law; human rights concept.

Citation. Krivokapić B. D. *Prava cheloveka: naimenovanie, kontseptsiya, pravovye i inye aspekty* [Human rights: term, concept, legal and other aspects]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 91–98. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-91-98> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Krivokapich B. D., 2023

Boris D. Krivokapich – Doctor of Laws, full professor of the Faculty of Business and Law, University MB, 27, Teodor Dryser, Beograd, 11000, Serbia.

Права человека являются частью нашей повседневной жизни, мы сталкиваемся с ними в той или иной форме на каждом шагу, будь то признание и гарантирование этих прав, средства обеспечения их реализации или нарушение этих прав и действия в связи с таким нарушением. Что бесспорно, так это то, что права человека, несомненно, являются правовым институтом, т. е. что без регулирования правом они не существовали бы. Хотя это регулирование и связанные с ним механизмы существуют и на внутреннем уровне (в правовых системах государств), акцент в работе делается преимущественно на правах человека как части международного права.

1. Наименование прав человека

Права человека представляют собой сложное социальное явление, имеющее различные формы и тем самым связанное с рядом проблем.

Первая из них возникает уже в связи с названием явления. Чаще всего его называют «права и свободы человека». Это достаточно точный термин, использование которого, а следовательно, и различие между правами и свободами человека, направлено на то, чтобы указать, что индивидуумы или группы лиц уполномочены требовать от власти (государства) определенного активного поведения (действия) в целях обеспечения гарантированных им *прав*, тогда как в других случаях у них *свобода* от вмешательства государственной власти, от которой, соответственно, требуется лишь чтобы ничего не делала, т. е. не мешала осу-

ществлению соответствующих свобод. Так, например, Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) утверждает, что каждый имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность (ст. 3), на признание его правосубъектности (ст. 6), на равенство перед законом и на равную защиту закона (ст. 7), на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8), на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10), на гражданство (ст. 15), и т. д., а с другой стороны, упоминает, что каждый имеет право свободно перемещаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства (ст. 13/1), право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18), право на свободу убеждений и на свободное выражение их (ст. 19), право на свободу мирных собраний и ассоциаций (ст. 20/1) и т. д.¹

Однако, несмотря на то, что кажется привлекательным, это деление никогда не может быть по-

¹ Приводим Декларацию в качестве примера, поскольку она является первым современным международным документом такого рода на мировом уровне, послужившим образцом для последующих международно-правовых актов, а также для положений конституций многих стран. Вдобавок ее решения давно превратились в нормы общего международного обычного права, а значит, стали обязательными для всех, в том числе и для стран, не являющихся участниками соответствующих международных договоров.

следовательно применено на практике, поскольку большинство прав находится где-то посередине. Например, важнейшее право человека – право на жизнь – было бы, согласно этой классификации, и свободой (поскольку сводится к требованию, чтобы государство незаконно на нее не посягало), но и правом (поскольку государство обязано защищать жизнь каждого от незаконных посягательств со стороны других). То же самое можно сказать и про большинство других прав, т. е. свобод. Впрочем, когда речь идет о *свободах*, сама формулировка в соответствующих международных и внутригосударственных правовых актах обычно говорит о *праве на свободу* (напр., мысли, совести и религии), возвращая нас к термину *право*. И действительно, свобода, к чему бы она ни относилась в конкретном случае, сама по себе есть не что иное, как особая категория прав.

По этим причинам, если не указано иное, термины «права человека» и «права и свободы человека» обычно понимаются и используются как синонимы, подразумевая, что даже когда упоминаются только «права», они на самом деле относятся к правам в более широком смысле, включая и те права, которые более точно определяются как свободы. Такой подход принят и в данной работе.

2. Концепция прав человека

В самом узком смысле, когда говорим о правах человека, мы имеем в виду совокупность определенных правом гарантированных и охраняемых особых полномочий, признаваемых всеми людьми или отдельными категориями людей. Однако этот термин используется и в более широком смысле, а это означает, что права человека в зависимости от контекста подразумевают разные вещи.

1. Особая концепция. Иногда принимается во внимание особая концепция, т. е. представление о том, что существуют определенные права человека, которые являются естественными, неотъемлемыми и независимыми от правового регулирования и воли государства и принадлежат каждому на основании того, что он человек. Иными словами, это своего рода особая социальная философия, учитывающая правовое и реальное положение отдельных лиц и групп, прежде всего их защищенность от противоправных посягательств со стороны власти, но и в части обеспечения условий для их беспрепятственной жизни и развития [1, с. 21–23].

2. Основные охраняемые правом права и свободы человека. В повседневной речи часто упоминаются основные права человека, охраняемые внутренним и международным правом, которые принадлежат каждому человеку (право на жизнь; свобода мысли, совести и религии; право на неприкосновенность частной жизни и т. д.) или некоторым особо уязвимым категориям людей (особые права детей, женщин, инвалидов, беженцев, представителей национальных меньшинств и др.). Здесь, таким образом, речь идет о правах человека как правовых институтах. Понимаемые

таким образом, они перечисляются и конкретизируются внутренними нормативными актами (конституцией, законами) и международными договорами, решениями международных организаций и т. п.

3. Конкретные правовые решения. Простого перечисления соответствующих прав недостаточно. Необходимо конкретизировать их с точки зрения объяснения их сущности, а также условий и пределов их осуществления. Таким образом, хотя каждый имеет право на жизнь, активное и пассивное избирательное право, личную свободу и т. д., на самом деле эти права можно понять только при уточнении, что такое жизнь и кому она принадлежит (включает ли, напр., право на жизнь так же и право на эвтаназию?); что такое выборы, когда, при каких условиях и для каких органов они организуются; что такое личная свобода; что такое или когда есть пытки, а когда речь идет о других формах жестокого обращения и т. д.

В этом смысле под правами человека иногда понимают конкретные решения, содержащиеся в правовых нормах. Примером могут служить права обвиняемого, как они определены международным правом, законодательством конкретной страны. Иногда, все еще имея в виду правовые решения, можно наблюдать более сложные проблемы, например, можно сказать, что в данной стране недостаточно развиты права человека в экономической и социальной сферах, что не обеспечена эффективная защита отдельных прав человека и т. д. При этом речь идет не о реализации соответствующих решений, а значит, о практике, а о том, как формулируются соответствующие нормы, каково их место в нормативном порядке и тому подобное.

4. Ситуация на практике. Зачастую, особенно когда речь идет о различных политических, социальных и тому подобных анализах, все сводится к ситуации на практике либо в конкретной стране, либо в странах региона, либо в мире в целом. Например, когда говорят, что в стране развиты права человека, что ситуация с правами человека удовлетворительная или, наоборот, что права человека не соблюдаются или даже грубо нарушаются, то имеется в виду общее состояние (реальность) в конкретной стране. Само собой разумеется, что с каждой такой оценкой возникает ряд проблем, например, кто проводит оценку состояния прав человека, на основании каких критериев и тому подобное. Другими словами, эти оценки всегда более или менее субъективны.

5. Четко определенные права конкретных носителей (их субъективные права человека). В повседневной речи, судебных заседаниях, средствах массовой информации и т. п. нередко под правами человека понимаются четко определенные права, которые принадлежат конкретным лицам или группам. Например, активное и пассивное право голоса XX или право YY участвовать в данной судебной процедуре на языке, который он понимает.

Совокупность всех прав и свобод определенного лица составляют его субъективные права человека. Они несколько отличаются от прав других лиц тем, что помимо основных (общих) прав, признаваемых для всех, круг прав, принадлежащих данному индивидууму, зависит от ряда факторов – где он находится (в стране, гражданином которой он является, или за границей), является ли он представителем этнического меньшинства, ребенком, беженцем, инвалидом и т. д.

6. Право прав человека как отрасль права. Правами человека часто называют и область права (внутреннего права страны или, чаще, международного права), регулиующую этот вопрос. Это объективная нормативная система, совокупность правовых норм и принципов, регулирующих данную сферу общественных отношений. Более правильное название – «право прав человека». Хотя может показаться необычным, оно не только самое точное, но и вполне логичное. Ведь достаточно провести параллель с названиями других отраслей международного права, таких как право международного представительства, право международных организаций, международное морское право, право вооруженных конфликтов и др. На самом деле единственное, что может смутить, это то, что в словосочетании *право прав человека* два слова из трех – *право*. Это является следствием специфики сербского, русского и некоторых других языков, в которых термин *право* употребляется для обозначения как субъективного, так и объективного права. В других языках такой проблемы нет, как, например, в английском языке, в котором есть специальные термины *right* и *law* и поэтому рассматриваемое явление называется *human rights law*.

При более внимательном рассмотрении можно говорить о международном и национальном (внутреннем) праве прав человека. Первое является частью (отраслью) международного публичного права, а второе составляют соответствующие нормы, содержащиеся в конституции, законах и иных внутренних правовых актах данного государства. В обоих случаях помимо конкретных правовых источников, характерных для международного или внутригосударственного права, существуют также специальные механизмы мониторинга и реагирования на установленные случаи нарушения прав человека.

7. Специальный учебный предмет. Правами человека также называют и специальный предмет, который преподается на юридических и смежных факультетах, в некоторых общеобразовательных школах и т. п.

8. Общая концепция прав человека. Согласно вышеизложенному, права человека можно понимать по-разному. Однако, если не указано другое или оно не вытекает из контекста, права человека, в принципе, есть не что иное, как *набор (каталог, корпус) определенных полномочий и привилегий, которые признаются каждым человеком или представителями определенных категорий людей (групп и их членов) и как таковые пользуются правовой защитой*.

Понимаемые таким образом права человека следует отличать от некоторых ситуаций, в которых те или иные лица имеют особый привилегированный статус (полномочия, привилегии), но речь не идет о правах человека. Различие заключается в основании, на котором признаются соответствующие права, и в их функции. Права человека предоставляются людям, потому что они – люди (основные, общие права человека) или потому, что они принадлежат к особо уязвимой группе.

Напротив, определенные права, которыми пользуются индивиды, даны им как представителям государства, как его органам. Это означает, что они признаются не для удовлетворения основных или особых потребностей человека, а для того, чтобы соответствующие лица успешно выполняли возложенную на них государственную задачу. По существу, это не *их* (личные) права, а то, что принадлежит им временно, как неотъемлемая часть их нынешнего, особого статуса. Кстати, когда в международно-правовых документах говорится о соответствующих привилегиях и иммунитетах, неизбежно указывается, что они предоставляются не для личной выгоды, а для того, чтобы соответствующие лица могли осуществлять свои функции. Примерами являются иммунитеты и привилегии глав государств или правительств (внутри страны и за рубежом); привилегии и иммунитеты дипломатических и консульских представителей (в стране пребывания); привилегии и иммунитеты должностных лиц международных организаций (в государствах-членах); неприкосновенность и другие права парламентариев на войне и др.

Указанные специальные права не принадлежат конкретным лицам как таковым, а связаны с определенной служебной функцией. Хотя они, как правило, являются постоянными, их конкретные бенефициары меняются в том смысле, что эти права переходят от одного лица к другому – например, от одного президента к другому; от одного посла к тому, кто его сменил. И наоборот, перестав выполнять возложенную функцию, данное лицо утрачивает эти права.

Таким образом, в указанных случаях речь идет не о правах человека, а об определенной защите, предоставляемой государственному органу или представителю государства.

3. Различные аспекты прав человека

Хотя мы обычно представляем себе их в первую очередь как то, что касается статуса отдельных лиц, права человека касаются также групп, народов, государств, а в наше время и всего международного сообщества. Это, конечно, не означает, что все упомянутые субъекты или сущности являются обладателями этих прав. И все же, все они в той или иной мере являются частью соответствующих отношений, одни – как бенефициары прав, другие – как носители определенных обязательств. В этих рамках права человека можно рассматривать с позиций каждого из упомянутых субъектов. При этом полная картина может быть получена

только путем конкретного сопоставления и соединения всех этих возможных подходов.

Эта проблема очень интересна, но требует серьезного анализа, который по природе вещей предполагает большое исследование, тем более что соответствующие моменты, касающиеся каждого из упомянутых субъектов, следует рассматривать как можно более полно. Например, применительно к физическим лицам это означало бы не только перечисление их важнейших основных прав, но и хотя бы краткое изложение того, как эти права регулируются, как они реализуются на практике, каковы механизмы их защиты, насколько эффективны эти механизмы, каковы основные обязанности индивидов, сопровождающие их основные права и т. д. Те же проблемы возникают и применительно к группам и их членам, с тем фактом, что дополнительно должен быть представлен общий обзор прав групп как таковых, а затем специфики и особых прав различных конкретных групп, таких как национальные меньшинства, коренные народы, женщины, дети, старики, инвалиды, больные, трудовые мигранты, лица без гражданства, беженцы, внутренне перемещенные лица, заключенные, жертвы войны и др. Не менее сложным будет рассмотрение прав с точки зрения конкретной страны или группы стран, а уж тем более с позиции всего мира. Учитывая это, мы лишь упомянем этот подход, оставив соответствующие вопросы для других, более масштабных исследований, которые не будут ограничены рамками статьи в научном журнале.

Однако права человека можно рассматривать и с других позиций. Среди прочего можно отметить, что в зависимости от точки зрения они имеют различные измерения: философское, идеологическое, политическое, экономическое и др. Каждым из них занимаются специалисты соответствующей области науки. Поэтому здесь будут даны лишь самые элементарные указания, а упор будет сделан прежде всего на юридический аспект.

1. Философское измерение. Различные взгляды на права человека, которые можно было бы назвать философскими, на протяжении всей истории появляются в священных книгах различных религий и в трудах виднейших мыслителей каждой эпохи. Для большинства из них характерно настаивание на общем происхождении людей, на том, что все люди братья и сестры и т. п. Если это уже так, то ясно, что из этого следует, что люди должны быть равными, уважать других и их права и т. д.

Многие философы доказывали, что у людей есть неотъемлемые права, которые правительство обязано уважать. Особенно известна этим школа естественного права. А именно, развивая представления о естественном праве, существующем независимо от воли человека, некоторые из известных классических теоретиков (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, К. Вольф, Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Кант и др.) имели в виду как раз права человека. Даже сегодня многие считают, что права человека принадлежат к так называемому естественному праву, в силу чего государства не

вправе их сформулировать, а тем более ограничить их или отменить по своему желанию.

Эти понимания предполагают, что существует некое естественное, объективное право, управляющее общественными отношениями, при том, что его решения и существование не зависят от воли человека, точно так же, как от воли человека не зависят законы физики и другие законы природы. По мнению некоторых из сторонников этой точки зрения, естественное право возникает из самой природы людей и общества, по другим – из человеческого разума, по третьим – из воли Божией и т. д. В этих рамках права человека воспринимаются как часть гораздо более широкой концепции естественного права, своего рода идеального правопорядка, регулирующего и многие другие отношения.

Несмотря на различия между собой, сторонники идеи естественного права разделяют некоторые основные общие позиции. Одним из них является тезис о неразрывной связи и в значительной степени частичном совпадении между этим правом и моралью. Еще важнее то, что, по их мнению, естественное право вечно, неизменно, не зависит от воли человека, и люди должны признать его и перевести в свое позитивное право.

Идея естественного права зародилась в далеком прошлом, а затем возродилась в Средние века как попытка объяснить некоторые явления и стремление объяснить, что обладатели политической власти не вполне свободны в своих действиях. Что тот, кто управляет обществом, не имеет права навязывать свою волю, не учитывая насущных интересов других и всего общества. Понимаемая таким образом, эта теория играла положительную роль, поскольку представляла собой преграду произволу правителей, проповедуя уважение к правам человека, морали, высоким принципам и ценностям и тому подобное. И действительно, хотя существуют разные мнения, не будет ошибкой сказать, что идея естественных прав лежала в основе современной концепции прав человека. Неотъемлемой частью этого подхода является позиция, согласно которой, когда соответствующая форма правления становится вредной для этих прав, люди имеют право изменить ее [2, с. 654–681; 3].

С другой стороны, упомянутая идея не может быть принята, так как не соответствует действительности. Прежде всего, даже если бы естественное право существовало как отдельная объективная нормативная система, это означало бы, что оно действует вне времени и пространства – потому что должно применяться всегда и везде. Таким образом, следует, что в нем содержались правила о принципах мирного освоения и использования Вселенной много веков до того, как человек воспарил в космос, но только тогда люди просто не были «осведомлены» об этих нормах. Это, конечно, заведомое преувеличение и нелепость, имеющая целью показать, что вся концепция далека от реальности.

На самом деле все гораздо проще. Право, как

и все другие правила поведения (мораль, правила вежливости и т. д.), развивается вместе с человеческим обществом, в результате противоречивых тенденций и интересов. Так, например, рабство было запрещено не потому, что люди вдруг поняли, что эта система общественных отношений несовместима с каким-то естественным правом, а потому, что она перестала соответствовать интересам господствующего класса, в то время как и сами угнетенные классы не были готовы продолжать ее терпеть. Точно так же было отменено крепостное право – потому что капитализм требовал свободной и мобильной рабочей силы, а не потому, что кто-то убедил людей, что это не соответствует правам человека, определенным естественным правом.

Следует добавить, что право, понимаемое как совокупность обязательных правил поведения, создано не Богом (если бы это было так, то оно всегда было бы одним и тем же и его бы неизменно соблюдали – сам Бог бы определял это), оно не создано природой (потому что мы обнаружили бы его в природе и просто приняли и использовали его, как, напр., находим и используем воздух, воду, растения и т. д.). Право – общественное творение, на возникновение и развитие которого влияют различные отношения и процессы. То же самое относится и к правам человека, которые являются его частью и регулируются им.

В конце концов, если бы идея естественного права была принята, один за другим возникали бы вопросы, на которые было бы трудно, а часто и невозможно ответить. Кто является творцом этого (естественного) права? Где находятся его конкретные положения или правила? Как вообще в принципе возможно, что оно всегда одинаково, во всех периодах истории и для всех культур? Как мы можем быть уверены, что правильно поняли и применили это право, даже если его «обнаружим»? Если речь идет о том, что это право сводится лишь к некоторым основным принципам, то оказывается, что даже сторонники теории естественного права их понимают каждый по-своему, а с другой стороны, возникает вопрос, как можно представить, что современные общественные отношения, во всей их сложности и разнообразии, могут регулироваться таким образом? Так как точное содержание естественного права неизвестно, приходится задуматься, не открывает ли это пространство для различных интерпретаций и тем более разных манипуляций и злоупотреблений?

Имеются также некоторые специфические недостатки данной теории. На основе американской Декларации независимости (1776 г.) и французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) и в них сформулированных прав человека западные теоретики разработали концепцию о том, что каждому человеку присущи определенные неотъемлемые, врожденные права, которые вытекают из естественного права и обычно определяются как право на жизнь, право на свободу, право на собственность, право на безопасность и право на стремление к сча-

стью. Однако если принять идею о врожденных правах человека, то этот каталог непременно должен быть намного длиннее и включать в себя ряд не менее важных прав, таких, например, как право на равенство и запрет дискриминации, свобода от пыток, право на участие в управлении обществом, право на неприкосновенность частной жизни и т. д. Эти и подобные права не менее «естественны», чем упомянутые выше.

Особый вопрос состоит в том, может ли государство безнаказанно нарушать основные права человека? Теория естественного права утверждает, что государства не обладают свободой в этом смысле. Но так ли это? Практика показывает, что в принципе возможно отменить наибольшее количество прав человека. Человеческое развитие не происходит с одинаковой скоростью и не всегда движется в одном и том же направлении. История показала нам, что в различных обществах наблюдаются абсолютизм, диктатура, тоталитаризм, что после подъема общественного сознания и возникновения передовых институтов иногда происходит возврат к старым порядкам. Это результаты политических и иных отношений и процессов, происходящих в каждом обществе и зависящих от ряда факторов.

Наконец, даже если действительно где-то там есть какое-то естественное право, кто гарантирует, что люди когда-нибудь его узнают и поймут (между прочим, даже если каким-то чудом они его полностью откроют, как и почему поймут, что перед ними «то самое» естественное право, что нет никакого другого, альтернативного подобного права) и тем более что они действительно захотят его соблюдать?

Подводя итог, можно сказать, что концепция естественного права является излишней. Право и, следовательно, права человека как его часть являются общественным творением. Точно так же, как развиваются технологии, транспорт, медицина и т. д., развивается и право. И точно так же, как сегодня никто не втыкает палку в землю, чтобы по ее тени узнать, который час, а пользуется наручными часами или проверяет время на дисплее мобильного телефона, так и в перспективе продвинутые нормы в области прав человека вытесняют устаревшие. Именно жизнь и потребности человека обуславливают такое развитие.

2. Идеологическое измерение. История прав человека использовалась и используется многими идеологиями. Когда известно, что под идеологией понимается система политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, художественных и им подобных взглядов на мир, и что отношение к правам человека является одним из важнейших вопросов каждого общества, становится ясно, что взгляд на права человека вообще или на те или иные вопросы из рамок этой сферы всегда имеет идеологическую окраску.

Например, те, которые считают, что неравенство между людьми (между мужчинами и женщинами, между различными классами и кастами

и т. п.) почему-то оправданно и даже естественно, всегда будут отстаивать такое положение вещей. Наоборот, тот, кто поддерживает идеи равенства всех людей и запрета дискриминации, будет всеми силами бороться против этого.

Достаточно вспомнить, что в годы «холодной войны» западные страны в соответствии со своими представлениями подталкивали к развитию и международно-правовому регулированию гражданских и политических прав, а Восток, наоборот, делал упор на экономические, социальные и культурные права. Впрочем, даже сегодня в некоторых обществах, опираясь на господствующие религиозные и иные идеологические взгляды, отказываются или ограничивают определенные права либо большинства граждан, либо отдельных категорий лиц (женщин, представителей некоторых меньшинств и т. д.).

3. Политическое измерение. Права человека имеют политическое измерение, уже потому что они так или иначе связаны с различными идеологиями. Более того, они являются неотъемлемой частью политических целей, программ, действий и процессов. Таких, как борьба за власть или сохранение власти, стремление обеспечить полное равенство или, наоборот, добиться или сохранить подчинение, эксплуатацию, дискриминацию и тому подобное по отношению к определенным категориям людей. В этом смысле каждая политическая программа обязательно содержит позицию по правам человека, эти права используются в рамках предвыборной кампании и т. д. Кроме того, важной частью корпуса прав человека являются политические права, в первую очередь те, которые обеспечивают участие в осуществлении политической власти и управлении обществом.

Политическое измерение также заметно на международном уровне. Одной из основных целей ООН, установленных в ст. 1/3 Устава ООН, является «осуществление международного сотрудничества в решении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Обеспечение безопасности и развития прав человека и их последовательное соблюдение во всем мире занимает важное место в деятельности ООН, а также других универсальных международных организаций, таких как, напр., Международная организация труда. Вопросы прав человека по-разному рассматриваются многими региональными организациями, такими как Совет Европы, Европейский союз, Организация американских государств, Африканский союз и т. д. Все это, помимо прочего, предполагает политическое руководство государствами посредством поощрения, но и определенных формы более или менее видимого политического и другого давления.

Наконец, политическое измерение существует и тогда, когда правами человека злоупотребляют

в различных целях, в том числе для вооруженных нападений на другие сообщества (гуманитарная интервенция), с целью устранения неудобных (необоснованное накидывание на непослушных политиков ярлыка диктатора, нарушителя прав человека, с сопутствующими последствиями, начиная с отставки или импичментом, вплоть до уголовного преследования) и т. п.

4. Экономический аспект. Права человека, как они понимаются в наше время, неотделимы от экономической основы. В бюджете каждого государства предусмотрены специальные средства для удовлетворения потребностей людей, в том числе для осуществления гарантированных прав – на проведение выборов, на образование, на культуру и т. д.

В блоке прав человека выделяют также специальные экономические права, такие как право на труд, право на заработок и другие права в рамках трудовых отношений, право на достаточный жизненный уровень, право на социальное обеспечение и др. Важность этих прав исключительна, часто выше, чем многие гражданские и политические права. Ведь когда есть нечего, когда налицо непосредственная угроза самому существованию, на второй план отходят другие права, как, например, права на неприкосновенность частной жизни, права меньшинств и т. д.

5. Социальное измерение. Права человека можно рассматривать с общей, групповой и индивидуальной точек зрения. Одни права принадлежат недостаточно определенным «всем» (их обладатель – человечество и все, кто в него входит), другие – только особо уязвимым и поэтому охраняемым группам и их членам, а третьи, самые многочисленные – всем (основные, универсальные права человека).

Хотя, в конечном счете, рано или поздно все в основном сводится к тому, что человек переживает в реальной жизни (как индивидуум или как часть группы, т. е. человечества), особенности каждой из этих категорий прав человека влияют на то, как соответствующие права определены, восприняты, защищены и т. д.

6. Педагогическое измерение. Говоря простым языком, оно сводится к тому, что необходимо развивать представление о правах человека, знания о них, культуру прав человека и тому подобное. С другой стороны, простая логика подсказывает, что чем больше успехов на этом поприще, тем легче развивать новые права человека и тем меньше случаев нарушения или злоупотребления уже гарантированными.

Педагогическое измерение достигается путем распространения информации о правах человека через средства массовой информации, через различные мастер-классы и семинары, путем организации специальных курсов (для работников органов внутренних дел, охраны мест лишения свободы, медицинских работников, педагогических работников и др.), через книги и другие издания, и т. д.

С другой стороны, можно с большой уверенностью отметить, что право на образование в области прав человека является одним из важных прав человека. [4, с. 159–164].

7. Историческое измерение. Все социальные явления, в том числе и права человека, полезно рассматривать не только в настоящий момент, но и в исторических рамках. Знакомство с корнями соответствующего явления и его развития (в данном случае: прав человека) позволяет легче понять не только то, что характерно для сегодняшнего дня, и причины, которые к нему привели, но и возможные направления дальнейшего развития.

8. Юридический аспект. Юридическое измерение упоминается здесь как последнее не потому, что оно менее важно, чем другие, а наоборот, чтобы указать на его особую важность. Права человека неотделимы от права как социального явления, то есть нормативного порядка (объективное право), в то время как они сами представляют охраняемые законом интересы личности или группы (субъективное право).

При более внимательном рассмотрении право и, в частности, международное право определяют:

- что такое права человека;
- какие права охраняются правом и каково их содержание;
- кто является субъектами (пользователями) определенных прав;
- кто является носителем юридических обязательств;
- каковы механизмы реализации гарантированных прав;
- каковы механизмы контроля за реализацией установленных решений;

- порядок и способ исправления установленных нарушений прав человека (отмена отдельных правовых актов, возмещение убытков и т. п.);
- наказание за нарушение прав человека (уголовные преступления, юрисдикция и судебный процесс) и другие.

С другой стороны, роль права (правопорядка) сводится к:

- 1) нормированию, то есть правовому регулированию;
- 2) созданию условий и механизмов для реализации прав человека;
- 3) надзору за выполнением установленных решений (за фактическим использованием гарантированными правами) и при необходимости внесению нужных исправлений;
- 4) обеспечению сатисфакции в смысле создания условий для возмещения материального и морального вреда и реализации этих решений;
- 5) наказанию за нарушение прав человека в смысле выявления соответствующих уголовных и иных наказуемых деяний, привлечения к ответственности и осуждения виновных.

Неотъемлемой частью правового измерения должно быть также проведение нормативных, организационных и функциональных мероприятий по предупреждению злоупотребления правами человека [5, с. 170–184].

Только принимая во внимание все аспекты правового измерения прав человека, а также другие соответствующие факторы, можно понять современную концепцию прав человека, ее сущность, преимущества, недостатки и ожидаемые направления развития.

Библиографический список

1. Paunović M., Krivokapić B., Krstić I. *Međunarodna ljudska prava*. Beograd, 2023.
2. Barnett R.E. A Law Professor's Guide to Natural Law and Natural Rights // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 1997. Vol. 20. P. 654–681. URL: <https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2245&context=facpub>.
3. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2011. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/287316/mod_folder/content/0/John%20Finnis%20Natural%20Law%20and%20Natural%20Rights%20Clarendon%20Law%20%202011.pdf.
4. Alfredsson G. Human Rights Education is a Human Right // Delević Đilas M., Đerić V. (Eds.) *The International and the National – Essays in Honour of Vojin Dimitrijević*. Beograd, 2003, pp. 159–164. Available at: <https://library.unimelb.edu.au/asc/collections/highlights/collections/malcolmfraser/resources/postparliamentspeeches/human-rights-education-is-a-human-right>.
5. Кривокапич Б. Д. Злоупотребление правами человека со стороны государств // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Право. 2019. № 1 (57), С. 170–183. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37187483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rkicia>.

References

1. Paunović M., Krivokapić B., Krstić I. *Međunarodna ljudska prava* [International human rights]. Beograd, 2023 [in Serbian].
2. Barnett R. E. A Law Professor's Guide to Natural Law and Natural Rights. *Harvard Journal of Law & Public Policy*, 1997, vol. 20, pp. 654–681. Available at: <https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2245&context=facpub>.
3. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2011. Available at: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/287316/mod_folder/content/0/John%20Finnis%20Natural%20Law%20and%20Natural%20Rights%20Clarendon%20Law%20%202011.pdf.
4. Alfredsson G. Human Rights Education is a Human Right. In: Delević Đilas M., Đerić V. (Eds.) *The International and the National – Essays in Honour of Vojin Dimitrijević*. Beograd, 2003, pp. 159–164. Available at: <https://library.unimelb.edu.au/asc/collections/highlights/collections/malcolmfraser/resources/postparliamentspeeches/human-rights-education-is-a-human-right>.
5. Krivokapich B. D. *Zloupotrebljenje pravami cheloveka so storony gosudarstv* [Concept and forms of human rights abuse]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pravo [Vestnik TvGU. Seriya: Pravo], 2019, no. 1, pp. 170–183. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37187483>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rkicia> [In Russian].

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-99-105

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

Дата поступления: 16.05.2023
рецензирования: 17.06.2023
принятия: 25.07.2023

Возвращение дополнительного расследования

Е. В. Леонова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lev0329@yandex.ru

Аннотация: С момента вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прошло более 20 лет. За это время накоплен огромный опыт его применения, который позволяет обоснованно судить о достоинствах и недостатках правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Большое количество изменений, внесенных за это время в уголовно-процессуальный закон, свидетельствует о стремлении к устранению допущенных при создании УПК недостатков, к дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального права. Решение этих задач, однако, невозможно без критического анализа и переосмысления как ранее действовавших, так и сегодня применяемых процессуальных институтов, включая институт возвращения уголовного дела из судебных стадий на предшествующий им этап досудебного производства. Поэтому в качестве основного автор избрал метод исторического исследования нормативно-правовой базы и правоприменительной практики, в соответствии с которым рассматривает исторические предпосылки к упразднению в конце XX века института дополнительного расследования как инструмента исправления следственных ошибок, а также роль Конституционного Суда Российской Федерации в ликвидации этого института и в последующем его возрождении. Анализируется также судебная практика, свидетельствующая об использовании института возвращения уголовных дел прокурору не только в целях восполнения неполноты предварительного следствия, но и для ухудшения положения обвиняемого путем предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления после возвращения судом уголовного дела. Анализ закона и практики его применения позволяет обоснованно утверждать о постепенном превращении статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации из способа устранения препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела и вынесению законного процессуального решения в способ восполнения пробелов в обвинительных доказательствах и исправления недостатков в формулировании обвинения, которое согласно ст. 252 УПК РФ должно определять пределы судебного разбирательства. В результате проведенного исследования в статье формулируется вывод о том, что действующая редакция статьи 237 УПК РФ и ее применение на практике противоречат принципам уголовного процесса, таким как независимость суда, состязательность и равноправие сторон, презумпция невиновности, а также назначению уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: дополнительное расследование; возвращение уголовного дела прокурору; равноправие сторон; независимость суда; состязательность; уголовное преследование.

Цитирование. Леонова Е. В. Возвращение дополнительного расследования // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 99-105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-99-105>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Леонова Е. В., 2023

Елена Викторовна Леонова – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.05.2023
Revised: 17.06.2023
Accepted: 25.07.2023

Return of supplementary investigation

E. V. Leonova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lev0329@yandex.ru

Abstract: More than 20 years have passed since the entry into force of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. During this time, a huge experience of its application has been accumulated, which allows us to reasonably judge the advantages and disadvantages of legal regulation of criminal procedural activity. A large number of changes made during this time to the criminal procedure law indicates a desire to eliminate the shortcomings made during the creation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to further improve criminal procedure law. The solution of these tasks, however, is impossible without a critical analysis and rethinking of both previously existing and currently used procedural institutions, including the institution of returning a criminal case from the judicial stages to the pre-trial stage that preceded them. Therefore, the author has chosen as the main method of historical research of the regulatory framework and law enforcement practice, according to which he considers the historical prerequisites for the abolition of the institute of additional investigation at the end of the XX century as a tool for correcting investigative errors, as well as the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the liquidation of this institution and its subsequent revival. Judicial practice is also analyzed, which testifies to the use of the institution of returning criminal cases to the prosecutor not only in order to make up for the incompleteness of the preliminary investigation, but also to worsen the situation of the accused by charging him with committing a more serious crime after the court returns the criminal case. The analysis of the law and the practice of its application allow us to reasonably assert the gradual transformation of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from a way of removing obstacles to the judicial review of a criminal case and making a lawful procedural decision into a way of filling gaps in accusatory evidence and correcting deficiencies in the formulation of charges, which according to Article 252 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should determine limits of judicial proceedings. As a result of the conducted research, the article concludes that the current version of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and its application in practice contradict the principles of criminal procedure, such as the independence of the court, the adversarial nature and equality of the parties, the presumption of innocence, as well as the purpose of criminal proceedings.

Key words: supplemental investigation; return of the criminal case to the prosecutor; equality of the parties; independence of the court; competitiveness; criminal prosecution.

Citation. Leonova E. V. *Vozvrashchenie dopolnitel'nogo rassledovaniya* [Return of supplementary investigation]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-99-105> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Leonova E. V., 2023

Elena V. Leonova – postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Формально сегодня в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствует институт дополнительного расследования. Фактически же мы имеем достаточно объемное правовое регулирование процедуры возвращения уголовного дела прокурору для, как изначально задумывалось, устранения препятствий к постановлению судом законного приговора, однако многократные изменения статьи 237 УПК разрушили ее первоначальную концепцию. В связи с этим вопрос о сущности института возвращения уголовного дела из судебных стадий на предшествующий им этап досудебного производства становится все более актуальным. Вся современная история развития этого института с начала обсуждения проектов нового Уголовно-процессуального кодекса в конце XX века, предшествовавшего принятию УПК РФ 2001 года, сопровождалась бурными научными дискуссиями [1–3], но и сегодня окончательная точка в ответе на этот непростой вопрос не поставлена. Несмотря на попытки законодательно ликвидировать институт дополнительного расследования в уголовно-процессуальном праве, его фактическое возрождение сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений. Этот факт порождает необходимость еще раз переосмыслить роль дополнительного расследования в уголовном процессе с учетом накопленного исторического опыта и на основе анализа сложившейся в новых условиях судебной практики.

Принятая 12 июня 1990 года Первым Съездом Народных депутатов РСФСР Декларация о суверенитете России обозначила необходимость коренных преобразований во всех сферах жизни государства

и общества¹. С разрушением СССР основы общесоюзного законодательства перестали действовать в качестве фундамента для российского нормотворчества, начался этап формирования собственной правовой базы на основе новой Конституции Российской Федерации, в которой провозглашалась идея создания демократического правового государства, утверждался приоритет прав и свобод человека и гражданина. Важнейшим принципом функционирования правового государства провозглашался принцип разделения властей. Это представлялось логичным – без четкого разграничения компетенций между ветвями и органами власти невозможно надлежащее исполнение должностных обязанностей, а также контроль за деятельностью уполномоченных лиц и привлечение их к ответственности. Возникло ранее не известное в юридическом обиходе понятие – судебная власть.

24 октября 1991 года Верховный Совет РСФСР утвердил Концепцию судебной реформы (далее – Концепция), обозначив судебную реформу одним из важнейших направлений законопроектной деятельности².

¹ Декларация СНД РСФСР «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» от 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990 г. № 2. Ст. 22. URL: <https://vedomosti.rsfsr-rf.ru/1990/2>.

² Постановление ВС РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР» от 24 октября 1992 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991 г. № 44. Ст. 1435 URL: <https://vedomosti.rsfsr-rf.ru/1991/44>.

Концепция указывала на проблемы, проявившиеся в ходе практической деятельности правоохранительных органов и органов юстиции, которые необходимо было разрешить на основе разделения между ними процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения уголовных дел. Важнейшим средством разрешения проблем уголовной юстиции обозначалось лишение правосудия рудиментов обвинительной деятельности, таких как: право суда возбуждать уголовные дела, обязанность суда направлять подсудимому копию обвинительного заключения, обязанность восполнять пробелы предварительного расследования за счет самостоятельного поиска доказательств, оглашение судом обвинительного заключения, право суда первым допрашивать подсудимого, потерпевшего, свидетелей, обязанность суда продолжать процесс при отказе прокурора от обвинения, а также направлять уголовные дела на доследование при неполноте расследования [4]. Из перечисленного видно, что речь в основном идет об освобождении суда от обязанности исполнять активную обвинительную роль, превращении его в независимый орган судебной власти. Особое место среди несвойственных суду, как органу независимой от сторон судебной власти, полномочий занимала обязанность суда направлять уголовные дела для производства дополнительного расследования.

В УПК РСФСР основания и порядок направления дела для дополнительного расследования регламентировались статьей 232, включенной в главу о полномочиях судьи до назначения судебного разбирательства дела. Суду предоставлялось право направлять дело для дополнительного расследования в случаях:

1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании;

2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия;

3) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении;

4) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела;

5) неправильного соединения или разъединения дела.

Аналогичное решение суд мог принять не только в стадии назначения судебного заседания, как бы она ранее ни называлась, но и в случае обнаружения указанных обстоятельств уже во время судебного разбирательства. При этом суд обязан был указать конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительному выяснению. Именно это и давало основание рассматривать действия, направленные на устранение недостатков предварительного расследования, как объективное намерение подкрепить, усилить обвинение.

Концепция судебной реформы призывала к иному порядку, вследствие которого обвинительная власть должна была иметь в виду, что изъяны в следственной работе, неустранимые в суде, возможно, послужат причиной избавления обвиняемого от заслуженной кары, а значит, должна будет стремиться к повышению качества расследования и не надеяться на помощь со стороны суда.

Планировалось, что получив уголовное дело, судья будет изучать его только с точки зрения процессуальной правильности составления обвинительного акта и наличия в деле необходимых материалов, не вдаваясь, однако, в содержание документов. Выявив такие, можно сказать, формальные нарушения, судья, как говорилось в Концепции, «отказывается принять дело к производству и возвращает его прокурору» [4, с. 98]. При буквальном толковании текста Концепции можно заметить, что избавление от заслуженного наказания – то есть вынесение оправдательного приговора – в таких случаях рассматривалось как второе из двух возможных решений.

Положения Концепции судебной реформы немедленно, то есть еще до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса, стали реализовываться в решениях Конституционного Суда РФ.

Первым стало Постановление Конституционного Суда РФ №7-П от 20 апреля 1999 года, которым несоответствующими Конституции РФ были признаны приведенные выше пункты 1 и 3 части 1 статьи 232 УПК РСФСР, которые обязывали суд по собственной инициативе при наличии соответствующих обстоятельств возвращать уголовное дело для производства дополнительного расследования. В обоснование такого решения Конституционный Суд указал, что такая деятельность является проявлением не свойственной суду обвинительной функции и направлена на восполнение обвинения³.

3 февраля 2000 года в Определении № 9-О Конституционный Суд РФ разъяснил, что проявлением обвинительной функции является также обязанность суда вернуть дело для дополнительного расследования в случаях признания доказательств недопустимыми и невозможности устранения в судебном заседании обусловленных этим пробелов в доказательственном материале. В связи с этим пункт 2 части 1 статьи 232 УПК РСФСР в данной части также был признан несоответствующим Конституции РФ⁴. В то же время допускалось воз-

³ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Российская газета. 1999 г. № 80.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 03 февраля 2000 г. № 9-О «По жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 13. Ст. 1428.

вращение дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не было связано с восполнением неполноты расследования⁵. При наличии таких нарушений, затрагивающих гарантируемые законом права участников уголовного судопроизводства, суд не может постановить законный и обоснованный приговор.

Поскольку признанные неконституционными нормы утрачивали силу и не подлежали применению⁶, возвращение уголовного дела оставалось возможным лишь с целью устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, *если это не было связано с восполнением неполноты предварительного следствия*.

С учетом этих решений в УПК РФ, введенном в действие с 1 июля 2002 года, не предусматривалась возможность возвращения уголовного дела для дополнительного расследования из стадии судебного разбирательства. Институт возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования был заменен институтом возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к постановлению судом приговора. Новый институт рассматривался как принципиально отличающийся от прежних форм исправления следственных ошибок [5, с. 50]. Статья 237 УПК РФ в первоначальной редакции определяла перечень существенных процессуальных нарушений, в случае установления которых судьей по собственной воле либо по ходатайству сторон возвращает дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. К таким нарушениям было отнесено несоответствие обвинительного заключения или обвинительного акта требованиям УПК РФ, для устранения которых устанавливался срок пять суток.

Но что значит несоответствие требованиям УПК? Каким именно требованиям, если Уголовно-процессуальный кодекс весь и является совокупностью требований? Эта формулировка и по сей день является источником возможности расширительного толкования оснований возвращения уголовного дела прокурору.

04 июля 2003 года статья 237 УПК была дополнена частями 4 и 5, которые закрепили запрет на производство следственных или иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному прокурору. Доказательства, полученные по истечении пятисуточного срока либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных ст. 237 УПК РФ, признавались недопустимыми. Необходимость такого допол-

нения была порождена практикой, поскольку в некоторых случаях без проведения следственных действий невозможно было выполнить указания суда. Например, если допрос обвиняемого был произведен в отсутствие защитника, устранить нарушение можно было только путем повторного допроса. В некоторых случаях, возвращая дело прокурору, суд не мог четко указать, какое именно нарушение закона должно быть устранено, так как фактическое основание возвращения дела состояло исключительно в отсутствии достаточных для подтверждения обвинения доказательств. Так, Р., Ф. и З. обвинялись в совершении разбойного нападения на водителя такси и его убийства с целью хищения имущества – автомобиля, ручки и иных находящихся в машине предметов. Возвращая дело прокурору, суд указал, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований ст. 220 УПК РФ: в нем не указано время и место совершения преступления, формулировка обвинения содержала противоречия. В кассационном представлении государственного обвинителя содержалась просьба отменить судебное постановление ввиду отсутствия препятствий для рассмотрения дела судом. Верховный Суд РФ представление удовлетворил, указав, что изменение сущности обвинения возможно лишь при производстве дополнительного расследования, однако выполнение *следственных действий статьей 237 УПК РФ не предусмотрено*⁷.

В практической деятельности судов появились случаи, когда без возвращения дела прокурору суд не мог рассмотреть его по существу. В связи с этим в Конституционный Суд РФ стало поступать множество обращений, и уже 08 декабря 2003 года он расширил толкование п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, указав, что данная норма не исключает право суда по своему усмотрению или ходатайству сторон вернуть дело прокурору. О несоответствии обвинительного заключения или обвинительного акта требованиям УПК РФ могут свидетельствовать любые существенные нарушения уголовно-процессуального закона при производстве расследования. Устранение таких нарушений невозможно без проведения следственных и иных процессуальных действий, что, однако, не тождественно возвращению дела для производства дополнительного расследования. Это был первый шаг назад к положениям 2000 года. При этом, защищая свою прежнюю позицию, Конституционный Суд отметил, что возвращение дела прокурору не должно быть связано с *восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия*. Положения части четвертой статьи 237 УПК РФ, закреплявшие запрет проведения следственных

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 04 марта 2003 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л. И. Батищева, Ю. А. Евграфова, О. В. Фролова и А. В. Шмелева» // Российская газета. 2003. № 50.

⁶ Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 138-139 // Российская газета. 1994 г. № 50.

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 апреля 2003 г. № 63-о03-1. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/5511087> (дата обращения: 01.02.2023 г.).

действий, признаны неконституционными⁸, чем и был открыт «ящик Пандоры».

Множество дискуссий вызвал срок, установленный в ст. 237 УПК для устранения нарушений. Многие ученые-процессуалисты и сотрудники правоохранительных органов, как отмечалось в литературе, считали такой срок недостаточным [6, с. 90–92]. По данным Судебного департамента, в 2004 году в районные суды поступило на рассмотрение 718,5 тысячи уголовных дел. Из них 35 тысяч дел было возвращено прокурору и не поступило обратно в суды в установленный пятидневный срок, что на 32,1 % больше, чем за 2003 год⁹.

В связи со сказанным впоследствии положения частей второй, четвертой и пятой статьи 237 УПК РФ (о сроке, запрете проведения следственных действий и недопустимости доказательств, полученных за пределами срока) были отменены Федеральным законом от 02 декабря 2008 года № 226-ФЗ.

2 марта 2013 года в связи с жалобой Б. Т. Гадаева Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции положения части 1 статьи 237 УПК РФ в части, исключающей возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого. Внимание акцентировалось на защите прав потерпевшего и самостоятельности судебной власти, ее независимости от позиции сторон. В постановлении отмечается, что отсутствие у суда возможности удовлетворить ходатайство потерпевшего о возвращении уголовного дела прокурору ограничивает право потерпевшего на защиту от преступных действий, умаляет его честь и достоинство. Интересы потерпевшего в значительной степени связаны с разрешением вопроса о доказанности обвинения. Самостоятельное принятие судом решения о возвращении дела прокурору, без учета воли сторон, не является принятием на себя функции обвинения. Решение суда, направленное на исправление ошибок, допущенных на стадии предварительного расследования, не может рассматриваться как осуществление уголовного преследования, так как суд лишь указывает на нарушения прав участников уголовного судопроизводства, которые не могут быть устранены. «Иное вынуждало бы его принять решение, заведомо противоречащее закону, что в принципе недопустимо»¹⁰.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. № 257.

⁹ Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2004 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=861> (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 02 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-

Вопрос – о каком заведомо противоречащем закону решению говорит Конституционный Суд? Возможными решениями суда являются вынесение оправдательного или обвинительного приговора (мы не учитываем тут специфику судебного решения при отказе государственного обвинителя от обвинения). Следовательно, исходя из анализа вышеуказанного Постановления, вынесение обвинительного приговора в случаях, когда имеются основания для предъявления обвинения в более тяжком преступлении, заведомо противоречит закону. Полагаем, что такие рассуждения могут привести к ошибочному, на наш взгляд, выводу, что любой оправдательный приговор может быть рассмотрен как противоречащий закону, ибо он явно не соответствует интересам потерпевшего. Исходя из такой логики, вынесение оправдательного приговора в любом случае означает, что права потерпевшего были нарушены должностными лицами, осуществившими предварительное расследование и не сумевшими собрать достаточных для обоснования обвинения доказательств. В меньшей степени интересы потерпевшего оказываются незащищенными во всех случаях, когда лицо, совершившее преступление, не было привлечено к уголовной ответственности, когда уголовное дело за недостаточностью улик было прекращено или приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Но могут ли такие нарушения прав потерпевшего быть устранены судом?

Изложенные доводы подтверждаются Определением Конституционного Суда № 824-О от 07 апреля 2022 года. Оправдательный приговор в отношении С. М. Голованюка и Я. С. Шейнина отменен судом апелляционной инстанции, дело возвращено прокурору в связи с установлением в деле признаков состава другого преступления, обвинение в котором С. М. Голованюку и Я. С. Шейну не предъявлялось. Жалоба С. М. Голованюка и Я. С. Шейнина Конституционным Судом не была принята к рассмотрению. В определении Конституционный суд сослался на ранее высказанную в постановлении 2013 года позицию¹¹.

Последовательное изменение позиции Конституционного Суда и законодателя подтверждают тезис о том, что институт дополнительного

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. 2013. № 151.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 07 апреля 2022 г. № 824-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Голованюка Сергея Марковича и Шейнина Якова Самсоновича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 15, пунктом 1 части первой статьи 237 и частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=LervBOTIjYbCnk7R3&cacheid=7328510807A8E4616D239BBA8A610F8D&mode=splus&rnd=1XrBmA&base=ARB&n=709086#a0YLOOTyOpWZ1T22> (дата обращения: 01.02.2023).

расследования к настоящему времени восстановлен (и так он практиками и воспринимается) в прежнем виде, то есть в таком, каким он был до начала судебной реформы, каким он был по УПК РСФСР, который, напомним, был основан на иной системе принципов, принимался в условиях иной Конституции, чем действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Примеров тому несть числа.

В 2010 году Д. обвинялась в совершении незаконного сбыта и покушении на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере. В ходе рассмотрения судом уголовного дела подсудимая Д. не признала вину, пояснила, что ее перепутали с другой цыганкой, а сверток с наркотическим средством подбросил сотрудник полиции. Допрошенные в судебном заседании свидетели по-разному описали обстоятельства произошедшего. При этом двое из свидетелей указали на то, что подсудимая Д. не является женщиной, передавшей наркотическое средство. Государственный обвинитель заявил ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору в связи с допущенными в досудебном производстве существенными нарушениями закона. Удовлетворяя ходатайство, суд мотивировал возврат дела прокурору невозможностью сделать однозначный вывод об обоснованности предъявленного обвинения, неполнотой произведенного предварительного следствия, невозможностью устранения выявленных в ходе судебного рассмотрения противоречий, касающихся фактических обстоятельств произошедшего. Фактически суд указал на недоказанность обвинения, что, исходя из ст. 14 УПК, является основанием постановления оправдательного приговора. Постановление суда не обжаловалось. Через три месяца данное уголовное дело было вновь направлено в суд. Подсудимая Д. была приговорена к 9 годам 6 месяцам лишения свободы. Приговор суда не обжаловался¹².

Еще примеры. В 2017 году глава сельского поселения А. обвинялся в злоупотреблении должностными полномочиями (часть 2 статьи 285 УК РФ). Подсудимый А. вину не признавал. В ходе рассмотрения дела суд установил, что органы предварительного следствия в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении не указали, какими конкретными служебными полномочиями глава сельского поселения злоупотребил. В связи с существенными нарушениями закона, неустранимыми в судебном заседании, суд постановил вернуть уголовное дело прокурору. Постановление обжаловалось прокуратурой, но апелляционной инстанцией было оставлено без изменений. В ходе дополнительного предварительного следствия обвинение было изменено на часть 2 статьи 286 УК РФ – превышение должностных полномочий. В 2020 году по делу вынесен обвинительный приговор, который обжаловался как стороной за-

щиты, так и стороной обвинения, но был оставлен без изменений¹³.

Гражданин Ж. органами предварительного следствия обвинялся в нарушении правил охраны труда, совершенном лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, повлекшем по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 143 УК РФ). В судебном заседании государственный обвинитель заявил, что дело необходимо вернуть прокурору для установления истины и устранения неполноты предварительного следствия, проведения дополнительной экспертизы, а также в связи с несоответствием обвинительного заключения обстоятельствам уголовного дела. Суд постановил вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Решение было обосновано тем, что возложение на суд обязанности подменять деятельность органов обвинения не согласуется с предписанием ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия. Кроме того, суд отметил, что не установлена субъективная сторона состава преступления, противоречия предъявленного обвинения не устранены, отсутствует возможность проследить причинную связь между действиями Ж. и гибелью Ф., что влечет за собой невозможность постановления приговора по указанному обвинению на основании обвинительного заключения¹⁴.

Таким образом, во всех рассмотренных случаях имелись основания для вынесения оправдательного приговора. Однако в нарушение принципа состязательности стороне обвинения было создано преимущество, предоставлен второй шанс доказать выдвинутое ею обвинение. Цель возвращения дела – изменение существа обвинения, проведение допросов свидетелей, то есть поиск и собирание дополнительных обвинительных доказательств, восполнение пробелов предварительного следствия. В последнем случае государственный обвинитель прямо указал на необходимость дополнительного расследования. Соответственно, судебная практика развивается вопреки прямому указанию закона, правоприменители толкуют закон в том правовом значении, которое им удобно в конкретном деле. Пункт 1 части 1 статьи 237 УПК РФ со ссылкой на существенные нарушения уголовно-процессуального закона суд и государственный обвинитель используют как основания для возвращения дела прокурору во всех случаях, когда имеются основания для вынесения обвинительного приговора.

Расширив толкование оснований возвращения уголовного дела прокурору, Конституционный Суд Российской Федерации позволяет суду по своему усмотрению возвращать уголовное дело прокурору, в том числе для устранения неполноты предварительного расследования и производства след-

¹³ Архив Красноярского районного суда Самарской области за 2020 г.

¹⁴ Архив Кинельского районного суда Самарской области за 2022 г.

¹² Архив Красноярского районного суда Самарской области за 2010 г.

ственных действий. В таких действиях судов Конституционный Суд Российской Федерации не усматривает обвинительного уклона, ссылаясь на самостоятельность, независимость суда и необходимость расширения функции судебного контроля. На первый план выдвигается защита прав потерпевшего. Анализ позиций Конституционного Суда может привести к парадоксальному выводу: вынесение оправдательно-

го приговора не соответствует закону в случаях, когда сохраняется возможность восполнения доказательств в ходе дополнительного расследования. Таким образом, ранее упраздненные нормы о дополнительном расследовании в полном объеме находят свое отражение в многократно измененной статье 237 УПК РФ. Поставлены под угрозу принципы состязательности сторон и презумпции невиновности.

Библиографический список

1. Гавло В. К., Дудко Н. А. Необходимость совершенствования института возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 2(20). С. 45–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20446341>. EDN: <https://elibrary.ru/rflcrh>.
2. Головкин Л. В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11. С. 54–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13558309>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lkscsf>.
3. Лазарева В. А. Возвращение дополнительного расследования // Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)». Москва: Элит, 2010. С. 554–559. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43926201&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/ukmbjc>.
4. Пашин С. А. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. Москва: Республика, 1992. 110 с.
5. Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // Законность. 2015. № 4 (966). С. 50–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23274008>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tphybn>.
6. Ежова Е. В. Некоторые проблемы, возникающие при возвращении уголовного дела прокурору // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3 (84). С. 90–95. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11160490>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jkfwad>.

References

1. Gavlo V. C., Dudko N. A. *Neobkhodimost' sovershenstvovaniya instituta vozvrashcheniya sudom ugovolnykh del na dopolnitel'noe rassledovanie* [The institution of the additional investigation of criminal cases returned by the court needs to be improved]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2001, no. 2 (20), pp. 45–50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20446341>. EDN: <https://elibrary.ru/rflcrh> [in Russian].
2. Golovko L. V. *Istoki i perspektivy instituta dopolnitelnogo rassledovaniya ugovolnykh del na postsovetskom prostranstve* [Sources and the prospect for the Institute of the additional investigation of criminal cases on the post-Soviet space]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2009, no. 11, pp. 54–67. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13558309>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lkscsf> [in Russian].
3. Lazareva V. A. *Vozvrashchenie dopolnitelnogo rassledovaniya* [Return of supplemental investigation]. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Gosudarstvo i pravo: vyzovy XXI veka (Kutafinskije chteniya)»* [Materials of the international research and practical conference «State and Law: Challenges of the XXI century (Kutafin readings)»]. Moscow: Elit, 2010, pp. 554–559. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43926201&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/ukmbjc> [in Russian].
4. Pashin S. A. *Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii* [The concept of judicial reform in the Russian Federation]. Moscow: Respublika, 1992, 110 p. [in Russian]
5. Trisheva A. A. *Vozvrashchenie ugovolnogo dela prokuroru: sud'ba instituta* [Remanding a criminal case to a public prosecutor: destiny of the institute]. *Zakonnost'*, 2015, no. 4 (966), pp. 50–55. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23274008>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tphybn> [in Russian].
6. Ezhova E. V. *Nekotorye problemy, vznikayushchie pri vozvrashchenii ugovolnogo dela prokuroru* [Some problems that arise when returning a criminal case to the prosecutor]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2008, no. 3 (84), pp. 90–95. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11160490>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jkfwad> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-106-115

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/.7

Дата поступления: 26.04.2023
рецензирования: 27.05.2023
принятия: 25.07.2023

«Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки

А. С. Перина

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: anzhela.perina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу теоретических положений о понятии преступлений, совершаемых с использованием компьютерных, цифровых и иных технологий. В рамках исследования автором проанализированы научные изыскания ученых в части выработки единого обобщающего термина, обозначающего указанный вид преступлений, рассмотрена их типология, а также положения международных документов и законодательства Российской Федерации в указанном вопросе. Автором акцентировано внимание на отсутствие законодательного определения и единого мнения в доктрине уголовного права относительно дефиниции, отражающей сущность использования компьютерных технологий при совершении преступлений, и наличии различных определений, данных и в международных актах, несмотря на назревшую необходимость в нем в условиях стремительного увеличения включенности технологий в механизм совершения преступлений. Автор приходит к выводу о важности введения в научный оборот термина, обозначающего использование современных технологий в преступных целях, предлагая термин «цифровые преступления» и обозначая его преимущества. Статья содержит также признаки указанной группы преступлений. Обозначена авторская типология цифровых преступлений.

Ключевые слова: цифровые преступления; виды преступлений; компьютерные преступления; уголовное право; типология преступлений; современные технологии.

Цитирование. Перина А. С. «Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-106-115>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Перина А. С., 2023

Анжела Сергеевна Перина – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 191104, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 26.04.2023
Revised: 27.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Digital crimes: concept, typology, signs

A. S. Perina

Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: anzhela.perina@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of theoretical provisions on the concept of crimes committed using computer, digital and other technologies. The study is an analysis of scientific approaches of scientists, the provisions of international documents, legislation of the Russian Federation to the terms that denote the criminal use of digital technologies in the commission of crimes. In addition, the article contains approaches to the typology of the group of crimes under consideration. The author focuses on the lack of a single concept that reflects the essence of crimes committed using modern technologies in the analyzed legal acts and the theory of criminal law. The article as a result of the research contains an indication of the need to create and apply the generalizing concept of there is, since modern technologies are rapidly being incorporated into the mechanism of committing crimes. The author suggests the term «digital crimes» and designates its advantages. The article also contains signs of the specified group of crimes and the author's typology of digital crimes.

Key words: digital crime; types of crimes; computer crimes; criminal law; typology of crimes; modern technology.

Citation. Perina A. S. «*Tsifrovyye prestupleniya*»: *ponyatie, tipologiya, priznaki* [Digital crimes: concept, typology, signs]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-106-115> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Perina A. S., 2023

Angela S. Perina – postgraduate student of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44, Liteyny Avenue, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation.

Научно-технический прогресс, бесспорно, положительно влияет на общественное развитие, улучшая качество жизни человека, упрощая важнейшие сферы его деятельности.

Однако технологии, которые появляются в результате его стремительного развития, становятся инструментом для причинения вреда общественным отношениям. При этом появление новых угроз не является единственным его негативным следствием. Не менее опасным становится использование современных технологий при совершении «традиционных» для уголовного закона преступлений, уголовная ответственность за которые уже в нем закреплена. Наряду с общественно опасными деяниями, посягающими на общественный порядок, отношения собственности, причинение вреда посредством использования новейших технологий возможно и личности, ее правам и свободам, которые особо охраняются государством.

Согласно данным отчета Digital 2023¹, подготовленного организациями We Are Social и Hootsuite, на начало 2023 года 64,4 % населения планеты (т. е. 5,16 млрд из 8,01 млрд человек или минимум 6 из 10 человек) используют сеть Интернет, указанный показатель по сравнению с предыдущим годом увеличился на 1,9 %. При этом 4,76 млрд человек пользуются социальными сетями, что составляет около 60 % от общей численности населения. Статистические сведения, представленные в указанном отчете, показывают, что люди проводят в социальных сетях все больше времени, чем когда-либо.

На основе активного внедрения компьютерных преступлений в повседневную жизнь общества в настоящее время формируется современная модель социального взаимодействия, которая характеризуется анонимностью и дистанционностью общения. При этом личное общение все больше становится второстепенным [1, с. 74]. Появляются новые возможности ввиду расширения многообразия программно-аппаратных средств, электронных и информационно-телекоммуникационных сетей и т. д. Увеличивается доступность технологий для общества, что способствует активному распространению их использования, в том числе злоумышленниками.

Исследователи, неравнодушные к обозначенной проблеме, занимаются поиском обобщающего понятия, которое бы отражало суть феномена использования информационных, цифровых, компьютерных и иных современных технологий в преступных целях, их тесное вплетение в процесс совершения общественно опасного деяния. Такой научный интерес обусловлен необходимостью найти разумный ответ возникающим угрозам в условиях отсутствия конкретной и безальтернативной законодательной и доктринальной дефиниции. При том, что уголовное право

является той отраслью, которая требует ясности терминологии ввиду особенностей содержания его норм, способных оказывать существенное влияние на общественные отношения в обществе, а также важности эффективности правовой нормы в целях выполнения обозначенных задач в уголовном законе. Теоретическое осмысление фундаментальных проблем, новых угроз существующим или возникающим общественным отношениям необходимо и в рамках своевременной адаптации норм уголовного закона к современным реалиям, в том числе происходящей посредством совершенствования юридической техники и введения в правовой оборот новых понятий и терминов [2, с. 69].

Международные документы также содержат в себе обозначения указанного явления. В частности, используются понятия:

«киберпреступление»², как любое противоправное деяние, совершенное посредством электронных операций, целью которого является безопасность компьютерных систем и обрабатываемых ими данных (киберпреступление в узком смысле (компьютерное преступление)), и как любое противоправное деяние, совершенное посредством или связанное с компьютерами, компьютерными системами или сетями, включая незаконное владение и предложение или распространение информации посредством компьютерных систем или сетей (киберпреступление в широком смысле (как преступление, связанное с компьютерами));

«компьютерное преступление», определяемое как любое преступное деяние, «которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети. В принципе, оно охватывает любое преступление, которое может совершаться в электронной среде»³;

«преступления, связанные с использованием компьютеров» как запрещаемое законом и/или судебной практикой поведение, которое а) направлено собственно на компьютерную сферу и коммуникационные технологии; б) включает использование цифровых технологий в процессе совершения правонарушения; в) включает использование компьютера как инструмента в процессе совершения иных преступлений, и, соответствен-

¹ SIMON KEMP. DIGITAL 2023: GLOBAL OVERVIEW REPORT. 26.01.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 16.04.2023).

² Доклад X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10–17 апреля 2000 года. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/030_ACONF.187.15_Report_of_the_Tenth_United_Nations_Congress_on_the_Prevention_of_Crime_and_the_Treatment_of_Offenders_R.pdf (дата обращения: 01.04.2023).

³ Справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети. 2000. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 01.04.2023).

но, компьютер выступает при этом как источник электронных процессуальных доказательств⁴.

«информационное преступление», которое раскрывается как «использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в противоправных целях»⁵;

«преступление в сфере компьютерной информации», которое представляет собой «уголовно наказуемое деяние, предметом посягательства которого является компьютерная информация»⁶;

«деяния в сфере информационных технологий», которое также предполагает совершение именно компьютерных преступлений, за исключением некоторых пунктов.⁷

Несмотря на то, что в более поздних документах Конгресса Организации Объединенных Наций понятия «киберпреступность», «компьютер» стараются обходить, что обусловлено стремительно расширяющимися возможностями информационных и цифровых технологий, которые уже выходят за рамки привязанности к электронным предметам,⁸ в настоящее время положения остаются не в полной мере адаптированы к современным реалиям и не отражают результатов стремительного научно-технического прогресса в контексте их использования при совершении преступлений.

На национальном уровне законодательное понятие, раскрывающее сущность преступления, при совершении которого используются компьютерные и иные технологии, также отсутствует.

Тенденции наполнения норм Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) (далее – УК РФ) признаками, характеризующими преступление в ключе использования при их совершении различных современных технологий, нуждаются в необходимости

⁴ Доклад XI Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок, 18–25 апреля 2005 г. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation/11Congress/ACONF203_18_r_V0584411.pdf (дата обращения: 01.07.2021)

⁵ Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. 2001. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. 2018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207180005> (дата обращения: 05.04.2023).

⁸ Руководство для дискуссий, подготовлено в рамках Четырнадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Киото. Япония, 20–27 апреля 2020 года. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation_14th_Congress/DiscussionGuide/A_CONF234_PM1_r_V1806331.pdf. С. 50–56.

наиболее четкого понимания содержательной составляющей термина, отражающего этот признак.

В составах преступлений, входящих в раздел VII УК РФ, содержащий нормы об ответственности за посягательства на личность, включение технологий в элементы объективной стороны состава, обозначено как использование «информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть Интернет».

Пунктами 17, 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37) разъяснение содержания указанного признака состоит в дублировании нормы п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023).

Однако такой подход не только не способствует уяснению указанного термина, но и ограничивает многообразие технологий, которые могут быть использованы злоумышленниками при совершении преступлений, поскольку современный этап научно-технического прогресса характеризуется, в частности, разработками, тестированием и внедрением в жизнедеятельность общества беспилотных автомобилей и летательных аппаратов, искусственного интеллекта. Их использование в преступных целях напрямую способствует расширению возможностей совершения общественно опасных деяний, в том числе направленных против личности.

В доктрине уголовного права также нет единого мнения относительно понятия, включающего использование компьютерных и иных современных технологий в преступных целях, однако исследователи, неравнодушные к обозначенной проблеме, занимаются его поиском.

Так, использование компьютерных и иных современных технологий при совершении преступлений исследователи отражают в понятиях, которые условно можно разделить на 2 группы:

1) отражающие в самом понятии технологии или их свойства, которые применяются при совершении преступлений: «компьютерные преступления» [3, с. 9; 4, с. 24–25], «информационные преступления» [5; 6, с. 612–614; 7], «киберпреступления» [8; 9], «интернет-преступления» [10; 11], «преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ)» [12–14];

2) отражающие сферу совершения таких преступлений: «преступления в сфере высоких технологий» [15–17], «преступление в сфере компьютерной информации» [18–21], «преступление в сфере информационных технологий» [22], «пре-

ступления в сфере обращения цифровой информации» [23; 24].

В зарубежной литературе распространение получили два понятия: *cyber crime* и *computer-related crime* [25; 26].

Некоторые авторы в попытках объединить указанные термины пишут о рассмотрении компьютерной преступности в широком смысле, которая включала бы в себя и такие понятия, как «киберпреступность», «интернет-преступность», «преступность в сфере компьютерной информации», поглощая их по смыслу и содержанию, выступая для них более общим понятием [27].

Указанные термины отражают различные аспекты включенности технологий в механизм совершения преступления, что означает наличие многогранности рассматриваемого явления и отсутствие прямого противостояния исследователей друг другу в части конкретных терминов.

Некоторые ученые (Ю. М. Батулин, А. М. Жодзишский [28, с. 11], В. М. Быков, В. Н. Черкасов [29, с. 102]) высказывают сомнения о существовании компьютерных преступлений как специального вида, отмечая, что «правильнее было бы говорить лишь о компьютерных аспектах преступлений, не выделяя их в обособленную группу преступлений». Несмотря на приводимую ими аргументацию, которая включает в том числе позицию о нецелесообразности дифференциации преступлений в зависимости от вида технических средств, применяемых при их совершении, а также модификации традиционных преступлений ввиду вовлеченности в них компьютерных технологий, такой подход не совсем удачен. Недооценка факта существования фактора «включенности» в сущность некоторых общественно опасных деяний компьютерных и иных технологий, отсутствие анализа их юридической специфики может привести к торможению адаптации уголовного закона к постепенной «цифровизации» преступности.

Действительно, излишняя детализированность нового для уголовного права понятия, которое вопреки своему призванию устранить неопределенность нецелесообразно и способно вызвать обратный эффект: не позволит учесть все нюансы реальности и необоснованно создаст ограниченную и тупиковую ситуацию для правоприменителя, сузив пределы уголовно-правовой охраны.

Важность формулирования признаков криминализированных деяний с очевидностью заключается в наиболее точном применении уголовного закона. Кроме того, неконкретность понятий и отсутствие единого подхода к терминологии, применяемой при осуществлении количественного учета и классификации новых способов совершения преступлений в сфере информационных технологий, усложняет определение реальной степени их угроз.

Наличие понятийного аппарата определяет констатацию научной разработанности и актуальности исследований в той или иной сфере. Уголовное право не является исключением. Эволюция преступности в контексте перехода ее в виртуальное

пространство предполагает не только ее научное переосмысление, но и разработку конкретного перечня понятий, характеризующих новый вид преступлений.

Представляется, что все новые и развивающиеся технологии, которые могут нести угрозу общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, следует рассматривать как элементы одного явления. Предлагается использовать для его обозначения понятие «*цифровые преступления*». Такой термин может быть применен к любым преступлениям, объединенным в ту или иную группу, входящую в конкретный раздел УК РФ, в том числе и к группе преступлений против личности. Так, *цифровые преступления – это виновные, общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, совершаемые посредством компьютерных, цифровых, информационно-телекоммуникационных и иных современных технологий либо в киберпространстве*.

Стоит отметить, что в соответствии с современным толковым словарем слово «посредством» определяется как «при помощи чего-либо, используя что-либо»⁹. Так, указанное обозначение аналогично употреблению слов «с использованием», «с помощью» применительно к компьютерным и цифровым технологиям в составе объективной стороны.

Введение в научный оборот термина «цифровое преступление» имеет следующие преимущества: 1) позволяет выразить объективно существующую связь с цифровыми технологиями, не ограничиваясь понятиями «компьютер», «сеть Интернет», «смартфоны» и пр.; 2) этимология использованных слов позволяет создать общее представление о группе преступлений, четко отразить суть посягательства, несколько видоизмененного под влиянием цифровизации, выстроить обусловленную технологиями логическую ассоциацию у использующих это понятие; 3) находится в русле тенденций процессов цифровизации и порождаемых ей понятий (связь с законодательной базой, использование в обиходе слов «цифровая» личность, «цифровизация» и пр.).

Кроме того, дополнительным преимуществом может стать и тот факт, что в смежной с уголовным правом науке криминологии группой ученых предложен термин «цифровая преступность» как социальное противоправное явление, включающее в себя совокупность преступлений, совершаемых в сфере цифровых технологий или с их использованием, в том числе включая незаконное завладение и предложение или распространение информации в информационно-телекоммуникационных сетях и в виртуальной среде, дополняющей реальность [30]. Так, подчеркивается единообразие наук криминального цикла в подходах к феномену использования современных технологий при совершении преступлений.

⁹ Толковый словарь Ефремовой. Москва, 2000.

Поскольку цифровые преступления могут также развиваться и наполняться все новыми возможностями технологий, представляется целесообразным их типологизировать, что позволит осмыслить явление в его целостности, выявить внутренние взаимосвязи и соподчинения, прогнозировать наличие недостающих звеньев, а также сформулировать критерии отнесения тех или иных преступлений к «цифровым» [31, с. 54].

В научной литературе попытки классифицировать преступность уже имеются. Например, вопрос о типологизации преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, в доктрине уголовного права рассмотрен профессором А. Н. Поповым, который отмечает, что компьютерные преступления могут быть представлены: как преступления в сфере компьютерной информации; информационные компьютерные преступления; киберпреступления (интернет-преступления), раскрывая сущность каждого из указанных видов [32].

Еще один ученый, который также предложил классификацию рассматриваемого вида преступлений, это профессор А. Г. Волеводз. Им выделено три категории преступлений: «преступления в сфере компьютерной информации, посягающие на информационные компьютерные отношения; преступления в информационном компьютерном пространстве, посягающие на отношения, возникающие по поводу реализации прав на информационные ресурсы (собственности и т. д.), информационную инфраструктуру и составляющие ее части (ЭВМ, системы и сети ЭВМ, программы для ЭВМ и т. д.); иные преступления, для которых характерно использование компьютерной информации или составляющих ее элементов информационного пространства при совершении деяний, посягающих на иные охраняемые уголовным законом правоотношения (собственности, общественной безопасности и т. д.)» [33].

Е. А. Русскевич сформулировал два уголовно-правовых феномена: «компьютерная преступность» - общественно опасные посягательства на установленный порядок хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо эксплуатации информационно-коммуникационных сетей и оконечного оборудования; и «компьютеризированная преступность», которую ученый подразделяет по признакам объекта и по признакам объективной стороны (на простые и квалифицированные) [14, с. 29–31]. Интересным с точки зрения прогностического видения автора представляется, что остальные преступления он называет «потенциально компьютеризированными», то есть те, которые на современном этапе развития общества являются нетипичными для уголовного права, но возможны при дальнейшем развитии общества.

Представляется, что каждая из указанных классификаций дополняет друг друга и раскрывает феномен использования компьютерных технологий при совершении преступлений со своей стороны.

Однако следует отметить, что любая классификация, как и предлагаемая в рамках исследования, имеет условный характер и требует оговорок.

На международном уровне также в рамках объединения усилий стран по противодействию цифровым преступлениям принимаются международные документы, в том числе отражающие типологии таких преступлений.

Например, приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 27.11.2020 № 51-24 «Рекомендательные типологии новых преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий» в рамках положений раздела 5 «Использование информационных технологий с целью совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступлений против здоровья населения и общественной нравственности» содержит указание на два вида преступлений: преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и склонение несовершеннолетних к совершению самоубийства.

Представляется, что указанная классификация по объекту посягательства не отражает в полной мере всего спектра возможностей технологий для совершения преступлений.

В Конвенции Совета Европы, принятой еще в начале XXI века, выделяется четыре группы правонарушений: 1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, 2) правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств, 3) правонарушения, связанные с содержанием данных, 4) правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

Однако даже на международном уровне попытки классифицировать цифровые преступления сводятся к отражению специфики использования современных технологий при совершении той или иной узкой группы преступлений, не отражая общие признаки сущности современных технологий в составе преступления.

В рамках настоящего исследования всю совокупность преступлений, при совершении которых используются современные технологии, можно разделить на несколько условных групп *по признаку их включенности в состав преступления*.

1. Цифровые, компьютерные и иные современные технологии, используемые в качестве способа или средства совершения преступления. Своего рода **«соисполнительство» человека и технологий**.

В рамках данного вида использование компьютерных технологий является обязательным признаком именно объективной стороны, самого общественно опасного деяния, которое совершается в сопряженности с технологиями. Зачастую такое использование становится непосредственным или одним из необходимых условий достижения преступного результата, хотя может быть и не единственным, но преимущественно обуславливающим его наступление. В рамках указанно-

го типа рассматриваются преступления, совершенные с помощью искусственного интеллекта, беспилотных автомобилей, различных приборов, технических устройств, систем видеонаблюдения, продуктов цифровизации, информационно-телекоммуникационных сетей и т. п.

При этом следует сделать оговорку, что в рамках указанной группы цифровых преступлений подразумевается применение не физических свойств техники, а именно «интеллектуальное» наполнение технологий и их возможности воздействия на внешний мир.

Юридическая конструкция норм подобных преступлений предполагает наличие слов «с использованием», «с применением», «посредством» и т. п.

2. Компьютерные технологии как место совершения преступления. Здесь логичнее говорить о **преступлениях, совершенных в киберпространстве или виртуальном пространстве.**

Включенность в объективную сторону состава в рамках указанной группы цифровых преступлений обусловило признание особого пространства, в котором совершаются общественно опасные деяния. Спецификой таких преступлений является то, что и выполнение деяния, и наступление преступного результата, которое заключается в себе оконченный состав, совершается в киберпространстве, которое «не имеет территориальных границ, кроме стандартов или технических средств, которые регулируют системы доступа и которые не принадлежат правовому миру» [34].

Например, создание фейковой страницы в сети Интернет для распространения порочащих сведений о потерпевшем. Причинение вреда происходит реальному человеку, однако сам процесс выполняется как бы «внутри» цифровых технологий и только с их использованием. В данном случае компьютерные технологии по своей сути уже не вспомогательный элемент в выполнении общественно опасного деяния и не орудие, а место совершения преступления.

Кроме того, данный тип преступлений предполагает также обеспечение признака «публичности», содержащегося в конструкциях некоторых составов (ст. 137 УК РФ, ст. 128.1 УК РФ и др.), поскольку виртуальное пространство предполагает возможность обращения к той или иной информации неограниченного числа пользователей, доступность в любое время и в любой точке мира, а также возможность неконтролируемого распространения информации.

В настоящее время правовое регулирование данной сферы недостаточно разработано, что обуславливает наличие проблем территориальной юрисдикции.

Юридическая конструкция составов, входящих в обозначенную группу преступлений, содержит признак использования цифровых технологий, по смыслу отвечающий на вопрос «где?» совершено преступление, отражая по своей сути пространственное виртуальное место совершения преступления.

3. Компьютерные технологии как объект преступления. В данном случае, когда злоумышленник стремится неправомерно завладеть доступом к тем или иным данным в компьютере или ином устройстве и получает его в процессе выполнения определенных манипуляций с программами и системами компьютерных и цифровых устройств.

Такой тип преступлений можно обозначить как **«собственно компьютерные преступления».**

В данном случае технологии относятся к предмету совершения преступления, а объектом являются общественные отношения, обеспечивающие их безопасность.

Таким образом, указанная классификация позволяет разграничить в науке уголовного права составы преступлений в зависимости от того, каким образом используются достижения научно-технического прогресса для достижения преступного результата, что имеет значение как для квалификации преступлений, так и для совершенствования юридической техники при конструировании составов уголовного закона, разграничения смежных составов между собой и т. д.

Исходя из предлагаемого понятия для исследуемой группы преступлений, их типологии, можно кратко обозначить признаки, которые характеризуют цифровые преступления и позволяют отнести к ним совершаемые общественно опасные деяния.

1. Процесс посягательства на общественные отношения предполагает использование компьютерных, цифровых, информационно-телекоммуникационных и иных современных технологий, их включенность в элементы состава преступления.

2. В процессе выполнения общественно опасного деяния задействовано «интеллектуальное» наполнение технологий, т. е. те возможности, которые они в себе содержат, а не их физические свойства. Например, для причинения смерти используется система искусственного интеллекта, в которой происходит перепрограммирование на отключение систем жизнеобеспечения пациента, поддерживаемое с помощью технологий, а не провада от этих систем для удушения.

3. Такое использование носит преимущественно обуславливающий характер для наступления преступного результата. Оно может быть и не единственным элементом выполнения объективной стороны состава, однако находится в прямой причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и наступившими последствиями.

4. Субъектом преступления умышленно используются современные технологии для причинения вреда. Лицо осознает наличие тех или иных свойств у применяемых программно-аппаратных и иных средств, способных обеспечить достижение преступного результата. Более того, виновный обладает необходимыми знаниями пользователя таких систем, позволяющими ему управлять ими и обеспечивать направление для достижения необходимой ему цели.

Таким образом, термин «цифровые преступления», введенный в научный оборот, может спо-

способствовать обогащению науки уголовного права обобщенным обозначением феномена внедрения технологий в механизм совершения преступлений, в частности, направленных против личности. Применение признаков и типологии поможет в объединении преступлений в соответствующую группу и позволит следить за их динамикой, осуществлять прогнозирование преступности и принимать своевременные меры со стороны государства для минимизации причинения вреда общественным отношениям посредством использования технологий.

Библиографический список

1. Русскевич Е. А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 73–80. DOI: https://doi.org/10.12737/article_597714e7c1b439.52593067. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbthcf>.
2. Козаев Н. Ш. Противодействие злоупотреблениям современными технологиями: международно-правовые и уголовно-правовые аспекты. Москва: Юрлитинформ, 2016. 192 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24268901>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ulbzkkr>.
3. Ляпунов Ю., Максимов В. Ответственность за компьютерные преступления // Законность. 1997. № 1. С. 8–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29973805>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zfxvmm>.
4. Вехов В. Б. Компьютерные преступления: Способы совершения, методики расследования. Москва: Право и закон, 1996. 179 с.
5. Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления: учеб. и практ. пособие. Москва: ИНФРА-М: Норма, 1997. 276 с. URL: https://studylib.ru/doc/2575914/krylov-v.v.-informacionnyie-komp._yuternye-prestupleniya.
6. Копылов В. А. Информационное право: вопросы теории и практики. Москва: Юристъ, 2003. 621 с.
7. Гребеньков А. А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 4 (137). С. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.108-120>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xmjncx>.
8. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002772809.pdf.
9. Чекунов И. Г. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 22 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30392051>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zpbuoj>.
10. Гузеева О. С. Преступления, совершаемые в российском сегменте сети Интернет: монография. Москва, 2015. 136 с.
11. Дремлюга Р. И. Интернет-преступность: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 238 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19785835>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqzwhn>.
12. Урбан В. В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-10005>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zatqmx>.
13. Унукович А. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 278–280. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2021-4-278-280>. EDN: <https://elibrary.ru/giktyg>.
14. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. Москва: ИНФРА-М, 2022. 352 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/1840963>. EDN: <https://elibrary.ru/mpwvhl>.
15. Козаев Н. Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства): монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. 217 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23393321>. EDN: <https://elibrary.ru/trxvbd>.
16. Фоменко А. И. К вопросу об уголовно-правовой охране сферы высоких технологий как необходимого условия стабильного регионального развития // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2015. № 5. С. 217–222. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25516464>. EDN: <https://elibrary.ru/vmjumj>.
17. Аносов А. В. Использование технологии блокчейн в процессе формирования и учета криминологической информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). С. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.32.13968>. EDN: <https://elibrary.ru/urzwim>.
18. Старичков М. В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 26 с. URL: <https://telecomlaw.ru/autoref/abstracts/starichkov-120008.htm>.
19. Шибаев Д. В., Лобачев И. В. Содержание понятия «преступление в сфере компьютерной информации» // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 4. С. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS18454>.
20. Петрова И. А., Лобачев И. А. Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1. С. 52–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42850761>. EDN: <https://elibrary.ru/iibnyb>.

21. Кудрявцев В. Л. Преступления в сфере компьютерной информации: общая характеристика // Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка: материалы междунаучно-практической конференции (Нижегород, 1 марта 2012 года) / под ред. А. В. Козлова. Н. Новгород: НИУ ВШЭ, 2012. С. 69–76. URL: <https://www.iauj.net/node/1174>.
22. Мысина А. И. Международно-правовые основы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Международное право. 2019. № 1. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.25136/2306-9899.2019.1.29027>. EDN: <https://www.elibrary.ru/geuluc>.
23. Феткулин Р. Р., Арюков А. К. Преступления в сфере цифровой информации: понятие и виды // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10, № 3. DOI: [http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).17](http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).17).
24. Бегисhev И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Познание, 2020. 300 с. URL: <https://clib.me/b/643072-eldar-rustamovich-begishev-prestupleniya-v-sfere-obrascheniya-tsifrovoy-informatsii/readp>.
25. Dana L. Bazelon, Yun Jung Choi, Jason F. Conaty. Computer Crimes // The American criminal law review. 2006. Vol. 43, issue 2. P. 259–310.
26. Douglas H. Hancock. To What Extent Should Computer Related Crimes be the Subject of Specific Legislative Attention? // Albany Law Journal Science & Technology. 2001, vol. 12, p. 97.
27. Скляр С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 2. С. 322–330. DOI: [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).322-330](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).322-330). EDN: <https://www.elibrary.ru/wkesvj>.
28. Батулин Ю. М., Жодзишский А. М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. Москва: Юрид. лит., 1991. 157 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20854436>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rojhox>.
29. Быков В. М., Черкасов В. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. 325 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23743587>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tzpcmv>.
30. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология: учебное пособие. Москва, 2021. 244 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46390788>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vckoeif>.
31. Кудрявцев В. Н., Лунеев В. В. О криминологической классификации преступлений // Государство и право. 2005. № 6. С. 54–66. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9151612>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hsgwwt>.
32. Попов А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2018. 68 с. URL: https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2018_01_07.pdf.
33. Волеводз А. Г. Правонарушения в информационной сфере: некоторые проблемы ответственности // Информационное общество в России: проблемы становления: сборник научных трудов. Москва, 2002. С. 26–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24749083>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uvpesb>.
34. Ramón J. M. Territorio, tiempo y estructura del ciberespacio. 2014. P. 25–26.

References

1. Russkevich E. A. *Ugolovnoe pravo i informatizatsiya* [Criminal law and informatization]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 8 (248), pp. 73–80. DOI: https://doi.org/10.12737/article_597714e7c1b439.52593067. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbthcf> [in Russian].
2. Kozaev N. Sh. *Protivodeistvie zloupotrebleniyam sovremennymi tekhnologiyami: mezhdunarodno-pravovye i ugolovno-pravovye aspekty* [Counteracting the abuse of modern technologies: international legal and criminal aspects]. Moscow: Yurlitinform, 2016, 192 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24268901>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ulbzkr> [in Russian].
3. Lyapunov Yu., Maksimov V. *Otvetstvennost' za komp'yuternye prestupleniya* [Responsibility for computer crimes]. *Zakonnost'* [Zakonnost' Journal], 1997, no. 1, pp. 8–15. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29973805>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zfxvmn> [in Russian].
4. Vekhov V. B. *Komp'yuternye prestupleniya: Sposoby soversheniya, metodiki rassledovaniya* [Computer crimes: Methods of commission, methods of investigation]. Moscow: Pravo i zakon, 1996, 179 p. [in Russian].
5. Krylov V. V. *Informatsionnye komp'yuternye prestupleniya: ucheb. i prakt. posobie* [Information computer crimes: training and practical guide]. Moscow: INFRA-M: Norma, 1997, 276 p. Available at: https://studylib.ru/doc/2575914/krylov-v.v.-informatsionnye-komp_yuternye-prestupleniya [in Russian].
6. Kopylov V. A. *Informatsionnoe pravo: voprosy teorii i praktiki* [Information law: issues of theory and practice]. Moscow: Yurist', 2003, 621 p. [in Russian].
7. Grebenkov A. A. *Ponyatie informatsionnykh prestuplenii, mesto v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii i mesto priznakov informatsii v strukture ikh sostava* [The concept of computer crimes, place in the criminal legislation of Russia and the place of information features in the structure of the elements]. *Lex Russica (Russkii zakon)* [Lex Russica], 2018, no. 4 (137), pp. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.108-120>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xmjncx> [in Russian].

8. Tropina T. L. *Kiberprestupnost': ponyatie, sostoyanie, ugovolno-pravovye mery bor'by: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Cybercrime: concept, state, criminal law measures of struggle: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Vladivostok, 2005, 26 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002772809.pdf [in Russian].
9. Chekunov I. G. *Kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe obespechenie preduprezhdeniya kiberprestupnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminological and criminal law support for the prevention of cybercrime: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2013, 22 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30392051>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zpbuoj> [in Russian].
10. Guzeeva O. S. *Prestupleniya, sovershaemye v rossiiskom segmente seti Internet: monografiya* [Crimes committed in the Russian segment of the Internet: monograph]. Moscow, 2015, 136 p. [in Russian].
11. Dremlyuga R. I. *Internet-prestupnost': monografiya* [Internet crime: monograph]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2008, 238 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19785835>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqzhwn> [in Russian].
12. Urban V. V. *Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei: obshchaya kharakteristika i ugovolno-protsessual'nye mery po ikh protivodeistviyu* [Crimes committed with the use of information and telecommunication networks: general characteristics and criminal procedural measures to counter them]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2019, no. 1 (88), pp. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-10005>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zatqmx> [in Russian].
13. Unukovich A. S. *Ponyatie prestuplenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii* [The concept of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [State service and personnel], 2021, no. 4, pp. 278–280. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2021-4-278-280>. EDN: <https://elibrary.ru/giktgy> [in Russian].
14. Russkevich E. A. *Ugovolnoe pravo i «tsifrovaya prestupnost'»: problemy i resheniya: monografiya* [Criminal law and «digital crime»: problems and solutions: monograph]. Moscow: INFRA-M, 2022, 352 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/1840963>. EDN: <https://elibrary.ru/mpwwhl> [in Russian].
15. Kozaev N. Sh. *Sovremennye tekhnologii i problemy ugovolnogo prava (analiz zarubezhnogo i rossiiskogo zakonodatel'stva): monografiya* [Modern technologies and the problems of criminal law (analysis of foreign and Russian legislation): monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2015, 217 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23393321>. EDN: <https://elibrary.ru/trxvbd> [in Russian].
16. Fomenko A. I. *K voprosu ob ugovolno-pravovoi okhrane sfery vysokikh tekhnologii kak neobkhodimogo usloviya stabil'nogo regional'nogo razvitiya* [To the question of criminal-legal protection of the sphere of high technologies, as necessary preconditions for stable regional development]. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu*, 2015, no. 5, pp. 217–222. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25516464>. EDN: <https://elibrary.ru/vmjumj> [in Russian].
17. Anosov A. V. *Ispol'zovanie tekhnologii blokchein v protsesse formirovaniya i ucheta kriminologicheskoi informatsii* [The use of blockchain technology in the process of forming and accounting criminological information]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia], 2018, no. 2 (32), pp. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.32.13968>. EDN: <https://elibrary.ru/urzwim> [in Russian].
18. Starichkov M. V. *Umyslennyye prestupleniya v sfere komp'yuternoi informatsii: ugovolno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Intentional crimes in the field of computer information: criminal legal and criminological characteristics: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Irkutsk, 2006, 26 p. Available at: <https://telecomlaw.ru/autoref/abstracts/starichkov-120008.htm> [in Russian].
19. Shibaev D. V., Lobachev I. V. *Soderzhanie ponyatiya «prestuplenie v sfere komp'yuternoi informatsii»* [the Concept of «Crime in the Field of Computer Information»]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies], 2018, vol. 5, no. 4, pp. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS18454> [in Russian].
20. Petrova I. A., Lobachev I. A. *Prestupleniya v sfere komp'yuternoi (tsifrovoy) informatsii: diskussionnye voprosy opredeleniya ponyatiya, ob'ekta ugovolno-pravovoi okhrany i predmeta posyagatel'stv* [Crimes in sphere of computer (digital) information: debatable issues of definition of the concept, object of criminal legal protection and subject of encroachments]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Journal of Applied Research], 2020, no. 1, pp. 52–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42850761>. EDN: <https://elibrary.ru/iibnyb> [in Russian].
21. Kudrjavcev V. L. *Prestupleniya v sfere komp'yuternoi informatsii: obshchaya kharakteristika* [Crimes in the field of computer information: general characteristics]. In: *Ugovolnoe zakonodatel'stvo v XXI veke: sovremennoe sostoyanie, problemy traktovki i primeneniya ego polozhenii s uchetom zadach dal'neishego ukrepleniya ekonomicheskogo pravoporyadka: materialy mezhd. nauchno-praktich. konferentsii (Nizhny Novgorod, 1 marta 2012 goda) / pod red. A. V. Kozlova* [Kozlov A. V. (Ed.) Criminal legislation in the XXI century: current state, problems of interpretation and application of its provisions, taking into account the tasks of further strengthening the economic law and order: materials of the International research and practical conference (Nizhny Novgorod, March 1, 2012)]. Nizhny Novgorod: NIU VShE, 2012, pp. 69–76. Available at: <https://www.uaj.net/node/1174> [in Russian].
22. Mysina A. I. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva gosudarstv po protivodeistviyu prestupleniyam v sfere informatsionnykh tekhnologii* [International Legal Framework for Cooperation between States in Combating Crimes in the Field of Information Technology]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], 2019, no. 1, pp. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.25136/2306-9899.2019.1.29027>. EDN: <https://www.elibrary.ru/geuluc> [in Russian].

23. Fetkulin R. R., Aryukov A. K. *Prestupleniya v sfere tsifrovoi informatsii: ponyatie i vidy* [Crimes in the Sphere of Digital Information: Concept and Types]. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 3. DOI: [http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).17](http://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).17) [in Russian].
24. Begishev I. R., Bikeev I. I. *Prestupleniya v sfere obrashcheniya tsifrovoi informatsii* [Crimes in the sphere of digital information circulation]. Kazan: Poznanie, 2020, 300 p. Available at: <https://clib.me/b/643072-eldar-rustamovich-begishev-prestupleniya-v-sfere-obrascheniya-tsifrovoy-informatsii/readp> [in Russian].
25. Dana L. Bazelon, Yun Jung Choi, Jason F. Conaty. Computer Crimes. *The American criminal law review*, 2006, vol. 43, issue 2, pp. 259–310.
26. Douglas H. Hancock. To What Extent Should Computer Related Crimes be the Subject of Specific Legislative Attention? *Albany Law Journal Science & Technology*. 2001, vol. 12, p. 97.
27. Sklyarov S. V., Evdokimov K. N. *Sovremennye podkhody k opredeleniyu ponyatiya, struktury i sushchnosti komp'yuternoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii* [Modern approaches to the concept, structure and nature of computer crime in the Russian Federation]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2016, vol. 10, no. 2, pp. 322–330. DOI: [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).322-330](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).322-330). EDN: <https://www.elibrary.ru/wkesvj> [in Russian].
28. Baturin Yu. M., Zhodzishskiy A. M. *Komp'yuternaya prestupnost' i komp'yuternaya bezopasnost'* [Computer crime and computer security]. Moscow: Yurid. lit., 1991, 157 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20854436>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rojhox> [in Russian].
29. Bykov V. M., Cherkasov V. N. *Prestupleniya v sfere komp'yuternoi informatsii: kriminologicheskie, ugovolno-pravovye i kriminalisticheskie problemy: monografiya* [Crimes in the field of computer information: criminological, criminal law and criminalistic problems: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2015, 325 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23743587>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tzpcmv> [in Russian].
30. Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smolyaninov E. S. *Tsifrovaya kriminologiya: uchebnoe posobie* [Digital criminology: textbook]. Moscow, 2021, 244 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46390788>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vckoef> [in Russian].
31. Kudryavtsev V. N., Lunev V. V. *O kriminologicheskoi klassifikatsii prestuplenii* [On the criminological classification of crimes]. *Gosudartsvo i pravo* [State and Law], 2005, no. 6, pp. 54–66. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9151612>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hsgwwt> [in Russian].
32. Popov A. N. *Prestupleniya v sfere komp'yuternoi informatsii: uchebnoe posobie* [Crimes in the field of computer information: textbook]. Saint Petersburg, 2018, 68 p. Available at: https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2018_01_07.pdf [in Russian].
33. Volevodz A. G. *Pravonarusheniya v informatsionnoi sfere: nekotorye problemy otvetstvennosti* [Offenses in the information sphere: some problems of responsibility]. In: *Informatsionnoe obshchestvo v Rossii: problemy stanovleniya: Sbornik nauchnykh trudov* [Information society in Russia: problems of formation: collection of scientific works]. Moscow, 2002, pp. 26–35. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24749083>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uvpesb> [in Russian].
34. Ramón J. M. Territorio, tiempo y estructura del ciberespacio. 2014, pp. 25–26.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2023

рецензирования: XX.XX.2023

принятия: XX.XX.2022

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванов В. В., 2023**

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2023

Revised: XX.XX.2023

Accepted: XX.XX.2023

ARTICLE TITLES

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, Vol. 9, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© **Ivanov V. V., 2023**

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)